

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ
КОНТАКТИРОВАНИЯ:
тюркско-русское языковое взаимодействие**

Часть 1

Социолингвистическое и корпусное исследование

Томск
Издательство Томского государственного университета
2024

УДК 81'272, 811.161.1, 81'23, 811.161.1'37

ББК 81.2 – 2, – 3, – 67

Р89

Авторский коллектив:

З.И. Резанова, Е.Д. Артеменко, В.С. Диброва, А.В. Дыбо,
И.С. Коршунова, О.В. Нагель, О.В. Рыжова, А.А. Степаненко,
И.Г. Темникова

Р89   Русский язык в условиях контактирования: тюркско-русское языковое взаимодействие. Ч. 1: Социолингвистическое и корпусное исследование / З.И. Резанова, Е.Д. Артеменко, В.С. Диброва, А.В. Дыбо, И.С. Коршунова, О.В. Нагель, О.В. Рыжова, А.А. Степаненко, И.Г. Темникова. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. – 216 с.

ISBN 978-5-907890-61-9

В монографии представлены собственно лингвистические, социолингвистические и психолингвистические аспекты взаимодействия русского и трех тюркских языков – шорского, хакасского, татарского (сибирского варианта). Охарактеризованы варианты влияния тюркских языков на речевую практику и когнитивные процессы порождения и восприятия речи русскоязычными билингвами. Представлены методики сбора данных, их обработки при формировании социолингвистической базы данных и морфологически размеченного бимодального корпуса русской устной речи билингвов, результаты анализа языковых ситуаций в восприятии билингвов и особенностей их речевых практик на русском языке.

Для филологов, лингвистов, специалистов в области языкового контактирования, социолингвистики и лингвокультурологии.

УДК 81'272, 811.161.1, 81'23, 811.161.1'37

ББК 81.2 – 2, – 3, – 67

Рецензенты:

Е.А. Оглезнева, доктор филологических наук, профессор;

Ю.В. Филь, кандидат филологических наук, доцент

ISBN 978-5-907890-61-9

© Резанова З.И., Артеменко Е.Д., Диброва В.С.,
Дыбо А.В., Коршунова И.С., Нагель О.В.,
Рыжова О.В., Степаненко А.А., Темникова И.Г., 2024
© Томский государственный университет, 2024

Введение

В монографии представлены результаты анализа лингвистических, социолингвистических и психолингвистических аспектов тюркско-русского языкового взаимодействия в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур»¹. Исследование направлено на выявление общих закономерностей и специфических особенностей контактирования русского и трех тюркских языков: шорского, хакасского и татарского (сибирского варианта). Целевым в анализе является русский язык, т.е. выявляются варианты влияния тюркских языков на речевую практику и когнитивные процессы порождения и восприятия речи на русском языке билингвами.

В объектной сфере исследования находятся языковые ситуации в трёх смежных регионах юга Западной Сибири: Хакасии, Горной Шории и Томской области. В этих регионах представлены разные варианты функциональной несбалансированности, доминирования русского по отношению к языкам, являющимся для билингвов материнскими.

Вторая существенная особенность объекта нашего исследования – принадлежность языков, контактирующих в языковом сознании (когнитивной системе) билингвов, к типологически разным языковым системам. Русский язык как типичный представитель славянской группы отличается ярко выраженной флективностью и синтетизмом грамматической структуры. Материнские языки билингвов принадлежат к тюркской группе, воплощая черты систем агглютинативного типа. Отметим также, что системы языков характеризуются различным набором грамматических категорий, оппозиций частных грамматических значений в их пределах, а также лексико-грамматических разрядов, характером их функционального взаимодействия.

В монографии представлены результаты решения частных задач проекта:

---

¹ Общая характеристика проекта представлена: *Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А.* Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.

1) характеристика восприятия особенностей языковых ситуаций билингвами, направленности их метаязыковых рефлексий, актуализированных существованием в условиях дву- и полиязычия;

2) выявление языковой интерференции, проявляющейся в речевых практиках билингва;

3) исследование когнитивных основ формирования языковой семантики русскоязычного билингва;

4) изучение влияния свойств тюркских языков на когнитивную обработку единиц русского языка при решении разного рода лингвистических и нелингвистических задач билингвом.

Решение двух первых задач представлено в первой части монографии, варианты решения третьей и четвертой – во второй части монографии.

Поставленные задачи, связанные с обнаружением разных сторон единого процесса взаимодействия языков в сознании билингва, решаются на основе междисциплинарного подхода, синтезирующего методы лингвистики (корпусные, компаративные, структурные и др.), социолингвистики, когнитивистики и психолингвистики (полевые, экспериментальные, корпусные методы), математические методы анализа (статистика, машинное обучение и т.д.).

Первая задача решается с использованием полевых методов сбора материала: проведения свободных бесед и анкетирования носителей исследуемых типов билингвизма в зонах контактирования русского языка с языками тюркской языковой группы. В результате обработки полученных материалов были созданы базы данных, лингвистически размеченный корпус текстов.

«Социолингвистическая база данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов» (далее – RuTurkSocLing)¹, организующая материалы формализованных и полужормализованных интервью, послужила основой проведения социолингвистического анализа языковой ситуации по данным субъективных оценок жителей региона, носителей тюркско-русского билингвизма.

Материалы «Бимодального корпуса устной речи жителей южно-сибирского региона» (далее – RuTuVic) включают развёрнутые ответы наших респондентов на вопросы анкет, а также материалы свободных бесед по

---

¹ *Социолингвистическая база данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов* / Артеменко Е.Д., Буб А.С. и др. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023622697, 07.08.2023. Заявка № 2023622343 от 25.07.2023.

заранее неопределенному кругу вопросов, которые, однако, фокусировались вокруг тем национальных языков, культур, жизненных ситуаций респондентов, вписанных в контекст жизни страны, начиная с 30-х гг. прошлого века по настоящее время. В этих беседах также спонтанно возникали рассуждения респондентов о языке, стимулированные интересом интервьюеров к этим аспектам жизни этноса.

Подчеркнём, что в рассматриваемом аспекте ценность материалов корпуса определяется и тем, что они дают необычайно важные свидетельства размышлений наших респондентов о судьбах своих языков, их структурных особенностях и соотношениях с особенностями языкового окружения. В сфере нашего анализа находится вопрос том, что попадает в сферу метаязыкового сознания человека, живущего в билингвальной среде в условиях контактирования типологически разных языков.

«Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона» морфологически размечен и содержит подкорпус, включающий аннотирование по отклонениям от речевого стандарта на всех уровнях языковой системы и метаразметку текстов по их принадлежности к типам дискурсов, жанрам, типам речи, тематическим единствам.

Данные размеченного по отклонениям от речевого стандарта подкорпуса «Бимодального корпуса устной речи жителей южно-сибирского региона»¹ позволяют проследить в поверхностной структуре спонтанной речи внешние проявления проблемных зон когнитивной обработки единиц осваиваемого русского языка под влиянием особенностей родного, а также в условиях диалектных влияний, своеобразия устной спонтанной коммуникации, проявляющиеся в типовых отклонениях от норм современного русского языка. Объём корпуса позволяет применять в анализе методы не только качественного, но и количественного, в том числе статистического анализа. Корпусные данные используются для выявления проблемных зон когнитивной обработки языковых единиц, как глубинных, непосредственно ненаблюдаемых и неререфлексируемых, так и их активации в метаязыковом сознании носителей билингвизма.

В монографии представление результатов исследования предваряется краткой характеристикой особенностей соотношения целевых языков

---

¹ *Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона* / Артёмов Е.Д., Буб А.С., Васильева А.В., Душейко А.С., Машанло Т.Е., Нагель О.В., Резанова З.И., Сафиуллина Е.Ш., Степаненко А.А., Темникова И.Г. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019620803, 22.05.2019. Заявка № 2019620689 от 07.05.2019.

(трех материнских, шорского, хакасского, татарского и русского) в структуре языковых ситуаций в регионах Южной Сибири. В первой главе первой части монографии отмечаются те характеристики языковых ситуаций, которые во многом предопределяют своеобразие полученных в проекте результатов. Мы стремимся показать, что не только направленность мета-языковых рефлексий респондентов, но и характер проявления интерференции родных языков в речевых практиках на русском языке, в восприятии русской речи определяется тем, что исследуемый тип билингвизма формируется в условиях несбалансированных языковых ситуаций, в которых второй, осваиваемый язык в настоящее время занимает позицию функционально доминирующего, родной же язык обнаруживает функциональные признаки херитажного языка, языка семейного наследия¹. При этом общая тенденция проявляется в разной степени в условиях контактирования и языковой конкуренции русского языка с родными языками билингов – хакасским, шорским, татарским (сибирским татарским) в трех регионах: Хакасии, Горной Шории, районах Томской области.

Результаты проведенного анализа мы представляем в следующей логике. Сначала характеризуется методика сбора материала исследования и его обработки в базах данных и корпусах текстов, а затем – результаты проведенных на их основе исследований.

Так, во втором параграфе первой главы сначала представлено описание методик сбора материала, их применения и обработки при формировании «Социолингвистической базы данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингов». Используемый ресурс позволяет проводить статистический анализ оценок разных аспектов языковых ситуаций (ЯС), языкового и социального опыта билинга, данных нашими респондентами. Этот метод в сочетании с социолингвистическим является основным в анализе. Отметим, что в параграфе представлены отдельные аспекты анализа языковых ситуаций в субъективном восприятии билингов, в том числе сравнительный анализ оценок разных групп респондентов, противопоставленных по ряду социолингвистических характеристик. Параграф завершается характеристикой языковой конкуренции в трех регионах с вариативными языковыми ситуациями.

---

¹ В социолингвистической терминосистеме эта оппозиция также обозначается как мажоритарный – миноритарный язык. В монографии будут использоваться обе терминологически пары.

Вторая глава первой части монографии также начинается с общей характеристики ресурса, на основе которого проводилось исследование метаязыковых и метакультурных рефлексий билингвов, – морфологически размеченного «Бимодального корпуса устной речи жителей южно-сибирского региона». Как и предыдущий ресурс, бимодальный корпус позволяет выявлять субъективные оценки вариативных языковых ситуаций носителей билингвизма, однако как ресурс корпус имеет существенные отличия от представленной базы данных. Корпус – это полнотекстовая база данных, которая позволяет получить доступ к развернутым рассуждениям наших респондентов о разных аспектах своего языкового, этнокультурного, социального существования. Основным методом анализа, используемый авторами монографии при обращении к материалам корпуса, – филологическая, социолингвистическая и культурологическая рефлексия текстов. В фокусе анализа в данной главе находится выявление того, какие аспекты языкового и этнокультурного существования билингвов попадают в сферу оценок и размышлений наших респондентов.

При этом подчеркнём, что материалы базы данных и корпуса текстов собирались в единых условиях в беседах и интервью с общим составом респондентов, поэтому они взаимодополняют друг друга. Статистические данные первой части исследования раскрываются во второй части в комментированных респондентами системы оценок.

Существенно важно отметить, что материалы собранных баз данных и корпусов текстов позволяют проводить гораздо более широкий круг исследований, нежели представленные в монографии. Разные параграфы второй главы характеризуются вариативным охватом эмпирического материала, собранных в проекте ресурсов.

Так, представленный во втором параграфе первой главы статистический анализ базируется на собранных данных по всем трем регионам, что позволило провести и сопоставительный анализ. Характеристика метаязыковых и метакультурных рефлексий наших респондентов ограничена материалом бесед с носителями шорско-русского билингвизма.

Такая же вариативность включения объемов собранного в проекте эмпирического материала представлена и во второй главе первой части монографии.

Эта глава также начинается с характеристики базы данных – подкорпуса, размеченного по типам отклонений от речевого стандарта (ОРС): описывается система метаразметки и ограничения в дискурсивно-жанро-

вом отношении текстовых материалов. Основным содержанием главы является характеристика отклонений от стандарта русской письменной речи, выявляемая в текстах подкорпуса. Обосновываются теоретические позиции авторов, на основе которых выделяются группы ОРС: противопоставление внутриязыковых и межъязыковых влияний, результатом которых они являются. Далее следует общая характеристика ОРС по всем уровням языковой системы, проявления которых обнаружены в речевых практиках трех вариантов билингвизма, противопоставляемых материнскими языками: шорско-русского, хакасско-русского, татарско-русского. Этот аспект анализа завершается выявлением корреляций типов ошибок, вариантов билингвального опыта респондентов и ОРС.

Наряду с общей характеристикой тенденций в сфере ОРС во второй главе первой части монографии более подробно характеризуются ОРС в сфере именной грамматики, прежде всего на материале русской речи шорско-русских билингвов, в гораздо меньшей – татарско-русских.

Во второй части монографии сохраняется единая логика представления материала. Сначала характеризуются принципы сбора материала, их обработки и представления в двух психолингвистических базах данных (RuWordPerception¹ и TurkWordPerception²), а также принципы проведения поведенческих психолингвистических экспериментов. Затем представляются результаты проведенных на их основе исследований. Основные содержательные фокусы исследования: 1) влияние фактора билингвизма на восприятие и когнитивную обработку перцептивной семантики слов русского языка; 2) своеобразии когнитивной обработки именных грамматических форм русского языка билингвами. Анализ когнитивной обработки грамматических именных форм основывается на данных корпусного исследования интерферентных явлений в устной речи тюркско-русских билингвов, представленного во второй главе первой части монографии.

Решение каждой из последовательно и отчасти одновременно решаемых в проекте задач имеет самостоятельное научное значение и в то же время выступает в качестве основания для решения соотнесенных проблем.

---

¹ Психолингвистическая база данных оценок слов русского языка RuWordPerception / Артёмко Е.Д., Буб А.С. и др. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2021622890, 10.12.2021.

² Психолингвистическая база данных TurkWordPerception: оценки слов татарского и хакасского языков по модальностям восприятия / Бурнакова А.В., Владимирова В.Е. и др. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622589, 21.10.2022.

Необходимо отметить значимое для решения общей цели проекта различие в использовании данных анкетирования и поведенческих экспериментальных методов. Методы поведенческих экспериментов направлены на выявление скрытых процессов когнитивной обработки единиц языка, проявляющихся в особенностях внешних реакций респондентов. В наших исследованиях применялись методы с измерением времени реакции при выполнении задач на лексическое решение, а также показателей движения глаз при чтении. Определение разницы в когнитивной обработке данных, противопоставленных по исследуемым параметрам, достигается тщательным отбором стимульного материала, противопоставлением исследуемых параметров и контролем других характеристик языковых единиц. На основании полученных данных о времени реакции, правильных и неправильных ответов, движений глаз в процессе чтения исследователь делает заключение о специфике когнитивной обработки языковых единиц под влиянием исследуемых параметров слова.

Таким образом, результаты поведенческих экспериментальных исследований противопоставлены, с одной стороны, данным анкетирования как направленные на актуализацию (изучение) процессов, происходящих на скрытых от непосредственного наблюдения уровнях сознания. С другой стороны, они противопоставлены данным корпусного исследования, так как в поведенческих экспериментах моделируются процессы когнитивной обработки в процессах восприятия речи, а по корпусным данным – в процессах её порождения.

В заключение отметим, что в монографию включены фрагменты ранее опубликованных статей, ссылки на которые приводятся в начале соответствующих параграфов.

Глава 1

Несбалансированные языковые ситуации в восприятии билингов (тюркско-русский билингвизм в Южной Сибири)

В центре нашего внимания находится характеристика социолингвистических ситуаций в трех регионах Южной Сибири по данным субъективных оценок их жителей, носителей тюркско-русского билингвизма. Материалы для анализа были собраны методом социолингвистического анкетирования, объединены и формализованы в социолингвистической базе данных RuTurkSocLing, объем которой позволяет применить не только качественные, но и количественные (статистические) методы анализа.

Представление результатов проведенного в проекте исследования предваряет характеристика соотношения русского и материнских (родных) языков в структуре языковых ситуаций на основе опубликованных данных: законов о языке, подзаконных актов, результатов переписи населения и аналитических работ, проведенных с применением социолингвистических методов.

1.1. К характеристике языковых ситуаций в регионах компактного проживания носителей исследуемых вариантов билингвизма

Предварим краткую характеристику языковых ситуаций в регионах, в которых было проведено исследование, определением основной терминологии.

Активное развитие социолингвистики в 60-е гг. прошлого столетия как в России, так и за рубежом ознаменовалось становлением основной терминосистемы этого направления¹. К числу важнейших относим и один из базовых терминов нашего исследования – *языковая ситуация*, определяемый

---

¹ *Леонова Е.В.* История формирования понятия «языковая ситуация» в отечественной лингвистике XX века // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 1. С. 24–25.

ведущими российскими исследователями как «совокупность языковых систем и подсистем (различных языков и форм их существования в условиях дву- и многоязычия, разных форм существования языка в условиях одноязычия), используемых тем или иным языковым/речевым коллективом»¹, как «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности»². Концептуально близки к приведенным определениям дефиниции, представленные в работах В.А. Аврорина³, А.Д. Швейцера⁴, В.А. Виноградова⁵, а также в словарях лингвистических⁶ и социолингвистических терминов⁷.

Согласуется с этими определениями отечественных лингвистов и дефиниция Ч. Фергюсона, одного из известных американских социолингвистов XX в., который определял языковую ситуацию как «общую конфигурацию использования языка в данное время и в данном месте и включающую такие данные, сколько языков и какие языки используются в данном ареале, сколько человек на них говорит, при каких обстоятельствах и каких установок и мнений в отношении этих языков придерживаются члены данного коллектива» (перевод – А.Д. Швейцер)⁸. Как следует из приведенных дефиниций, границы языковых ситуаций определяются типами речевого взаимодействия, вследствие этого они могут совпадать или не совпадать с границами административных образований. Социально-коммуникативная система складывается в результате взаимодействия разных социально-этнических групп людей и является отражением этнической и соци-

---

¹ Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М. : Высшая школа, 1978. 216 с.

² Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы. М. : Наука, 1976. 166 с.

³ Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. Л. : Наука, 1975. 274 с.

⁴ Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику...

⁵ Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология: Западная Африка. М. : Наука, 1984. 126 с.

⁶ Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. URL: <https://clck.ru/3VTeJ5> (дата обращения: 18.06.2024).

⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

⁸ Ferguson Ch.A. Language structure and language use. Stanford, 1971. 327 p. Цит. по: Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М. : Высшая школа, 1978. С. 86.

альной дифференциации общества, принимающей форму функционального распределения языковых систем и подсистем на уровне всего общества и на индивидуальном уровне. Организация взаимосвязи языков обеспечивается: межъязыковыми контактами; отношением языков к континууму коммуникации общества; особенностями взаимоотношений и языкового явления.

1. Языковая ситуация – это *организованная совокупность* форм существования языка.

2. Формы существования языка функционируют *одновременно*.

3. Формы существования языка функционируют *на определенной территории*.

4. Территории функционирования форм существования языка обычно *совпадают с границами* административного образования.

5. Важную роль играет не только географические параметры, но и *языковые установки членов общества* и их отношение к языковым образованиям, функционирующим на данной территории.

Аналитика языковых ситуаций приводит к выделению базовых признаков, на основе которых они типологизируются.

Типология А.Д. Швейцера¹ основана на идее, что наиболее существенными признаками компонентов языковой ситуации являются функциональные: а) объем и характер социальных функций (местное, региональное, внутригосударственное, международное общение); б) наличие функциональных стилей, письменной формы и степени разработки норм языка или варианта; и социальный: статус языков а) официальный, законодательно закрепляемый, б) фактический, определяемый количеством говорящих на данном по отношению к другим языкам.

В.А. Виноградов, А.И. Коваль и В.Я. Порхомовский² предложили типологию, основанную на выделении трех групп признаков: количественные; качественные; оценочные (эстимационные).

К количественным признакам относятся: а) число идиомов (компонентов) языковой ситуации, которые являются ее компонентами; б) демографическая мощность идиомов, т.е. число говорящих на каждом из идиомов в отношении к общей численности населения исследуемого ареала; в) ком-

---

¹ Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 176 с.

² Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология...

муникативная мощность идиома – число коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомам, в отношении к общему числу таких сфер; г) число функционально доминирующих идиомам.

По параметрам демографической и коммуникативной мощности идиомам различают равновесные (обладающие равномошными идиомами) и неравновесные (обладающие разномошными идиомами) языковые ситуации.

К качественным относятся признаки, противопоставляющие лингвистический и социальный статус идиомам, функционирующих в пределах ЯС. В первом случае противопоставляются разновидности одного языка (одноязычные ЯС) или разные языки (многоязычные), в последнем случае – ЯС с взаимодействующими родственными или неродственными, типологически едиными или противопоставленными языками, во втором случае учитывается социально-исторический статус доминирующего идиома: местный или «импортированный». Выделяемый авторами качественный признак функциональной равнозначности-неравнозначности непосредственно соотнесен с количественными признаками коммуникативной мощности и функционально-стилистического разнообразия. На основе интерпретации соотнесенных количественных и качественных признаков языковые ситуации квалифицируются как гармоничные или дисгармоничные. Авторы типологии противопоставляют внешнюю и внутреннюю оценку идиомам. В первом случае язык оценивается носителями других языков и исконными носителями по критериям его коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной принадлежности и т.д. Совокупность внутренних оценок определяет степень так называемой языковой лояльности данного языкового коллектива, т.е. степень его приверженности к родному языку.

Варианты функционального распределения языковых пар (русский и материнские языки) в пределах языковых ситуаций в регионах, в которых проводились исследования, мы представляем в логике выделенных типологических противопоставлений, ориентируясь при этом и на современные работы, представляющие описания конкретных языковых ситуаций в разных регионах мира, в том числе в регионе Южной Сибири¹, основываясь на объективных данных. К ним мы относим официальные результаты

---

¹ Катунин Д.А. Статус языков в региональном законодательстве Сибирского федерального округа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 3. С. 137–151; Сагалакова Т.Н. Языковое законодательство в субъектах Российской Федерации с разными правовыми статусами // Фило-

проведенных государственных переписей населения, данные о системе преподавания языков, формах коммуникации на языках и их вариантах, с учетом государственных законов, подзаконных актов, данных из открытых публичных источников, располагаемых в том числе государственных органов и общественных организаций, в научных публикациях. Характеристика трех регионов описана по одной схеме, поэтому в первом анализе она представлена подробно, в последующих – более кратко.

1.1.1. Хакасский и русский языки в языковой ситуации Республики Хакасия¹

Республика Хакасия является субъектом Российской Федерации, входит в Сибирский федеральный округ. Была образована в 1923 г. как Хакасский уезд Енисейской губернии, затем с 1930 г. Хакасская автономная область Западно-Сибирского, а с 1934 г. Красноярского края. В 1991 г. авто-

---

логические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-1 (64). *Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова К.А.* Языки миноритарных этносов Южной Сибири: статусно-дискурсивная репрезентация в социокультурном контексте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19, № 3. С. 439–452; *Казак Е.А.* Языковая ситуация и языковая политика в республиках Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 26, № 1. С. 7–28; *Блохинская А.В., Гордеева С.В., Касимова Е.В., Оглезнева Е.А., Цзян Ин.* Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай). Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2014. 164 с.; *Оглезнева Е.А.* Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. Историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9: Славянское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе. Благовещенск : АмГУ, 2011. С. 7–25.

¹ Особенности языковой ситуации в Хакасии в XX в. проинтерпретированы в ряде работ: *Боргоякова Т.Г.* Правовой и функциональный статус языков Республики Хакасия // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2011. № 3. С. 15–20; *Кызласов А.С., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е. и др.* О языковой ситуации у хакасов (в местах проживания сельского хакасского населения) // МНКО. 2019. № 2 (75); *Артёменко Е.Д., Буб А.С.* Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири // Русин. 2019. Т. 56. С. 294–311; *Кызласов А.С., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е. и др.* Особенности функционирования хакасского языка в городской среде // МНКО. 2018. № 2 (69); *Дроздов А.И., Карачакова О.М.* Межнациональные отношения в Республике Хакасия в начале XXI в.: историко-статистический анализ // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. doi: 10.25136/2409-868X.2019.12.31252 и др.

номная область была преобразована в автономную республику. Таким образом можно сразу отметить нарастающую автономию субъекта в границах общей территории РСФСР / СССР / РФ.

Высший нормативно-правовой акт региона – Конституция Республики Хакасия, принятая 25 мая 1995 г. Верховным Советом республики. Очевидно, нельзя не принимать во внимание, что Конституция Российской Федерации, являясь высшим нормативно-правовым актом РФ, также действует в политико-территориальных границах Хакасии. Русский язык является государственным языком Российской Федерации, его положение закреплено в нескольких законах, в том числе в высшем нормативном правовом акте РФ – Конституции РФ. В части 1 ст. 68 говорится, что «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»¹. В пункте 1 ст. 3 Закона «О языках народов РФ» от 25.10.1991 № 1807-1 утверждается, что «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык»². В пункте 1 ст. 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации» также закреплено положение русского языка: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»³. Хакасский же язык закреплен непосредственно на республиканском (региональном) уровне в ст. 69 Конституции РХ и Законом «О языках народов Республики Хакасия». Согласно этим нормативно-правовым актам, государственными языками республики являются русский и хакасский.

Охарактеризуем функциональное положение русского и хакасского языков в структуре ЯС Хакасии по количественным и качественным признакам.

---

¹ Конституция Российской Федерации // принята всенар. голосованием от 12 дек. 1993 г. : (с учетом поправок от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ; от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ; от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс». М., 2024.

² О языках народов Российской Федерации // Закон РФ от 25 окт. 1991 г. № 1807-1 (ред. от 13 июня 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». М., 2024.

³ О государственном языке Российской Федерации : Закон от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 28 февр. 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». М., 2024.

В настоящее время языковая ситуация в Хакасии является *многоязычной/многокомпонентной*. На территории республики функционируют 107 языков, из которых 23 языка имеют число носителей более 100 человек. Русский язык занимает первое место по количеству носителей (443 603 человека, или 99,8%), хакасский язык – второе (27 278 человек, или 6,14%). Согласно нормативно-правовым актам, в республике два государственных языка – русский и хакасский, которые являются функционально доминирующими идиомами. Хакасский язык на территории всей республики функционирует в литературной форме, наряду с которой выделяются четыре территориальных диалекта со своими говорами: сагайский, качинский, кызыльский и шорский. Также А.В. Дыбо, цитируя Н.Ф. Катанова, упоминает бельгырский и койбальский диалекты, который в других работах интерпретируются как говоры сагайского диалекта¹. Русский язык на территории республики представлен в варианте литературном и диалектном, однако русские говоры Хакасии последовательно не охарактеризованы. В Ташгытском районе Хакасии компактно проживают носители шорского языка. Таким образом, по числу функционально доминирующих идиомов языковая ситуация является *двухкомпонентной*, в которой два языка – русский и хакасский – функционально доминируют (в сравнении с другими языками). По юридическому статусу языков ЯС является *дисгармоничной*, но, так как и русский, и хакасский являются государственными языками в пределах данного политико-административного образования, их соотношение отличается от отношений с другими идиомами.

Демографическая мощь русского и хакасского языков значительно различается. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. (в дальнейшем будем называть данную перепись «перепись 2020 г.»), общее число населения в республике – 534 795 человек, из них указавших владение хакасским языком – 444 533 человека.

В табл. 1 представлены результаты трех последних Всероссийских переписей населения: данные об общем количестве населения региона, численности этноса, а также численности людей, указавших владение русским и хакасским языков. Информация о родном языке населения во Всероссийской переписи населения не собиралась, вследствие чего здесь и впоследствии при анализе других языковых ситуаций эта информация отражена не будет. В скобках указано количество в процентах от общего числа населения для каждой из переписей.

---

¹ Дыбо А.В., Мальцева В.С. Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в. // Вестник КИГИ РАН. 2021. № 6. С. 1353–1367.

Таблица 1

Сравнение данных Всероссийских переписей населения по Республике Хакасия

Показатель	2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Хакас-ский	Рус-ский	Хакас-ский	Рус-ский	Хакас-ский	Рус-ский
Общая численность населения	546 072		528 175		534 795	
Численность народа	65 421 (11,98%)	438 395 (80,28%)	63 643 (12,05%)	427 647 (80,97%)	55 144 (10,31%)	356 325 (66,53%)
Владение языком	64 024 (11,72%)	437 998 (80,21%)	39 735 (7,52%)	522 217 (98,87%)	27 278 (5,1%)	443 603 (82,95%)
Указавшие язык родным	–	–	44 497 (8,42%)	426 963 (80,84%)	44 071 (8,24%)	381 138 (71,27%)

Стоит прокомментировать, что в рамках переписи населения 2002 г. численность лиц, владеющих языком этноса, с разбиением на все субъекты РФ, не собиралась.

Анализ показал достаточно быстрое снижение демографической мощности хакасского языка в период с 2002 по 2020 г. – на более чем 6,6% (с 11,72% в 2002 г. до 5,1% в 2020 г.). Однако при этом следует отметить значительное увеличение носителей хакасского как родного за период с 2010 по 2020 г.: в 2010 г. процент хакасов, указавших хакасский язык родным, составляет 69,92%, в то время как в 2020 г. – 79,92%, т.е. наблюдается увеличение на 10%. Сравнивая демографическую мощность хакасского и русского языков в настоящее время (по результатам переписи 2020 г.), можно сделать вывод, что языковая ситуация в регионе является *неравновесной*: мощность русского языка в шесть раз больше мощности хакасского языка.

Коммуникативная мощность языка определяется на основе анализа использования языка в различных коммуникативных сферах в отношении к общему числу таких сфер.

Законодательно статус хакасского языка закреплен в ст. 69 Конституции РФ: «Государственными языками Республики Хакасия являются русский и хакасский языки»¹, что устанавливает официальный билингвизм на

¹ Конституция Республики Хакасия : принята на XVII сессии Верховного Совета Республики Хакасия (первого созыва) 25 мая 1995 г. URL: <https://r-19.ru/documents/4063/32426.html>

республиканском уровне. Сферы применения хакасского языка закреплены в Законе Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 «О языках народов Республики Хакасия»: хакасский используется в органах государственной власти, в СМИ, научных исследованиях, культурных мероприятиях, образовании¹. Исследования, проведенные Институтом языкознания РАН и опубликованные на сайте «Малые языки России»², показали, что хакасский язык в республике используется практически во всех коммуникативных сферах.

Образование. Хакасский язык в разной степени, формах, функциональной направленности представлен на всех уровнях образования. В дошкольном образовании представлен в некоторых детских садах, где существуют группы изучения хакасского языка; в среднем образовании в национальных гимназиях и школах сел компактного проживания является обязательным, в других преподается как факультатив; в высшем образовании: Хакасский государственный университет ведет подготовку бакалавров по профилю «Хакасский язык и литература», магистров по профилю «Хакасский язык, литература, культура», где хакасский язык является предметом и средством обучения – значительная часть лекций читается на хакасском языке. На остальных специальностях хакасский язык не используется. Учебно-методическая литература издается для всех этапов обучения.

Средства массовой информации. На хакасском языке выходят республиканская газета «Хакас чирі», специализированные периодические издания – альманах «Инесай», газета «Сын сабланыстыг киртинес», детский журнал «Тигір хуры» и др.), ежедневные новостные радиопередачи, а также около 10 еженедельных передач разной направленности (аналитика, культура, музыка, детская) и ежедневные телевизионные программы ГТРК «Хакасия»: «Хабарлар» («Известия»), «Чалахай иртеннең, Хакасия!» («С добрым утром, Хакасия!»).

Наука. На хакасском языке публикуются отдельные статьи, доклады и лекции (при этом основным языком для публикаций и выступлений является русский язык).

Религия. Хакасский язык используется в традиционных ритуалах наряду с русским. В православном богослужении хакасский язык не ис-

---

¹ О языках народов Республики Хакасия : Закон Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11. URL: <https://base.garant.ru/20501722/>

² Хакасский язык | Малые языки России. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/khakkasskiy-yazyk>

пользуется. В 2011 г. Институтом перевода Библии был издан перевод Нового Завета на хакасский язык (с параллельным синодальным переводом). В книге «Образцы народной литературы тюркских племен», ч. IX, изданной В. Радловым, приводятся, среди прочих, тексты религиозного характера (молитвы шамана, описание ритуалов и пр.).

Книгопечатание. На хакасском языке издается детская литература (сборники сказок, стихов для детей, а также малых фольклорных жанров – считалок, скороговорок и др.), художественная литература (романы, рассказы, повести, пьесы, очерки) и научно-популярная литература (преимущественно краеведческого характера, издается небольшими тиражами, как правило, силами краеведческих музеев).

Культура. Хакасский язык не используется только в сфере кино. Традиционная культура представлена остатками культуры *хайджис* (народных сказителей), наиболее популярным из сохранившихся традиционных жанров является *тахпах* – вид стихотворно-песенного творчества. На республиканских фестивалях проводятся конкурсы *тахпахчи* – исполнителей тахпахов. В республике существует несколько десятков самодеятельных коллективов. Несколько раз в год проводятся районные и республиканские фестивали, посвященные хакасскому языку и культуре. Эстрадное искусство представлено произведениями советских хакасских композиторов-песенников. Спектакли на хакасском языке ставят театры Абакана: Хакасский национальный драматический театр и Хакасский театр драмы и этнической музыки «Читиген». Мультипликация представлена контентом в Интернете – любительские короткометражки и озвучки советских мультфильмов на хакасском языке. Также в каждом районе Хакасии существует краеведческий музей, многие из таких музеев представляют собой комплекс юрт под открытым небом рядом с археологическим или природным памятником.

Торговля. Язык используется преимущественно в сельской местности: на рынках и в небольших сельских магазинах и кафе.

Транспорт. В аэропорту, на железнодорожном вокзале и автовокзале г. Абакана имеется дублирование отдельных надписей на вывесках, в аэропорту также имеется аудиодублиаж объявления рейсов.

Семейно-бытовое общение. Используется как средство общения старшего поколения (от 60 лет) между собой и среднего поколения (от 30 лет) со старшим, преимущественно в сельской местности.

Не отмечено только использование хакасского языка в сферах судопроизводства и промышленности.

Как следует из представленных данных, хакасский язык используется в выделенных авторами сферах коммуникации достаточно ограниченно, активно в сфере межличностного общения и очень ограниченно в рамках институциональных дискурсов. Отметим, что, по оценкам носителей билингвизма, в БД RuTurcSocLing хакасский язык используется в институциональной коммуникации в 23% случаев.

Вслед за Е.А. Оглезневой¹ мы выделяем 11 основных коммуникативных сфер. В соответствии с данным делением представляем сравнительные данные о коммуникативной мощности русского и хакасского языков в ЯС республики в табл. 2. Знаком «+» мы отмечаем факт использования языка в данной коммуникативной сфере вне зависимости от того, в каком объеме язык используется.

Таблица 2

Коммуникативная мощность хакасского и русского языков в настоящее время

Коммуникативная сфера	Хакасский язык	Русский язык
Промышленное производство	–	+
Торговля	+	+
Судопроизводство	–	+
Транспорт	+	+
Сфера массовой информации	+	+
Образование	+	+
Наука	+	+
Религия	+	+
Книгопечатание	+	+
Культура	+	+
Сфера межличностного общения	+	+
Коммуникативная мощность	0,81	1

При таком подсчете коммуникативная мощность хакасского языка как идиома является достаточно высокой, однако такого рода анализ не в полной мере отражает реальную картину использования языка в различных коммуникативных сферах. Так, среди всех представленных сфер максимально активно хакасский язык используется только в сфере межличностного общения, менее – в сферах СМИ, образования и книгопечатания, и

¹ Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. 471 с.

минимально – во всех остальных, причем часто только в сельской местности. Вследствие этого языковая ситуация может быть охарактеризована как разновесная (русский и хакасский являются государственными языками, однако количество носителей языков значительно отличается), в которой коммуникативная мощь хакасского языка в регионе сравнительно низкая.

Как было отмечено, русский и хакасский языки входят в структуру многоязычной ЯС, включающей более ста языков. Так как эти языки являются неродственными и типологически несходными языками, уже их наличие в составе ЯС позволяет охарактеризовать ее как *гетерогенную и гетероморфную*.

Таким образом, положение хакасского и русского языков в ЯС Хакасии является неравнозначным – языки имеют разную мощь (как демографическую, так и коммуникативную), обладают разным официальным и юридическим статусам.

1.1.2. Татарский и русский языки в языковой ситуации Томской области¹

Томская область, являясь одним из субъектов Российской Федерации с 13 августа 1944 г., в настоящее время входит в Сибирский федеральный округ. Охарактеризуем функциональное положение русского и сибирского варианта татарского языков в структуре ЯС области по выделенным ранее параметрам. Сибирско-татарский язык, или восточный (сибирский)

---

¹ Отдельные аспекты языковой ситуации в Томской области и других регионах Сибири представлены в работах: *Гончарова Т.А., Сайфулина Ф.С.* Татары Томской области: факторы формирования и маркеры этнической идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 158–164; *Комарова И.Г.* Уровни и типы этнической идентичности татар Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 161–172; *Мамедов А.К.* Социологические и этнокультурные аспекты развития сибирскотатарского народа // Общество и государство. 2024. № 2 (46). С. 18–22; *Сайдимова Э.Р.* Компоненты этнического и культурного самосознания в молодежной среде сибирских татар // Образование и право. 2021. № 10. С. 388–391; *Казанцева Я.Н.* Субъективные факторы выбора языка татарами, компактно проживающими на территории Красноярского края // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52), т. 3. С. 214–217.

диалект татарского языка, интерпретируется как язык субэтноса сибирских татар, этногенез которых связан с Сибирским ханством¹.

На основании признака «лингвистический характер идиомов» языковая ситуация в Томской области характеризуется как *многоязычная*. При этом, согласно Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., из 135 языков, функционирующих на территории Томской области, только на 36 говорят более 100 человек. Русский язык находится на первом месте по количеству носителей (879 761 человек, 90,7% от числа всех указавших хотя бы один язык), татарский язык – на четвертом (4 473 человека, 0,5%), уступая только английскому и немецкому языку.

По юридическому статусу соотношение русского и татарского в структуре ЯС является *дисгармоничным*. На территории Томской области официальным языком является только русский язык. Татарский язык же не имеет статуса государственного языка, как, например, в Республике Татарстан. На законодательном уровне Томской области закреплены только полномочия на осуществление мер по «по сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории Томской области, их языков и культуры; защите прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств; социальной и культурной адаптации мигрантов; профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия» (ч. 4, ст. 80 Устава Томской области)².

Поддержка функционирования татарского языка закреплена непосредственно в законодательных актах Республики Татарстан – национального субъекта России. Так, в ст. 14 Конституции Татарстана указано, что республика «оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности татар, проживающих за пределами Республики Татарстан»³. В статье 5 Закона «О языках народов Республики Татарстан» (от 8 августа 1992 г.) утверждается, что Татарстан «содей-

---

¹ Отметим, что при анализе объективированных данных диалектный статус татарского языка и его соотношение с литературным не рассматривались.

² *Устав* (Основной Закон) Томской области // принят решением Томской областной Думы от 26 июля 2009 г. № 136. URL: <https://www.duma.tomsk.ru/document/view/35>

³ *Конституция* Республики Татарстан : принят Законом Республики Татарстан от 30 нояб. 1992 г. № 1665-XII. URL: https://minjust.tatarstan.ru/konstitutiya.htm?pub_id=1084014.htm

ствует сохранению, развитию и изучению татарского языка татарами и лицами других национальностей, проживающими за ее пределами»¹. Согласно Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан, утвержденной Указом Президента Республики Татарстан от 03.07.2008. № УП-312, одной из основных задач республики является «позиционирование Татарстана как исторического, духовного и этно-культурного центра всего татарского народа, создание условий для интеллектуальной, экономической и иной консолидации российских и зарубежных татарских диаспор», а одними из основных направлений в духовно-культурной, информационной и научной сферах – «содействие созданию национально-культурных центров в местах компактного проживания соотечественников за пределами Татарстана» и «информационная и научно-методическая поддержка средств массовой информации, осуществляющих информирование населения на татарском языке за пределами Республики Татарстан»².

На территории области функционирует «Центр татарской культуры»³, созданный на основании постановления Главы Администрации Томской области от 08.07.1993 № 228, для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных действующим законодательством полномочий органов государственной власти Томской области в сфере культуры, в том числе осуществления деятельности по развитию национальных культур или иных функций некоммерческого характера.

Как указано на официальном сайте Центра, основными его целями являются образовательная, культурная, социальная, информационная деятельность. Также большую поддержку в поддержании функционирования татарского языка вносит сотрудничество Центра татарской культуры со Всемирным конгрессом татар – межрегиональной общественной организацией, основными направлениями деятельности которой являются объединение татарского народа, участие в исследовательской и миротворче-

---

¹ *О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан* : Закон РТ от 8 июля 1992 г. № 1560-XII. URL: <https://edu.tatar.ru/kirov/kazan/dou56/page1724941.htm>

² *Об утверждении* Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан // Указ Президента РТ от 03.07.2008 № УП-312. URL: <https://clck.ru/3FRcLm>

³ *Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры»*. URL: <https://depkult.tomsk.gov.ru/people/front/view/id/1094>

ской деятельности, осуществление связей с международными гуманитарными организациями, сотрудничество с государственными органами, культурно-просветительскими учреждениями, национально-культурными объединениями, религиозными организациями, а также отдельными гражданами, разработка и содействие реализации целевых программ в области национально-культурного развития – языка, науки, образования, культуры, исторического наследия, научной педагогики, демографии, регулярное взаимодействие с татарской диаспорой¹.

Анализ *демографической мощности* татарского и русского языков на основе данных трех Всероссийских переписей населения (2002 г., 2010 г. и 2020–2021 гг.), представленных в табл. 3, свидетельствует о том, что сравниваемые языки в структуре ЯС региона являются *разномощными*. При этом наблюдается постепенное снижение количества людей, считающих себя татарами и проживающими в Томской области.

Т а б л и ц а 3

Сравнение данных Всероссийских переписей населения по Томской области

Показатель	2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Татарский	Русский	Татарский	Русский	Татарский	Русский
Общая численность населения	1 046 039		1 002 378		1 062 666	
Численность народа	20 145 (1,93%)	950 222 (90,8%)	17 029 (1,75%)	922 723 (92,1%)	10 358 (0,97%)	802 719 (75,5%)
Владение языком	–	949 634 (90,8%)	6 088 (0,61%)	920 690 (91,8%)	4 473 (0,42%)	879 761 (82,8%)
Указавшие язык родным	–	–	8 929 (0,89%)	919 040 (91,7%)	5 306 (0,5%)	835 906 (78,8%)

Следует отметить, что с 2010 г. в рамках переписи стали учитываться субэтноты, сибирские татары являются одним из таких субэтнотосов. Несмотря на то, что численность татар в Томской области составляла от 1 до 2% (в течение 20 лет), татарский этнос является второй по величине национальностью региона, обгоняя другие крупные диаспоры – немецкую и украинскую. В настоящее время татары компактно проживают в основном в Томске и нескольких населённых пунктах Томского района – Казанке, Калтае, Кафтанчиково, Курлеке, Тахтамышево, Чёрной речке и др.

¹ *Всемирный конгресс татар* | Межрегиональная общественная организация. URL: <https://tatar-congress.org/ru/>

Мощность татарского языка не превышает 1% от числа всех функционирующих в Томской области идиомов, и в течение 10 лет снизилась на 0,02%. Однако следует отметить тенденцию увеличения числа носителей татарского языка при уменьшении его общей демографической мощности за период с 2010 по 2020 г. Процент татар, владеющих татарским языком в 2010 г., – 35,7% (6 088 владеющих татарским от 17 029 татар), в 2020 г. – 43,2% (4 473 от 10 358).

Коммуникативная мощность татарского и русского языков также существенно различается. Русский язык является доминирующим, функционирует во всех сферах деятельности. Татарский язык активно используется в сфере межличностного общения (быт, семья) и ограниченно – в сфере образования, культуры, средств массовой информации; не представлен в официальных сферах общения. В табл. 4 приводится расчет коммуникативной мощности татарского и русского языков на территории Томской области.

Таблица 4

Коммуникативная мощность татарского и русского языков в настоящее время

Коммуникативная сфера	Татарский язык	Русский язык
Промышленное производство	–	+
Торговля	–	+
Судопроизводство	–	+
Транспорт	–	+
Сфера массовой информации	– (+/-)	+
Образование	– (+/-)	+
Наука	–	+
Религия	–	+
Книгопечатание	–	+
Культура	– (+/-)	+
Сфера межличностного общения	+	+
Коммуникативная мощность	0,09	1

Несмотря на то, что татарский язык отчасти используется в коммуникативных сферах образования, культуры и СМИ, в итоговый расчет коэффициента коммуникативной мощности эти сферы не включаются, поскольку использование языка крайне фрагментарно. По этой причине в таблице напротив определенных сфер общества стоит знак «+/-». Так, в сфере *массовой информации* в Томской области представлено только телевидение трех каналов Республики Татарстан на татарском языке.

Образование. Татарский язык преподается как факультативная дисциплина в начальном и среднем образовании в трех сельских (с. Тахтамышево, д. Черная речка, д. Эушта Томского р-на Томской обл.) и одной городской (МОУ СОШ № 10 г. Томска) школах, в детских и взрослых воскресных школах, на курсах.

Использование татарского языка поддерживается деятельностью ОГАУК «Центр татарской культуры» (г. Томск) и представлено в сфере культуры организацией культурно-массовых мероприятий и клубных формирований по различным направлениям деятельности; в *социальной сфере* – методической, консультативной и организационной помощью пожилым, людям с ограниченными физическими возможностями, социально-незащищенным группам населения, многодетным семьям, ветеранам войны и труда¹.

Таким образом, в Томской области русский и татарский языки также являются неравновесными во всех сферах коммуникации и деятельности человека. Так, татарский язык с правовой точки зрения в регионе поддерживается только рекомендательными мерами, не является официальным языком области, а также используется в очень ограниченном кругу сфер общения, которые функционируют исключительно в рамках татарских общин.

1.1.3. Шорский и русский языки в языковой ситуации Кемеровской области²

Кемеровская область – Кузбасс, являясь субъектом Российской Федерации, входит в ее состав в качестве области в Сибирском федеральном округе.

По признаку «лингвистический характер идиомов» языковая ситуация в Кузбассе характеризуется как *многоязычная*.

---

¹ *Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры»*. URL: <https://depkult.tomsk.gov.ru/people/front/view/id/1094>

² Некоторые аспекты языковой ситуации в местах компактного проживания шорцев были отражены в публикациях: *Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В.* Шорский язык в с. Матур Тыштыпского района Республики Хакасия (по итогам социолингвистического опроса) // Казанская наука. 2020. № 11. С. 132–135; *Иргашева Т.Г., Кузнецова Г.Н., Первакова Е.Н. и др.* Культура межнационального общения малочисленного шорского народа Кемеровской области и Хакасии как ценность человеческой цивилизации // Наука и школа. 2023. № 1. С. 109–117.

Число идиомов, функционирующих на территории Кемеровской области, согласно Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., составляет 152 языка, из них 39 языков, число носителей которых превышает 100 человек. Среди 2 454 331 человека, проживающего в Кемеровской области и указавшего владение хотя бы одним языком, русским языком владеют 2 453 155 человек, что составляет 94,3% от общего количества населения, т.е. русский язык занимает первое место в регионе по количеству носителей. Число людей, владеющих шорским языком, составляет 2 423 человека (0,09% от общего числа), шорский язык занимает 12-е место в регионе по числу носителей идиома.

Шорский и русский язык имеют разный юридический статус, что определяет их *дисгармоничные отношения* в структуре ЯС. Шорский язык не имеет статуса официального языка ни на территории Российской Федерации, ни в Кемеровской области. Шорцы являются коренным малочисленным народом РФ¹, вследствие этого за шорцами закрепляется право «сохранять и развивать родные языки», а также «получать и распространять информацию на родных языках, создавать средства массовой информации»². Таким образом, на уровне государства поддержка шорского языка реализована только в рамках одного Федерального закона и носит рекомендательный характер.

В Кемеровской области меры по поддержке шорского языка закреплены в Уставе Кемеровской области, согласно которому гарантируется обеспечение реализации прав и учета законных интересов коренных малочисленных народов региона «по вопросам защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов, сохранения и развития самобытной культуры, языков, традиций и обычаев <...>»³, устанавливаются основные полномочия Правительства Кемеровской области на осуществление мер «по сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, прожива-

---

¹ *О Едином* перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757631>

² *О гарантиях* прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.) // СПС «Консультант-Плюс». М., 2024. URL: <https://clck.ru/3FQ9bh>

³ *Устав* Кемеровской области – Кузбасса : принят Законодательным Собранием Кемеровской обл. 9 апреля 1997 г. (в ред. №49 от 06 апреля 2023 г.). URL: <http://surl.li/agumrn>

ющих на территории Кемеровской области – Кузбасса, их языков и культуры; защите прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств; <...>»¹. Следует отметить, что в период современной истории Российской Федерации происходили изменения в законодательстве Кемеровской области в части, касающейся правового статуса шорского языка в регионе. Так, в гл. 2 ст. 4 Закона Кемеровской области «О правовом статусе коренных малочисленных народов в Кемеровской области» от 2 февраля 1999 г. № 14-ОЗ утверждалось, что «шорский и телеутский народы имеют право на сохранение и развитие родного языка, своей национально-культурной самобытности, защиту, сохранение и восстановление исконной культурно-исторической среды обитания»². Однако в новом Законе «О коренных малочисленных народах Кемеровской области – Кузбасса»³, принятом на смену предыдущему 18 февраля 2005 г., упоминаний конкретных малочисленных народов, в том числе шорцев, не встречается.

В структурно-генетическом отношении русский и шорский языки являются неродственными: русский язык является одним из языков восточнославянской группы славянской ветви индоевропейской языковой семьи, шорский язык относится к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хунской ветви тюркских языков.

Демографическая мощьность шорского и русского идиомов на территории Кемеровской области значительно различается. В табл. 5 представлена динамика изменения демографической мощьности, анализ которой обнаруживает несколько тенденций. В таблице приводятся абсолютные и относительные величины.

Отметим, что демографическая мощьность шорского языка является очень низкой и не превышает одной десятой процента на протяжении двадцатилетнего периода, данный показатель не зависит от общего снижения численности населения Кемеровской области. Однако можно проследить следующую тенденцию – при общем снижении численности шорского народа (0,38% от общего числа населения в 2010 г. и 0,32% в 2020 г.) демографическая мощьность шорского языка увеличилась (от 0,08% в 2010 г.

---

¹ Устав Кемеровской области – Кузбасса...

² О правовом статусе коренных малочисленных народов в Кемеровской области : Закон Кемеровской области от 2 февраля 1999 г. № 14-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/990101857>

³ О коренных малочисленных народах Кемеровской области – Кузбасса : Закон Кемеровской области от 9 марта 2005 г. № 42-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/990304962>

до 0,09% в 2020 г.). Кроме того, отмечается увеличение носителей шорского языка как родного среди шорцев. Данный процент вычислялся путем соотнесения населения, указавшего шорский язык родным, с населением, которые владеют шорским языком. Так, в 2010 г. данный процент составляет 20,1% (каждый пятый шорец в Кемеровской области), однако в 2020 г. он увеличился до 29,1%.

Таблица 5

Результаты Всероссийский переписей населения по Кемеровской области

Показатель	2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Шорский	Русский	Шорский	Русский	Шорский	Русский
Общая численность населения, чел.	2 899 142		2 763 135		2 600 923	
Численность народа, чел.	11554 (0,4%)	2 664 816 (91,9%)	10 672 (0,38%)	2 536 646 (91,8%)	8 324 (0,32%)	2 280 108 (87,7%)
Владение языком, чел.	–	2 663 266 (91,7%)	2 144 (0,08%)	2 535 967 (91,8%)	2 423 (0,09%)	2 453 155 (94,3%)
Указавшие язык родным, чел.	–	–	3 754 (0,14%)	2 532 681 (91,6%)	4 329 (0,17%)	2 366 606 (91%)

Коммуникативная мощь шорского и русского языков также является неравнозначной, что в количественных показателях представлено в табл. 6.

Таблица 6

**Оценка использования шорского и русского языков
в коммуникативных сферах носителей**

Коммуникативная сфера	Шорский язык	Русский язык
Промышленное производство	–	+
Торговля	–	+
Судопроизводство	–	+
Транспорт	–	+
Сфера массовой информации	– (+/- ?)	+
Образование	– (+/- ?)	+
Наука	–	+
Религия	–	+
Книгопечатание	+/-	+
Культура	– (+/- ?)	+
Сфера межличностного общения	+	+
Коммуникативная мощь	0,14	1

Функционирование шорского языка представлено в первую очередь в *бытовом межличностном общении*.

Преподавание шорского языка проводится в начальных классах школ как обязательная дисциплина, например в школах № 10 (г. Таштагол), № 31 (п. Чулеш), или как предмет внеурочной деятельности, например в школе № 1 и Гимназии № 2 г. Таштагол, в школе № 11 п. Шерегеш.

Развитие книгопечатания на шорском языке обусловлено подъемом шорской литературы, который, как утверждает Г.В. Косточаков, «<...> происходит на наших глазах, он начался в 90-е гг. 20-го века»¹. Начиная с 30-х гг. XX в. издано более 1 000 произведений на шорском языке, включая поэзию и прозу, и публикации продолжают и по сегодняшний день. Г.В. Косточаков выделяет сразу нескольких авторов (писателей и поэтов), которые с середины 1990-х гг. пишут литературные произведения на шорском языке: Н.Е. Бельчегешев (Койа Бельчек), Л.Н. Арбачакова, Л.И. Чульжанова, В.П. Борискин, Т.В. Тудегешева и др.

Также нельзя не отметить деятельность культурных и общественных организаций на территории Кемеровской области, которые вносят вклад в сохранение, поддержку и развитие шорского языка в пределах всего региона. Так, в первую очередь следует отметить Кемеровскую региональную общественную организацию «Ассоциация шорского народа», которая функционирует с 1990 г. по настоящее время. Главной целью Ассоциации является «создание условий для сохранения шорского народа как самостоятельного этноса, защита его законных прав и интересов, возрождение, сохранение и развитие языка, самобытной культуры, традиций и обычаев, традиционного природопользования и сохранение исконной среды обитания»². В целях ведения общественной и культурной деятельности Ассоциация объединяет 21 наиболее активную общественную организацию и общины юга Кузбасса. Также нельзя не отметить культурную деятельность таких организаций, как Музей шорской культуры «Тазыхан» им. Т.В. Тудегешевой (г. Новокузнецк) и Музей этнографии и природы Горной Шории (г. Таштагол), которые проводят экскурсии и выставки, а также активно пополняют музейный фонд экспонатами, несущими в себе культурную и историческую память шорского народа.

Таким образом, в Кузбассе русский и шорский языки являются неравновесными во всех сферах коммуникации и деятельности человека.

---

¹ Косточаков Г.В. Художественная литература шорского народа // Тюркология. 2016. № 1. С. 86.

² Ассоциация шорского народа Шория. URL: <https://xn--h1alg4alb.xn--p1acf/>

Заключая данный параграф, отметим, что в трех регионах языковая ситуация является несбалансированной с преобладанием русского языка во всех сферах жизни людей, предопределяя существование определенного типа билингвизма. Тюркские языки, являясь материнскими для определенных групп населения регионов, смещаются в позицию *херитажных* (*эри-тажных*) языков, использующихся в ограниченном количестве коммуникативных практик¹. Херитажный язык в социолингвистическом плане – это язык меньшинства в стране, где языки большинства – имеющие официальный статус языки, на которых говорит более широкое языковое сообщество (перевод наш. – *В.Д.*)². При этом в трех рассматриваемых регионах общая тенденция перемещения родных языков в функциональную позицию херитажных проявлена в разной степени вследствие вариативных социальных условий, где доминирующее положение занимает фиксация статуса языка по отношению к государству. Частичная вариативность типовой несбалансированной ситуации, отраженная в вариациях билингвизма, находит отражение в системе оценок билингвами социальных и коммуникативных практик, что и было в одном из фокусов исследований авторов проекта.

1.2. Языковые ситуации в Южной Сибири в восприятии билингвов (по материалам социолингвистической базы данных RuTurkSocLing)

Прежде чем приступить к анализу вариантов интерпретации социолингвистических ситуаций в системах субъективных оценок носителей татарско-русского, хакасско-русского и шорско-русского билингвизма, охарактеризуем принципы сбора материала и его организации в социолингвистической базе данных.

---

¹ Резанова З.И. Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев // *Interface*. 2020. Is. 13. С. 97–120.

² Montrul S.A. Is the heritage language like a second language? // *Eurosla Yearbook*. 2012. № 12 (1). P. 1–29.

1.2.1. Формирование базы данных *RuTurkSocLing* и ее структура

Социолингвистическое анкетирование: анкеты, сбор данных

Как было отмечено, при сборе данных для проведения исследований был выбран метод социолингвистического анкетирования. Полученные данные позволяют выявить действие личных, социальных, языковых и культурных факторов, влияющих на характер использования языка/языков во всех сферах социальной деятельности.

Личные данные включают персональную информацию: пол и возраст информанта, его место рождения и проживания, уровень образования (последняя законченная ступень) и сфера профессиональной деятельности. Эти данные являются объективными, поскольку их фиксация требует не самооценки, а констатации факта. В то же время субъективными являются данные о первом и втором языке участника анкетирования, поскольку ответ на этот вопрос требует самооценивания респондента по признаку «возраст, в котором я начал(а) усваивать данный язык, и порядок усвоения языков». Невозможно проверить такого рода информацию с опорой на задокументированные данные.

Второй тип данных, необходимых для проведения исследования, – *социальные*, это «особая совокупность данных, относящихся к социально-демографической характеристике респондента»¹. Поскольку языковые ситуации определяют такие факторы, как число говорящих на каждом из идиомов, коммуникативные сферы, обслуживаемые тем или иным идиомом, а также распределение функций между разными идиомами, то данные факторы невозможно изучить без сбора информации о носителях идиомов, которые проживают в данной языковой ситуации и ее формируют.

Определяя *культурные факторы*, мы опираемся на следующее определение понятия «культура»: «...система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях»². Формирующиеся «программы деятельности, поведения и общения в своей совокупности и динамике образуют исторически накапливаемый социальный

---

¹ Толковый словарь по социологии. 2013. URL: <https://clck.ru/3F55AH>

² Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М. : Мысль, 2001. URL: <https://clck.ru/3F545R>

опыт»¹, находящим отражение в народной музыке, сказках, обрядах, обычаях, праздниках. Основная направленность сбора данных – выявление влияния форм народной культуры на языковой опыт респондента.

Языковые факторы – важнейший тип данных для социолингвистического исследования. Эти данные являются субъективными, основываются на оценках респондентом своего языкового и социального опыта: знания языков и уровня владения ими, активности использования языков в различных ситуациях, а также на определении мотиваций выбора языков в различных ситуациях и отношения к их использованию.

В качестве инструментов сбора материала использовались социолингвистическая анкета О.А. Казакевич, которая широко применяется исследователями для изучения социальных условий бытования языка², а также языковая анкета билингва (разработчики Мариан, Блюменфельд и Каушанская)³, адаптированная сотрудниками Лаборатории лингвистической антропологии НИ ТГУ и применяющаяся для определения порядка усвоения языков, частоты их использования, факторов, влияющих на усвоение языков, и др.

Социолингвистическая анкета, разработанная О.А. Казакевич, включает в себя 41 вопрос с подробной детализацией информации о билингве: время и место рождения, проживания, обучения профессиональной деятельности, сведений о родственниках по разным типам родства, о характере приобретения и использования языков. Фиксируется информация об использовании языков в различных ситуациях общения (институциональных: в магазине, администрации, больнице и т.д., межличностных: в неформальных условиях, в общении с людьми различной степени родства, дружеских, других типов неформальных отношений), в различные периоды жизни (использование языков в младшем, среднем и старшем возрасте в дошкольной, школьной, вузовской, рабочей коммуникации), для различных социальных и культурных целей (проведение обрядов, чтение сказок, исполнение песен и т.д.). Также в данной анкете представлены вопросы, предполагающие оценивание

---

¹ Новая философская энциклопедия...

² Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

³ Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // Speech Language and Hearing Research. 2007. № 50 (4). P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leap/>

по трехзначной шкале: «отлично», «неплохо» или «с трудом» уровня владения первым и вторым языком, разделенное по видам речевой деятельности – понимание, говорение, чтение и письмо.

Еще один блок вопросов направлен на выявление отношения респондента к языкам с точки зрения прагматики и культурной и (или) эмоциональной вовлеченности. Это вопросы, фиксирующие отношение согласия/несогласия к высказанным сентенциям: «Люблю говорить на этом языке», «Этот язык помогает найти хорошую работу», «Этот язык помогает мне чувствовать свою принадлежность к народу, говорящему на этом языке», «Забываю/теряю этот язык» и др.

Часть вопросов направлена на сбор информации о доступности использования материнского языка в разные периоды жизни («Запрещали ли Вам в школе использовать родной язык?», «Есть ли у Вас доступ к литературе на родном языке?», «Вам удобно говорить на родном языке в присутствии людей другой национальности?» и др.).

Анкета языкового опыта, как было отмечено, разработана на основе опросника Языкового опыта и уровня владения языком (Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q)). Как утверждают авторы оригинальной анкеты, она является проверенным инструментом опроса для сбора данных о самооценивании уровня владения языком и языкового опыта двуязычных и многоязычных носителей языка в возрасте от 14 до 80 лет, доступна на более чем 20 языках и может быть использована в цифровом, бумажном виде и устном формате интервью.

Адаптированная сотрудниками Лаборатории лингвистической антропологии НИ ТГУ анкета Языкового опыта и уровня владения языком включает в себя 14 блоков параметризации характера и типа владения билингвом взаимодействующими языками. Анкета состоит из двух частей: в первой находятся вопросы, касающиеся взаимодействия языков в структуре языкового опыта билингва. Респондентам необходимо охарактеризовать отношения доминирования языков, которыми они владеют, порядок их усвоения, степень самоидентификации относительно культур, к которым они себя причисляют; оценить общее количество времени, в течение которого они в настоящее время в среднем находятся под влиянием того или иного языка, а также степень мотивации выбора того или иного языка в различных ситуациях коммуникации (чтение и устное общение).

Вторая часть анкеты направлена на сбор информации об одном из языков билингва. Данная часть анкеты заполняется для каждого из языков би-

лингва отдельно и включает в себя вопросы о времени усвоения языка (когда они начали говорить и читать), времени, проведенном в данной языковой среде, а также блок вопросов об оценивании уровня владения языком, влияния различных факторов на усвоение языка, влияния языка в различных ситуациях общения в настоящее время.

Анкетирование проводилось как самостоятельный вид опроса или совмещалось с проведением последующих бесед с информантами на свободные темы. Впоследствии было решено отказаться от печатных анкет в пользу электронных аналогов. В результате анкетирования были получены данные 243 респондентов, которые распределены по материнским (родным) языкам респондентов в соотношении: татарский – 104 человека, хакасский – 75, шорский – 34 человека.

Создание корпуса текстов на основе проводимого анкетирования для последующих исследований языковых ситуаций, взаимодействия языков в сознании билингвов и прочего потребовало значительной работы по привлечению потенциальных информантов¹. Были разработаны различные стратегии для распространения информации о проекте и организации работы с билингвами разных возрастов и из разных социальных групп, в том числе с использованием современных информационных технологий. Активный сбор данных с регулярными выездами в места компактного проживания тюркско-русских билингвов (Республика Хакасия, Таштагольский район Кемеровской области, г. Томск и поселения Томского района Эушта, Чёрная речка и др.) продолжался с 2017 до 2020 г., фрагментарное пополнение базы данных осуществляется и в настоящее время.

Неоценимое содействие в работе по созданию баз данных оказали сотрудники общественных организаций, деятельность которых нацелена на поддержание национальных языков и культур, в частности, было налажено взаимодействие с областным государственным автономным учреждением культуры «Центр татарской культуры» (директор Ш.К. Халитов). Понимание, всестороннюю помощь и поддержку мы получили от руководителей и участников Общественной организации шорского народа Таштагольского района «Таглыг Шор» (Горная Шория) (г. Таштагол), Общественного движения «Междуреченское общество коренного населения «Алтын Шор» (Золотая Шория) (г. Междуреченск), Осинниковской город-

---

¹ В процессе сбора данных активное участие принимали сотрудники Лаборатории лингвистической антропологии НИ ТГУ З.И. Резанова, Е.Ш. Сафиуллина, О.В. Нагель, И.Г. Темникова, Е.Д. Артеменко, А.В. Васильева, А.С. Душейко, А. Душейко, А.С. Буб.

ской общественной организации «Общество Шория-Тагтагал» (г. Осиники). Пользуясь случаем, коллектив исследователей выражает искреннюю признательность за активное и доброжелательное содействие всем участникам.

Предобработка данных

Для того чтобы обеспечить возможность применения статистических методов анализа при выявлении доминирующих тенденций в оценках разных аспектов языковых ситуаций в их многомерных соотношениях, результаты анкетирования были обобщены и формализованы. Как печатные, так и электронные анкеты для сбора материала были созданы в MS Word. Эти данные были на первом этапе полностью перенесены в Excel-таблицу 1. Таким образом, данная таблица включает полный объем полученных ответов, которые могут анализироваться с привлечением качественных и количественных методов анализа.

Во втором варианте Excel-таблицы 2 часть ответов была формализована для того, чтобы создать возможность автоматической статистической обработки данных.

Охарактеризуем основные виды формального преобразования данных анкетирования.

1. Были *удалены*: а) личные данные респондентов; б) вопросы (и ответы на них) анкеты языкового опыта билингва, если они дублировали вопросы социолингвистической анкеты; в) слабо формализуемые вопросы, предполагающие развернутые ответы или те, на которые было получено мало ответов, например: «Думали ли Вы когда-нибудь о том, чтобы уехать из поселка? Если да, то почему? Куда?».

2. Произведена *категоризация ответов* на вопросы, на которые респонденты давали развернутые ответы.

Весьма вариативные, в том числе описательные, ответы на вопрос профессиональной деятельности респондента, были обобщены в семь категорий: Humanities – различные профессии, направленные на работу с людьми (очень широкая сфера), Technology – инженеры, Education – учителя, Medicine – врачи, Serve – обслуживающий персонал (такие профессии, как повар, швея, сантехник и др.), Economy – бухгалтеры, экономисты, Arts – художники, музыканты.

Ответы на вопрос «Что бы Вы могли предложить для улучшения языковой ситуации в Вашем поселке?» были обобщены в шесть категорий:

1. Education – предложения ввести материнский язык в школьную обязательную или факультативную учебную программу.

2. Ethnoculture – предложения, связанные с культурными и этническими связями человека с языком: празднование национальных праздников и другое.

3. Personal communication – предложения наладить процесс персональной коммуникации с носителями материнских языков в различных условиях: в культурных центрах, на онлайн-встречах и пр.

4. Legislation – предложения, связанные с узакониванием материнского языка в качестве официального в различных регионах и районах Южной Сибири.

5. Family – предложения увеличивать количество общения в семье на материнских языках, в особенности с детьми.

6. Resources – предложения увеличить количество материалов различных видов на материнских языках, таких как литература, музыка, телепрограммы, учебные пособия и другие.

Ответы на вопросы о месте рождения и проживания обобщались в двух категориях: а) регион (субъект Российской Федерации либо страна, если респондент родился или жил не в Российской Федерации), б) город.

Краткие ответы, предполагающие большую вариативность данных, были приведены к общей форме по различным критериям.

Ответы на вопрос об использовании языка в различных ситуациях общения были сгруппированы в категории: а) межличностное общение, включающее коммуникацию с соседями и друзьями; б) институциональное, включающее в себя разговоры в магазине, больнице и администрации.

Была также произведена трансформация представления данных, позволяющая проводить статистический анализ.

Производился перевод ответов в порядковые шкалы. В рамках данного типа трансформации ответам, подразумевавшим наличие градаций, присваивались соответствующие лейблы порядковой числовой шкалы. Например, ответы на вопрос анкеты языкового опыта билингва «Определяют ли Вас как носителя другого языка, когда Вы говорите на данном языке, если да, то как часто?» были переведены в порядковые шкалы, где 0 – не определяют как носителя другого языка, 1 – определяют как носителя редко, 2 – определяют как носителя часто.

Предпринималась вспомогательная категоризация внутри вопросов. Данное изменение коснулось в первую очередь вопросов Языковой анкеты билингва. В части ответов, предполагавших ранжирование (например,

языков в зависимости от частоты их употребления), ответы перераспределились в дополнительные категории. Например, респондентам необходимо было отметить порядок языков в зависимости от частотности их употребления и времени освоения. В анкете структура вопроса предполагала ответ в виде нумерованного списка, в котором порядковый номер языка – это его место в рейтинге. При переносе данных ответов в Excel-таблицу была изменена структура вопроса: в качестве категоризирующих переменных были выбраны материнский язык, русский язык и другие языки, в то время как порядок их доминирования/усвоения был переведен в порядковые шкалы.

Сложные вопросы, которые состоят из нескольких простых, были разделены так, чтобы одна переменная содержала в себе ответ на один вопрос, и обработаны в соответствии с другими видами формализации данных. Например, вопрос о знании респондентом песен на каком-либо языке включает в себя вопросы о том, (1) знает ли участник песни на родном языке, если да, то (2) может ли их он спеть или (3) записать. В данном случае первые две переменные «знание или незнание песен на каком-либо языке», «может или не может их спеть» были закодированы как бинарные переменные, третья часть вопроса была удалена.

Ответы на вопросы, предлагаемые в анкетах в табличной форме, были трансформированы таким образом, чтобы в переменную базы данных входил либо один столбец, либо одна строка. Например, в социолингвистической анкете 4 вопроса с табличной формой ответа, в языковой – 6. Для формализации данных используются только таблицы с несколькими столбцами или несколькими строками. Например, вопрос анкеты языкового опыта оформлен в виде таблицы: «Возраст, в котором Вы <...>» и предлагает четыре утверждения «начали говорить», «говорили свободно», «начали читать», «читали свободно». В данном случае таблица разделялась на четыре утверждения, которые заполнялись переменной возраста без каких-либо изменений. Вопрос об оценке респондентом уровня владения каждым из языков предполагал выбор языков, оценки которым он будет давать, но их количество ограничено до трех. Оценивать необходимо было четыре вида речевой деятельности – понимание со слуха, чтение, говорение и письмо по трехзначной шкале: отлично, неплохо и с трудом. Данные были перенесены в Excel-таблицу следующим образом: в качестве категоризирующей переменной был выбран вид речевой деятельности, причем каждого уровня. Таким образом, имеется 12 категоризирующих переменных – понимание со слуха – отлично, понимание со слуха – неплохо, понимание со слуха – с трудом и т.д. В качестве ответов были приведены языки.

После проведенной формализации данных было получено 168 переменных (количество столбцов Excel-таблицы).

Структура базы данных

Предобработанные данные были структурированы в «Социолингвистической базе данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов». Объем базы данных составил 29 008 оценок языкового и социального опыта, полученных от 247 носителей трех тюркских языков. Предобработка была реализована на языке программирования R. Пользователь имеет возможность как выгрузить данные, так и ознакомиться с ними онлайн.

База данных состоит из трех основных информационных блоков.

Блок 1 называется «Respondents» и хранит в себе данные об общих характеристиках участников анкетирования: пол, возраст и год рождения, характеристика места рождения и проживания, информация о выезде респондента за пределы места проживания, а также об образовании и направлении деятельности. Все данные участников были деперсонализированы. Блок содержит 20 атрибутов.

Блок 2 – «General_subjective_values» содержит в себе информацию о субъективных оценках языкового и социального опыта респондентов. Билингвы оценивали себя по таким параметрам, как характер приобретения и использования всех языков в различных ситуациях в разные периоды жизни, а также субъективное оценивание уровня владения языками, разделенное по видам речевой деятельности – понимание, говорение, чтение и письмо. Блок содержит в себе 86 атрибутов.

Блок 3 – «L_subjective_values» включает в себя данные о субъективном оценивании билингвами своего языкового опыта на одном из языков. В базе данных представлены оценки по четырём конкретным языкам – татарский, хакасский, шорский и русский, которые определялись респондентами как родной язык (L1) и второй язык (L2), при этом она организована так, что позволяет хранить информацию о тех оценках языка, которые респондент дал при прохождении анкетирования с учетом пропуска вопросов и блоков вопросов. Блок содержит 27 атрибутов.

База данных RuTurkSocLing может применяться как источник данных при исследовании языковых ситуаций в Южной Сибири, а также в качестве материала для изучения психолингвистических и социальных аспектов билингвизма как в системе изучения русского языка как иностранного,

так и в системе преподавания малоресурсных языков Российской Федерации.

Далее в монографии представлены варианты использования ресурсов базы данных для изучения разных аспектов языковых ситуаций, факторов, их определяющих, сквозь призму оценок своего социального и языкового опыта билингвами.

1.2.2. Использование первого и второго языков в условиях несбалансированных языковых ситуаций в оценках херитажных билингвов

В системе несбалансированных языковых ситуаций, со значительным дисбалансом коммуникативной и демографической мощности родных языков билингвов и государственного языка, создаются условия для формирования особого типа билингвизма, характеризующегося своеобразным соотношением первых по времени усвоения и функционально доминирующих языков. Первые языки билингвов, осознаваемые как материнские, на протяжении длительного периода и в момент проведения исследования уступают место в значительном количестве коммуникативных сфер государственному языку, который, являясь вторичным по времени обретения, является доминирующим в функционировании. Языки такого функционального типа принято называть *херитажными (эритажными)*. Тип билингвизма, складывающийся на основе функционального взаимодействия второго функционально доминирующего языка и материнского, относимого к херитажному типу, мы именуем *херитажным билингвизмом*.

Далее мы исследуем, какое отражение находит этот тип функционального соотношения первого и второго языков, складывающийся в условиях неравновесных языковых ситуаций, в оценках билингвами особенностей своего языкового существования, языкового и социального опыта.

Как осознается соотношение двух языков – как конкурирующее, взаимодополняющее, гармоничное, дисгармоничное? Как это осознание влияет на выбор одного из языков в разных коммуникативных ситуациях? Какие социальные, культурные факторы предопределяют этот выбор? С обсуждения этих вопросов начинается данный параграф монографии, в котором раскрываются разные аспекты обусловленности выбора родного (материнского, миноритарного) или государственного (мажоритарного) языка в разнотипных социокультурных практиках. Материалы моногра-

фии представляют разные варианты детерминаций актуальными социокультурными и коммуникативными практиками, личным опытом человека выбора языков, стратегий их использования. С одной стороны, выявляются в системе оценок личностные, прагматически и эмоционально-оценочные факторы, влияющие на выбор использования языка в трех противопоставленных типах дискурсов. С другой стороны, выявляется то, как макро- и микросредовые условия коммуникации и личностные установки билингвов влияют на выбор конкурирующих языков. При этом материалы базы данных позволяют проследить также поколенческие варианты в мотивациях выбора языков и в значимости факторов, влияющих на него.

Проанализировав мотивации выбора первого и второго языков в различных социокультурных практиках, мы обращаемся к вопросу об оценках билингвами уровня владения родным языком и проверяем гипотезы о возможном влиянии социальных факторов, меняющихся на протяжении жизни человека, на оценки навыков говорения, понимания, письма и чтения на родном языке. Важность изучения данного аспекта обусловлена тем, что в фокусе нашего анализа, повторим, находятся особые билингвальные практики – херитажный билингвизм, при котором родной язык не используется во всем спектре социокультурных коммуникаций.

Завершается раздел представлением обобщающей модели языковой конкуренции в регионе на основе анализа данных RuTurkSocling.

1.2.2.1. Мотивация выбора языка билингвами в социальных практиках несбалансированных языковых ситуаций¹

При изучении мотивации выбора языка билингвами в ситуации взаимодействия русского и материнских языков мы не только опираемся на данные БД RuTurkSocLing, но и привлекаем текстовые данные Корпуса русской устной речи билингвов RuTuBiC, которые включают в себя данные о социокультурных практиках носителей исследуемого типа билингвизма в разных типах дискурсов. Текстовые данные из корпуса привлекаются иллюстративно. Из материалов БД RuTurkSocLing проанализированы ответы 247 респондентов, материнскими языками которых являются шорский, татарский, хакасский. В анализе ответы на основании того, какой из языков является родным, не дифференцируются.

---

¹ Материалы были опубликованы ранее в статье: *Диброва В.С.* Мотивация выбора языка билингвами в системе современных социокультурных практик (русско-тюркское языковое взаимодействие в Южной Сибири) // Русин. 2023. № 73. С. 244–259.

Человек проживает свою жизнь в контексте различных практик, в том числе и коммуникативных, например, система обучения и работы, актуализация культурных и этнических убеждений и стереотипов и т.д. Полагаем, что данные практики влияют на различные стороны его жизни, в том числе и на мотивацию выбора языка как для успешной реализации коммуникативного акта, так и для самовыражения себя как личности. Опираясь на определения данных социальных процессов¹, в работе мы определяем термин «коммуникативная практика» как вид социальных практик целевой группы населения, связанных с устойчивыми, воспроизводимыми, массовыми и нормативными действиями и взаимодействиями в коммуникативной сфере личности вне зависимости от языка коммуникации, применяя его к исследованию коммуникативных ситуаций в Южной Сибири.

В корпусе маркируется противопоставление дискурсов на личностные/персональные и институциональные (см. об этом в параграфе 2.2). В данном подразделе мы применяем тернарную классификацию (по О.Ф. Русаковой)²: *в персональных дискурсах* говорящий выступает как личность во всём богатстве своего внутреннего мира, используя выбранный язык в общении с семьей, друзьями, соседями); *в институциональных дискурсах* говорящий является представителем определенного социального института, используя в рамках статусно-ролевых отношений в таких местах, как школа, магазин, больница, администрация, а также вне определенных локаций с незнакомыми людьми разных национальностей; *в культурно-мировоззренческих дискурсах* с говорящий актуализирует знание и воспроизведение фольклора, проведение религиозных обрядов.

На основе анализа данных об оценках применения первого, материнского, и второго, усвоенного, языков были выделены две группы факторов,

---

¹ Сергодеев В.А. Коммуникативная культура интернет-сообществ: специфика и возможности операционализации // *European Social Science Journal*. 2014. Т. 1, № 6. С. 384; Сергодеева Е.А., Бурчикова Е.О. Коммуникативные практики в повседневности информационного общества // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 12. С. 317–319; Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // *Экономическая социология*. 2006. Т. 7, № 4. С. 19; Ячин С.Е. Язык как основание и универсальная модель культуры // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2010. № 1. С. 14

² Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // *Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ (серия «Дискурсология»)*. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 11–30.

которые, по нашей гипотезе, влияют на мотивацию выбора языка билингом в коммуникативных практиках. К ним относятся *социолингвистические факторы*, включающие в себя субъективное оценивание респондентами своего вовлечения в различные языковые действия и взаимодействия на протяжении всей жизни, и *мотивационные факторы*, отражающие эмоционально-образное отношение билингва к языкам, которыми он владеет.

Группа социолингвистических факторов выделена на основе ответов респондентов на вопросы об использовании всех усвоенных языков в различных коммуникациях.

В группу мотивационных факторов входят субъективные оценки отношения людей к языкам, которыми они владеют.

Следует отметить, что респондентам была дана возможность применять утверждение к нескольким языкам и не отвечать на любое из утверждений применительно к любому из языков. В параграфе анализируются оценки респондентов, высказанные относительно родного и русского языка.

Все утверждения были разделены на две группы в зависимости от типов дискурсов: оценка языка 1) в аспекте прагматизма, т.е. целесообразности его употребления, и 2) в аспекте культурной значимости и (или) эмоционального отношения. В первую группу вошли утверждения, связанные с использованием языка преимущественно в институциональных дискурсах – на работе и при получении образования, а также с оценкой перспективности развития языка в обществе в целом:

- Этот язык имеет хорошие перспективы;
- Этот язык помогает найти хорошую работу;
- Этот язык помогает в получении образования;
- Этот язык помогает самореализации.

Группа, отражающая оценивание языка в аспекте культурной значимости и (или) эмоционального отношения, связана с использованием языка преимущественно в персональных и культурно-мировоззренческих дискурсах и представлена следующими высказываниями:

- Люблю говорить на этом языке;
- По-моему, важно хорошо владеть этим языком;
- Хочу, чтобы дети/внуки говорили на этом языке;
- Скучаю по этому языку;
- Этот язык очень выразителен;
- Мне стыдно говорить на этом языке;

- Этот язык помогает мне чувствовать свою принадлежность к народу, говорящему на этом языке;
- Этот язык помогает самореализации;
- Забываю/теряю этот язык.

Следует отметить, что оценка языка с точки зрения его полезности при самореализации была внесена в обе группы. В анкете данный вопрос не был конкретизирован, вследствие чего можно считать, что участники могли рассматривать самореализацию во всех типах социокультурных практик.

Рассмотрим результаты самооценивания респондентами мотивации к выбору языков в коммуникации.

На рис. 1 показано количественное соотношение ответов респондентов о целесообразности использования языков в институциональных дискурсах. В табл. 7 представлено соотношение количества оценок в абсолютных числах и процентном соотношении, где 100% – это общее количество человек, давших ответ на тот или иной вопрос.

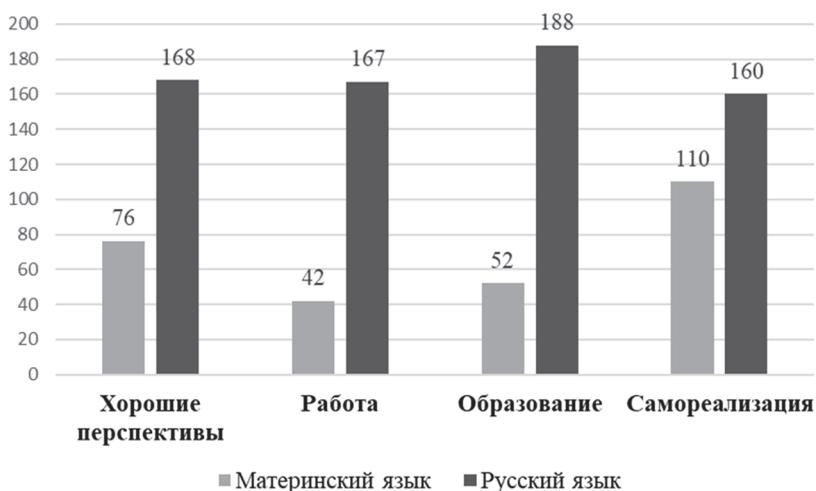

Рис. 1. Оценка языков с точки зрения полезности и целесообразности их употребления, количество ответов

Т а б л и ц а 7

**Соотношение ответов оценки языков с точки зрения полезности
и целесообразности их употребления**

Показатель	Материнский язык		Русский язык	
	Кол-во ответов	%	Кол-во ответов	%
Хорошие перспективы (187)	76	40,64	168	89,84
Работа (177)	42	23,73	167	94,35
Образование (198)	52	26,26	188	94,95
Самореализация (187)	110	58,82	160	85,56

Как можно видеть на рис. 1 и по данным табл. 7, от 40 до 60% респондентов давали положительную оценку материнскому языку с точки зрения его *полезности*, в то время как в отношении русского языка значение приближается к 100%, что показывает осознание безусловного доминирования русского языка в данном аспекте жизни участников. Оценки языка с точки зрения *самореализации* являются пограничным между «прагматикой» и «культурой», вследствие чего разница оценок материнского и русского языков немного выравнивается.

Анализ оценок роли русского и материнских языков на протяжении жизни, в периоды получения образования разных уровней выявляет следующие закономерности. Подавляющее большинство респондентов имеют среднее и (или) высшее образование, которое реализовывалось на русском языке, причем частотность использования родного языка неуклонно снижалась с каждым этапом образования: более половины респондентов не использовали материнский язык уже к началу обучения в старшей школе по сравнению с использованием языка до школы. В качестве примера на рис. 2 приведем данные из БД RuTurkSocLing, где наглядно представлено неуклонное снижение использования материнского языка в зависимости от увеличения уровня образования.

При ответе на вопрос об использовании языков в различных коммуникативных ситуациях все респонденты (247 человек) выбрали русский язык как основной язык для использования его в рамках институциональных дискурсов, при этом материнский язык указали только 57 респондентов (23%). Следует отметить, что 74 респондента (31%) указали, что им было запрещено использовать материнский язык во время обучения в школе, что, возможно, было одним из факторов, повлиявших на решение отказаться от коммуникации на родном языке в рамках институциональных дискурсов.

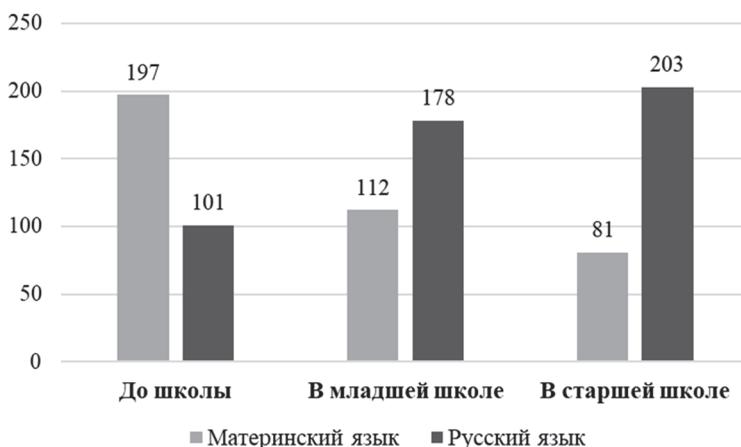

Рис. 2. Оценки использования материнского и русского языков в зависимости от получаемого образования

Также нельзя не упомянуть влияние места работы на мотивацию выбора языка. Среди тех участников проведенного анкетирования, которые используют материнский язык в институциональных дискурсах, подавляющая часть работает в сфере культуры, связанной с родным языком, например, в Центре татарской культуры г. Томска или в Центре шорской культуры, языка и литературы «Часкы» г. Таштагола и под.

Иное соотношение оценок мы отмечаем при ответах на вопросы блока культурной значимости владения языками. Результаты оценивания языков в аспекте культурной значимости и (или) эмоционального отношения к ним отображены на рис. 3. В табл. 8 представлено соотношение количества оценок в абсолютных числах и процентном соотношении.

Данные, полученные в ходе анкетирования, свидетельствуют, что при оценивании языков в данном аспекте доля положительных оценок материнского языка по сравнению с русским выше. Рассмотрим результаты более подробно.

Оценивание первых трёх высказываний («Люблю говорить на этом языке», «По-моему, важно хорошо владеть этим языком», «Хочу, чтобы дети/внуки говорили на этом языке») набрало практически одинаковое количество ответов для каждого языка (разница между ответами составляет не более 3%). Это можно интерпретировать следующим образом: данные

утверждения возможно рассматривать в контексте использования социокультурных практик во всех выделенных в рамках данного исследования видах дискурсов.

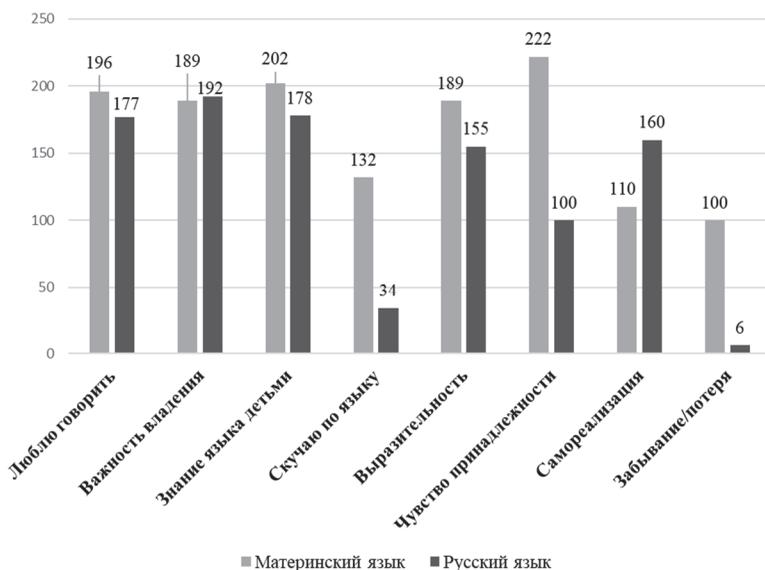

Рис. 3. Оценка языков с точки зрения культурной значимости и (или) эмоционального отношения, количество ответов

Т а б л и ц а 8

Соотношение ответов оценки языков с точки зрения культурной значимости и/или эмоционального отношения

Показатель	Материнский язык		Русский язык	
	Кол-во ответов	%	Кол-во ответов	%
Люблю говорить (225)	196	87,11	177	78,67
Важность владения (223)	189	84,75	192	86,1
Знание языка детьми (228)	202	88,6	178	78,07
Скучаю по языку (136)	131	96,32	34	25
Выразительность (218)	188	86,24	155	71,1
Стыдно говорить на языке (10)	7	70	8	80
Чувство принадлежности (227)	222	97,8	100	44,05
Самореализация (187)	110	58,82	160	85,56
Забывание/потеря (103)	99	96,12	6	0,58

В частности, важность владения русским языком как лично, так представителями последующих поколений обусловлена необходимостью знания языка как государственного языка места проживания, общение на котором происходит во всех ситуациях коммуникации человека, вне зависимости от того, насколько культура носителей билингвизма соотносится с русской или перенимает ее черты. Можно предполагать, что с точки зрения культурной значимости важность знания русского языка и любви к нему обусловлена безусловным доминированием языка в языковых ситуациях проживания респондентов, вследствие чего респонденты оценивают данный аспект отношения к русскому языку в более прагматическом аспекте, в то время как к материнскому языку – скорее в культурном и эмоциональном.

Примечательны результаты оценивания такого высказывания, как «Мне стыдно говорить на этом языке», которое отражает негативное отношение к языку, в отличие от остальных утверждений. При интерпретации ответов были использованы дополнительные данные из корпуса RuTuViC только тех респондентов, которые отреагировали на это высказывание. При анализе этих данных были выявлены отличительные черты, которые дифференцируют эту группу от других участников: 1) использование материнского языка резко снизилось в период начала процесса социализации (начало обучения в школе); 2) материнский язык билингвы применяют преимущественно в межличностном общении; 3) самооценивание уровня владения материнским языком в различных видах речевой деятельности по трехзначной шкале «отлично», «неплохо» и «с трудом» варьируется от оценки «неплохо» до оценки «с трудом»; 4) внутренняя мотивация респондентов этой группы изучать и (или) совершенствовать материнский язык отсутствует: на вопрос «Хотели бы Вы лучше владеть одним или несколькими из своих языков?» ни один билингв, оценивших утверждение, не указал материнский язык.

Таким образом, ощущение стыда при использовании материнского языка в общении можно объяснить достаточно низким уровнем владения и ограниченным кругом его использования вне зависимости от различных социальных параметров и этнической самоидентификации.

Также неоднозначны результаты оценивания высказывания «Забываю/теряю этот язык», где шесть респондентов указали русский язык в качестве исчезающего. При анализе фрагментов записей спонтанной речи данных билингвов была выявлена частная причина утраты русского языка: [И]¹ *А забывается, теряете какой-то язык?* [Р] *Тут возрастное, оба два,*

---

¹ Здесь далее: [И] маркирует реплику интервьюера, [Р] – респондента.

наэрно. Вот слова теряю. Это возрастное, слова, вот, забудешь. Предмет вижу, а слово не могу вспомнить. Имена внуков, вот это вот. А потом, два же ребёнка всего, и путаться, когда пошло-то. Кошка была, так я ещё кошку стала приплетать: «Соня, Соня!» (Г.С., в., 3)¹.

Следует отметить, что при анализе двух приведенных высказываний нельзя игнорировать недостатки анкетирования как социолингвистического метода сбора данных, среди которых, например, З. Дёрней выделяет слабую возможность исправить ошибки респондентов или ее отсутствие, так как исследователь не имеет возможности перепроверить достоверность ответов².

Утверждение «Этот язык помогает самореализации» недопустимо анализировать в данном контексте вследствие крайнего обобщения вопроса и двойственности его понимания.

Таким образом, только высказывания «Скучаю по этому языку», «Этот язык очень выразителен», «Этот язык помогает мне чувствовать свою принадлежность к народу, говорящему на этом языке» демонстрируют преобладание положительного оценивания материнского языка в сравнении с русским. Этому может способствовать фактор роста национального самосознания в настоящее время, увеличение количества функций применения материнских языков – использование их в институциональных дискурсах с целью актуализации этнической и эстетической функций³. Данные анкетирования свидетельствуют о стремлении участников использовать мате-

---

¹ Здесь и далее фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов русско-татарских билингов Южной Сибири, хранящейся в Лаборатории лингвистической антропологии НИ ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации, имена респондентов не приводятся. В корпусе информация хранится под кодовыми обозначениями, пользователю корпуса будет доступна только социолингвистически и психолингвистически релевантные характеристики информанта, личная идентификация будет недоступна. В данной работе контекст сопровождается не цифровым, но инициальным идентификатором, фиксируется отнесенность к группе (1, 2, 3-я по возрасту на время записи) образование (н. – начальное, с. – среднее, н-с. – неполное среднее; с-с. – среднее специальное, в. – высшее). Тексты представлены в орфографической записи с фиксацией значительных отклонений от норм произношения.

² *Dörnyei Z.* Questionnaires in second language research: Construction, administration, and processing. 2nd ed. New York : Routledge, 2010. 165 p.

³ *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. doi: 10.17223/15617793/436/7с

ринский язык с целью актуализации культурных и этнических особенностей национальности, к которой они себя относят. Например, на вопрос об оценке принадлежности респондента к какой-либо культуре по шкале от 1 до 10 (участник мог причислить себя к представителям нескольких культур одновременно), 167 человек (68% от общего числа) дали ответ о принадлежности к тюркской культуре, в то время как принадлежность к славянской культуре отметили 140 человек (56% от общего числа). Примечательно, что из 167 человек, которые считают себя представителями тюркской культуры, 124 человека дали ответ «больше среднего» (по шкале от 1 до 10 – от 5 и выше). При этом из 63 человек, которые оценили свою принадлежность к тюркской культуре 10 баллами, только 39 человек отметили принадлежность к славянской культуре с ранжированием ответа по шкале.

Результаты анализа показывают, что в нашей выборке респондентов уровень актуализации ими национальной идентичности достаточно высок, вне зависимости от проживания в русскоязычном окружении. Такие социокультурные практики, как проведение обрядов, а также вовлеченность в фольклор (знание песен и сказок, а также их воспроизведение), подтверждают этот вывод: из 153 человек, которые отметили, что проводят обряды, 135 (88%) предпочитают проводить их на материнском языке; из 235 человек 225 (96%) указали, что знают песни на материнском языке, среди которых 143 человека (61%) может их спеть; из 228 человек, которые знают какие-либо сказки, 90 человек (39%) знают их на материнском языке, при этом 70 (30 %) из них могут их рассказать.

Также внутреннюю мотивацию к использованию родного языка можно проследить, опираясь на ответы билингвов на вопрос о желании улучшить владение каким-либо из своих языков. Из 169 человек, которые обозначили свое желание улучшить уровень владения языком, 102 человека (60%) указали родной язык, при этом основными мотиваторами являлись причины этнокультурного характера и желание самореализации себя как члена определенного этноса.

Таким образом, отвечая на вопрос «Какова мотивация выбора языка билингвами в ситуации взаимодействия русского и материнских (херитажных) языков в контексте современных социокультурных практик на территории Южной Сибири?», необходимо отметить следующее. Мотивация выбора русского языка продиктована в первую очередь условиями социума: он является государственным языком РФ, языком институционального общения, языком образования на всех этапах. Выбор родного языка

как преимущественный в культурных практиках может определяться ростом национального самосознания, в некоторой степени семейным воспитанием, а для части респондентов – компактностью проживания в местах исконного населения, где родной язык используется значительно чаще вследствие устоявшихся традиций его сохранения и использования.

1.2.2.2. Факторы, определяющие функциональное соотношение родного и второго языка, в оценках татарско-русских билингвов¹

В данном подпараграфе представлены результаты изучения взаимодействия татарского языка, определяемого как родной, и русского языка, определяемого как второй и доминирующий, в языковом сознании билингвов и поиска корреляций между восприятием одного из языков как родного и определением национальной идентичности билингва.

В качестве материала исследования привлекались данные анкетирования татарско-русских билингвов, проживающих в Томске и населенных пунктах Томской и Новосибирской областей, формализованные в БД RuTurkSocLing: ответы 133 татарско-русских билингвов. При этом 112 человек определили татарский язык как первый (родной) язык, русский – 17 человек. Средний возраст всех участников – 50 лет, среди них 41 человек до 35 лет (младшая возрастная группа), 59 человек от 35 до 65 лет (средняя возрастная группа), 32 человека старше 65 лет (старшая возрастная группа). У большинства респондентов (120 человек) как минимум один родитель этнически определялся как татарин/татарка. У трети опрошенных детей не имеется, однако те, кто имеет детей, в большей степени определяют их как татарин/татарка: в трех из четырех случаев (67 детей – татарин/татарка, 17 – русский/русская, 6 – метис/метиска). Подавляющее большинство респондентов общаются в семье на татарском (120 из 133 человек) вне зависимости от возраста.

Анализ социолингвистических анкет, заполненных респондентами данной группы, позволяет сделать некоторые выводы о соотношении и взаимодействии русского и татарского языков в сознании билингвов и их оценке роли каждого языка на протяжении их жизни. Фиксация оценки уровня владения языками по основным видам речевой деятельности, порядка усвоения языков и активности их использования в разные периоды

---

¹ Материалы были опубликованы ранее в статье: *Темникова И.Г., Диброва В.С.* Влияние институциональных дискурсов на языковое самоопределение в условиях полиэтничного социума // Русин. 2022. № 70. С. 232–243.

жизни билингов позволяет сделать выводы о типе билингвизма, который можно определить как *несбалансированный*. Билингвы являются носителями эритажных языков, представителями так называемого раннего билингвизма, в раннем детстве находившимися под одновременным или последовательным воздействием двух языков (эритажного (L1) и «языка большинства», языка, который является основным в том сообществе, членом которого является билингв (L2)), и для которого L2 становится доминирующим (основным) в тот момент, когда начинается процесс активной социализации (как правило, это момент поступления в школу)¹.

Татарский язык для большинства представителей группы татарско-русских билингов является языком внутрисемейного общения, особенно следует отметить тенденцию использовать татарский язык в разговоре со старшими родственниками². Однако необходимо подчеркнуть, что использование татарского языка сильно варьируется в зависимости от возраста респондента. Так, 83% билингов (108 из 133 человек) предпочитают разговаривать на татарском с бабушками и дедушками, при этом стоит отметить явное доминирование татарского языка во всех возрастных категориях участников. 69% респондентов (86 из 133 человек) общаются на татарском с родителями, при этом использование татарского языка преобладает тем больше, чем старше респондент.

Что касается общения с детьми, респонденты отмечают возрастающую роль русского языка: только 43% (59 из 133 человек) участников указали, что разговаривают на татарском с детьми. Вместе с тем ситуация использования татарского языка неоднозначная: представители старшей возрастной группы (от 65 лет) предсказуемо используют татарский чаще, чем русский. Билингвы средней возрастной группы (от 35 до 65 лет) предпочитают использовать русский язык. Респонденты младшей возрастной группы (до 35 лет) используют данные языки в равной степени, что подчеркивает возросший интерес в сохранении языка и культуры и передачи их младшему поколению. Также следует отметить, что наблюдается тенденция – чем старше участник, тем чаще он выбирает татарский язык в качестве языка внутрисемейного уровня.

---

¹ Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics // *Theoretical Linguistics*. 2013. № 39. P. 129–181. doi: 10.1515/tl-2013-0009C

² Новожилов А.Г. Сохранение языков коренных малочисленных народов в условиях глобализации (опыт Северо-Запада России) // *Русин*. 2022. № 67. С. 361–374. doi: 10.17223/18572685/67/20

Русский язык является прежде всего языком институциональным. Согласно нашим данным, он занимает доминирующую позицию в языковой деятельности билингвов в период их участия в общественной жизни (учеба, работа). Если в межличностном общении использование татарского и русского языков находится в соотношении примерно один к двум (61 человек (46%) используют татарский, 111 человек (83%) – русский), то в качестве институционального языка русский выбирают 112 человек (83%), в то время как татарский – только 18 человек (13%).

Вопрос о том, что происходит с языком семейного общения, который занимает первую позицию в порядке усвоения и воспринимается ребенком как родной, когда ребенок проходит процедуру социализации (идет в школу) и попадает в языковую ситуацию, где доминирующим является другой язык – язык социального общения, язык государственный, язык-макропосредник, неоднократно ставился исследователями при изучении разных билингвальных сообществ (обзор работ см. в статье Л. Ортеги)¹.

Исследования показывают, что, если билингвизм сформировался как ранний последовательный, билингвы могут испытывать затруднение, определяя родной язык². Что касается татарско-русских билингвов, несмотря на то что у многих из них билингвизм можно отнести к разряду раннего одновременного (*early simultaneous*) или раннего последовательного (*early sequential*) билингвизма (указывают татарский и русский как языки, на которых говорили в период 0–6 лет в 75% случаев), татарский язык они определяют как родной в 84% случаев.

Среди факторов, влияющих на функциональные соотношения языков в ситуациях несбалансированного билингвизма, можно выделить три группы.

Первую группу составляют *макросредовые социальные условия коммуницирования* носителей херитажных языков, к числу которых относятся обучение в образовательных учреждениях разного уровня, взаимодействие с сотрудниками разнообразных социальных организаций и т.д.

Вторую группу составляют *микросредовые условия коммуницирования*, к числу которых относится межличностное общение – внутрисемейное, общение с друзьями, соседями.

---

¹ Ortega L. The Study of Heritage Language Development From a Bilingualism and Social Justice Perspective // Language Learning. 2020. № 70 (S1). P. 15–53. doi: 10.1111/lang.12347

² Там же.

Третью группу составляют личностные *установки* билингвов – отношение к языку как показателю принадлежности к народу, говорящему на этом языке, оценивание потенциала языка как средства самореализации, организация персональной языковой деятельности (чтение, пение, проведение обрядов и т.д.).

Приведем некоторые данные. На татарском языке до школы разговаривали 106 человек, в то время как на русском только 56 человек. Здесь наблюдается значительный перевес в сторону родного языка, так как основным язык общения в семье (по предыдущим данным) для большинства являлся именно татарский. При этом следует отметить, что участники младшей возрастной группы (до 35 лет) использовали татарский и русский примерно в равной степени (13 использовали только русский, 14 человек – только татарский, 13 человек – русский и татарский), в то время как люди старше 35 лет до школы предпочитали использовать татарский (80 человек использовали татарский и только 32 человека разговаривали на русском).

В момент, когда респондент выходит из семейного круга и начинает процесс социализации, использование русского языка в общении резко повышается – в начальной школе на татарском общались 43 человека, в то время как на русском уже 100. Чем старше становится респондент, тем больше русский язык вытесняет татарский – на татарском в средней школе общается уже 34 человека, а на русском – 108. Что касается возрастных групп респондентов, в отличие от использования языка до школы, здесь ситуация сглаживается – и младшая, и старшая возрастные группы используют русский в общении гораздо более активно, нежели татарский.

Следует отметить не только факторы, связанные с общением респондентов в различных условиях и с различными людьми. Русский язык также очень сильно влияет на выбор языка для чтения: всего 18 человек предпочитают читать на татарском, 74 человека – на русском, что показательно, учитывая достаточно обширный литературный фонд на татарском языке. Однако в случае другой персональной деятельности ситуация склоняется в пользу использования татарского: из 81 человека, указавших, что проводят обряды, 71 предпочитает проводить их на татарском; 124 из 133 участников знают татарские песни, 83 человека могут спеть одну или несколько; из 109 человек, которым в детстве рассказывали сказки, 75 слушали их на татарском, а 50 человек знают как минимум одну сказку на татарском и могут её/их рассказать. Кроме того, участникам также необходимо было отметить влияние татарского языка на различные виды коммуникативной деятельности в настоящее время по 10-балльной шкале. Согласно данным анкетирования, влияние языка на просмотр телепрограмм, прослушивание

музыки и чтение в среднем 5 из 10, что достаточно высокая цифра, учитывающая доминирование русского языка.

В целом можно констатировать, что сферами использования родного (татарского) языка являются общение в семье и ближайшем окружении (в детстве до школы, с родственниками, знакомыми, соседями) и персональная языковая деятельность (чтение, пение, проведение обрядов).

Коммуникативные ситуации, требующие использования второго (русского) языка, формируются средой институционального общения, составляющего значительную часть социального взаимодействия респондентов, начиная со времени поступления в школу, что отражается в динамике использования языков в разные периоды жизни респондентов, что отражено на рис. 4.

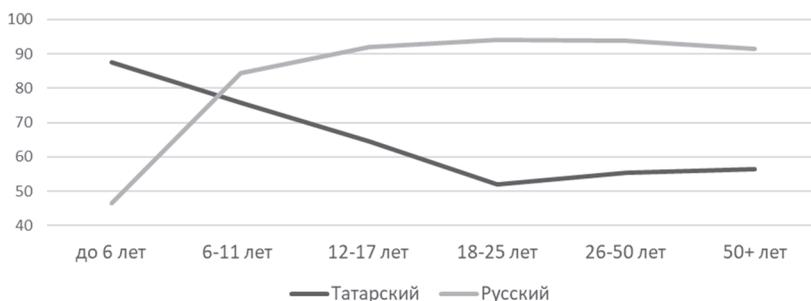

Рис. 4. Динамика использования татарского и русского языков в различные периоды жизни татарско-русских билингвов, %

Родной (татарский) язык, занимающий доминирующее положение у подавляющего большинства респондентов в возрастной период 0–6 лет (75 % от числа опрошенных), демонстрирует резкое снижение и уступает доминирующую позицию второму (русскому) языку в период начала процесса социализации и выхода за границу внутрисемейного круга общения (49% – 6–11 лет, 43% – 12–17 лет, 35% – 18–25 лет). При этом в различных возрастных группах ситуация практически идентичная. Однако можно наблюдать тенденцию увеличения использования родного языка в более старшем возрасте (37% – 25–50 лет, 44% – 50 лет и старше). Это может быть связано с внутренней потребностью билингвов изучать или улучшать навыки татарского в большей части по причинам этнокультурного характера – боязнь потерять свои корни, культуру, желание передать культуру младшему поколению. Данные коррелируют с вышеприведенными результатами выбора языка для общения со старшими родственниками – чем

старше поколение, тем больше татарского и меньше русского языка используется во внутрисемейном общении.

Изменение порядка доминирования языков не оказывает значительного влияния на определение статуса татарского языка как родного – большинство респондентов (84% – 112 человек из 133) указывают в качестве родного языка татарский, 13% (17 человек из 133) опрошенных – русский язык.

В целом можно видеть, что влияние институциональных дискурсов в речевых практиках татарско-русских билингвов, живущих в Южной Сибири, в значительной степени повлияло на изменение соотношения первый (родной) – второй язык. Русский язык, который является вторым по порядку усвоения и часто не осознается как родной язык, по активности использования занимает первое место, и в подавляющем большинстве случаев субъективная оценка владения русским языком гораздо выше, чем татарским. Татарский язык, который чаще всего является первым в порядке усвоения, хотя и не является доминирующим, не используется в ситуациях повседневного общения, тем не менее, выступает основным фактором влияния при национальном самоопределении.

1.2.2.3. *Оценки уровня владения родным языком херитажными билингвами¹*

В данном подпараграфе представлены результаты анализа влияния социальных и культурных факторов на оценки языкового опыта респондентами в первом и втором языках в условиях несбалансированных билингвальных языковых ситуаций.

---

¹ *Диброва В.С.* Соотношение частотности использования и уровня владения языками у билингвов (по данным анкетирования) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск, 2023. Вып. 24. С. 133–139; *Диброва В.С.* К вопросу о влиянии возраста на субъективное оценивание уровня татарского, хакасского и шорского языков херитажными билингвами (на материале тюркско-русского взаимодействия языков Южной Сибири) : сб. материалов IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых учёных (14–16 апреля 2022 г.). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. Вып. 23. С. 201–204; *Диброва В.С., Мальцева В.О.* Влияние места рождения и места проживания на субъективное оценивание уровня языка херитажными билингвами : III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.). Казань : Издательство Казанского университета, 2023. Т. 2. С. 423–426; *Диброва В.С.* Оценка уровня владения языком херитажными билингвами (на материале тюркско-русского взаимодействия языков Южной Сибири) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022». М. : МАКС Пресс, 2022.

Предметом анализа выступили языковые ситуации, отраженные в субъективных оценках уровня владения материнским языком билингвами. Как было отмечено в социолингвистической анкете, уровень владения первым и вторым языками оценивался по трехзначной шкале («отлично», «неплохо» и «с трудом») и дифференцировался по типам речевой деятельности: понимание (пассивный тип), говорение, чтение и письмо (активные типы). В подпараграфе представлены количественные и качественные соотношения оценок согласно данной логике.

В предварительный общий анализ вошли данные всех 247 респондентов, которые прошли анкетирование по социолингвистической анкете. Распределение респондентов по виду билингвизма следующее: 138 татарско-русских, 75 хакасско-русских и 34 шорско-русских билингвов. После первичной обработки данных было удалено семь наблюдений, так как участники не дали ни одной оценки субъективного оценивания уровня владения материнским языком. В итоге в анализ вошли данные анкетирования 240 человек, общее число оценок: 919 (508 татарско-русских, 289 хакасско-русских и 122 шорско-русских билингва).

Порядок представления результатов анализа следующий: первоначально приводятся данные анализа всех оценок, их распределение по видам речевой деятельности и видам билингвизма. Следом представлены корреляционные анализы, позволяющие выявить взаимосвязь и ее силу между оценками уровня владения материнским языком и такими социальными и культурными факторами, как возраст, уровень образования и место рождения и проживания билингвов. При этом охарактеризованы различия как в общей выборке респондентов, так и по разделению на группы по варианту материнского языка (татарско-русская, хакасско-русская и шорско-русская группа).

Представим распределение оценок билингвов, ранжированных по степени владения материнским языком и по типам речевой деятельности в табл. 9.

Таблица 9

Степень владения материнским языком билингвами по типам речевой деятельности

Тип речевой деятельности	Общее число оценок	«Отлично»	«Неплохо»	«С трудом»
Понимание	236	69,5% (164)	26,7% (63)	3,8% (9)
Говорение	235	54,5% (128)	33,2% (78)	12,3% (29)
Чтение	229	43,2% (99)	37,6% (86)	19,2% (44)
Письмо	219	36,1% (79)	33,8% (74)	30,1% (66)

Результаты показывают, что у билингвов по их самооценкам наиболее развит пассивный уровень владения родным языком (понимание), нежели активный. Среди активных форм речевой деятельности наиболее высоко оценивается уровень говорения; уровни чтения и письма оцениваются более низко, что вполне соотносимо с тем, что анализируемые языки в настоящее время все более сужают сферу функционирования до семейного и дружеского бытового общения.

Распределение оценок билингвами степени владения каждым из анализируемых материнских языков – татарский, хакасский и шорский – представлено в табл. 10. Проследим, отразится ли различие тех языковых ситуаций, в которых проживают билингвы, на соотношении оценок уровнями владения разными вариантами речевой деятельности на родном языке.

Таблица 10

Степень владения материнским языком

Этническая принадлежность	Общее количество	«Отлично»		«Неплохо»		«С трудом»	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
<i>Понимание</i>							
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Татары	133	81	60,9	47	35,3	4	3
Хакасы	72	55	76,4	13	18,1	4	5,5
Шорцы	32	28	87,5	3	5,5	1	3,1
<i>Говорение</i>							
Татары	131	63	48,1	55	42	13	9,9
Хакасы	73	42	57,5	18	24,7	13	17,8
Шорцы	32	23	71,9	5	15,6	4	12,5
<i>Чтение</i>							
Татары	127	42	33,1	57	44,8	28	22
Хакасы	72	46	63,9	19	26,4	7	9,7
Шорцы	30	11	36,7	10	33,3	9	30
<i>Письмо</i>							
Татары	119	32	26,9	45	37,8	42	35,3
Хакасы	72	41	56,9	18	25	13	18,1
Шорцы	28	6	21,4	11	39,3	11	39,3

Как можно видеть в табл. 10, пассивный тип владения языком (понимание) наибольшим количеством респондентов оценивается достаточно высоко. Однако оценивание активных типов владения языком отличаются в зависимости от групп билингвов: наиболее высокие оценки по всем трем формам речевой активности дали хакасско-русские билингвы (на «отлично» 57% респондентов оценили говорение, 64% – чтение и 57% –

письмо). Это соотносится с тем, что хакасский язык, являясь единственным языком среди анализируемых материнских языков, имеет государственный статус на территории проживания билингвов, является языком обучения на всех уровнях образования, а также располагает гораздо большим числом сфер активного функционирования, не ограничиваясь только бытовым общением (коммуникативная мощность хакасского языка на территории Хакасии – 0,81).

Татарско-русские билингвы оценивают типы владения активными формами речевого общения ниже (на «отлично» 48% респондентов оценили говорение, 33% – чтение и 27% – письмо). Это также соотносится с положением сибирского татарского языка в языковой ситуации, сложившейся в Томской области. По сравнению с более низкими оценками владения шорским языком его носителями, билингвы-татары в системе самооценок отмечают более высокий уровень владения активными формами коммуникации.

Шорско-русские билингвы дали самое большое количество высоких оценок говорения на родном языке, однако при этом степень владения навыками чтения и письма получила наибольшее количество низких оценок (на «отлично» 72% респондентов оценили говорение, 37% – чтение и 21% – письмо). Эти данные соотносятся с представленными ранее характеристиками положения шорского языка в ЯС в Кузбассе, в частности, с тем, что шорский язык не является официальным языком общения в регионе, наблюдается дефицит художественной литературы на шорском языке.

Таким образом, предварительный общий анализ субъективных оценок уровней владения типами речевого общения на родных языках татарско-русских, хакасско-русских и шорско-русских билингвов дает основание предположить, что субъективные оценки билингвами уровня владения языком в разных его формах будут зависимы, в первую очередь, от влияния различных факторов, действующих в несбалансированных языковых ситуациях, от различий в языковых, социальных и культурных условиях проживания билингвов, от степени влияния культуры материнского языка на сознание билингва.

Собранные данные позволяют проанализировать соотношение и возможную степень влияния ряда факторов: 1) возраст респондента, 2) уровень образования, 3) место рождения и место проживания.

Рассмотрим последовательно соотношение названных факторов и оценок уровня владения типами коммуникации на родном языке, данных билингвами. Таким образом, в качестве зависимой переменной выступают

субъективные оценки носителями билингвизма уровня владения разными типами речевых практик, в качестве независимых – возраст респондента, уровень его образования, место рождения и проживания.

Возраст респондента в анкете высчитывался, исходя из даты рождения респондента на момент проведения анкетирования, и представлен целым числом, округленным до года.

При ответе на вопрос **об уровне образования** респонденты фиксировали один из вариантов: «начальное», «среднее», «среднее специальное», «неоконченное высшее», «высшее», «другое».

При фиксации **места рождения и проживания** для анализа были взяты категориальные величины, обобщающие ответы участников: «город» и «сельская местность».

1.2.2.4. Оценки уровня владения языком билингвами разных возрастов

В подпараграфе мы представим результаты анализа по совокупной группе респондентов, а далее – по группам татарско-русских, шорско-русских и хакасско-русских билингвов.

Общее количество респондентов, оценки которых были привлечены к анализу, – 236 человек (2 респондента не указали свой возраст в анкете).

В соответствии с принятой в проекте системой все оценки респондентов были поделены на три группы: младшая возрастная группа – до 35 лет; средняя возрастная группа – от 35 до 65 лет; старшая возрастная группа – от 65 лет включительно.

Для проведения статистических анализов также были обработаны и подготовлены данные о субъективном уровне владения языком, где каждой словесной оценке был дан соответствующий ранг: «отлично» – 3, «неплохо» – 2, «с трудом» – 1, пустые ячейки не удалялись и не заполнялись. Кроме этого, была введена дополнительная переменная – средняя оценка уровня владения языком, которая является результатом подсчета среднего арифметического оценок по четырем видам речевой деятельности.

Ниже приведены результаты первого исследования, в котором респонденты не были разделены по варианту материнского языка. В табл. 11–13 отражено количественное и процентное соотношение оценок субъективного уровня владения языком в зависимости от возраста участников анкетирования.

Т а б л и ц а 11

Первая группа, билингвы до 35 лет (73 человека)

Уровень языка	Общее число оценок	«Отлично»	«Неплохо»	«С трудом»
Понимание	72	56% (41)	33% (24)	11% (8)
Говорение	72	33% (24)	41% (29)	26% (19)
Чтение	70	40% (28)	46% (32)	14% (10)
Письмо	71	27% (19)	32% (23)	41% (29)

Т а б л и ц а 12

Вторая группа, билингвы от 35 до 65 лет (108 человек)

Уровень языка	Общее число оценок	«Отлично»	«Неплохо»	«С трудом»
Понимание	108	70% (76)	28% (30)	2% (2)
Говорение	107	56% (60)	36% (39)	8% (8)
Чтение	104	42% (43)	39% (41)	19% (20)
Письмо	96	34% (33)	42% (40)	24% (23)

Т а б л и ц а 13

Третья группа, билингвы от 65 лет включительно (57 человек)

Уровень языка	Общее число оценок	«Отлично»	«Неплохо»	«С трудом»
Понимание	56	84% (47)	16% (9)	0% (0)
Говорение	56	79% (44)	17% (10)	4% (2)
Чтение	55	51% (28)	24% (13)	25% (14)
Письмо	52	52% (27)	21% (11)	27% (14)

На основе приведенных данных было проанализировано наличие либо отсутствие корреляций между возрастом респондентов и субъективным оцениванием уровня владения материнским языком. Для выявления различий между группами оценок по видам речевой деятельности, данных носителями трех возрастных групп, использовался критерий Краскела – Уоллиса. Статистически значимые различия в характере оценок владения языком у представителей трех возрастных групп замечены во всех видах речевой деятельности, кроме чтения, где $p > 0,05$ (понимание: $p = 0,00$; говорение: $p = 0,00$, письмо: $p = 0,01$).

Для проверки силы взаимосвязи возраста респондента и даваемых им оценок уровня владения языком был проведен корреляционный анализ. Использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, так как возрастные группы представлены порядковыми переменными. Коэффициенты корреляции представлены в табл. 14.

Корреляция между возрастом респондентов и оценками уровня владения языком

Уровень языка	Все респонденты	До 35 лет	С 35 до 65 лет	После 65 лет
Понимание	0,21	0,05	-0,09	0,25
Говорение	0,35	0,35	-0,08	0,09
Чтение	0,02	0,08	-0,08	0,06
Письмо	0,23	0,19	0,07	0,16

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о весьма слабой связи или ее отсутствии между возрастом билингов и оценивания ими уровня владения языком.

На следующем этапе анализировалось наличие либо отсутствие корреляций между возрастом респондентов и их оценками в трех группах, разделенных по варианту материнского (родного) языка. Данные были разделены на шесть групп: три группы респондентов по варианту родного языка, каждая из которых поделена на три возрастные группы. Объем выборки составил:

1. Татарско-русские билингов (133 человека):
  - Первая возрастная группа до 35 лет: 42 оценки.
  - Вторая возрастная группа от 35 до 65 лет: 59 оценок.
  - Третья возрастная группа от 65 лет: 32 оценки.
2. Хакасско-русские билингов (73 человека):
  - Первая возрастная группа до 35 лет: 28 оценок.
  - Вторая возрастная группа от 35 до 65 лет: 32 оценки.
  - Третья возрастная группа от 65 лет: 13 оценок.
3. Шорско-русские билингов (32 человека):
  - Первая возрастная группа до 35 лет: 3 оценки.
  - Вторая возрастная группа от 35 до 65 лет: 19 оценок.
  - Третья возрастная группа от 65 лет: 10 оценок.

Опишем характер коррелятивных связей между уровнем владения языком без деления на виды речевой деятельности и возрастом респондентов.

Для выявления различий между группами также использовался критерий Краскела – Уоллиса, который выявил статистически значимые результаты в группах татарско-русских ($p = 0,01804$) и хакасско-русских ($p = 0,0001$) билингов. Эти результаты свидетельствуют о том, что внутри данных групп возраст влияет значим при оценивании уровня владения

языком. В группе шорско-русских билингвов различие выявлялось между оценками уровня владения языком и двумя возрастными группами респондентов, поскольку первая возрастная группа (до 35 лет) не была введена в анализ, так как представлена всего тремя наблюдениями. Анализ Манна – Уитни не выявил статистической значимости ($p\text{-value} = 0,2861$).

На представленных ниже скрипичных диаграммах (рис. 5, 6) визуализировано распределение оценок респондентов в зависимости от материнского языка. Здесь и в дальнейшем в каждом графике, визуализирующем результаты какого-либо анализа, ось ординат отражает среднюю оценку уровня владения материнским языком (минимальное значение – 0, максимальное – 3, шаг 0,1). Ширина диаграммы демонстрирует различие количества оценок: чем шире диаграмма, тем большее количество таких оценок дали респонденты. Внутри диаграммы «ящик с усами» демонстрирует интерквартильный размах (разброс данных в средней половине набора оценок, позволяющий оценить, где находится основная масса оценок), а горизонтальная линия демонстрирует медиану.

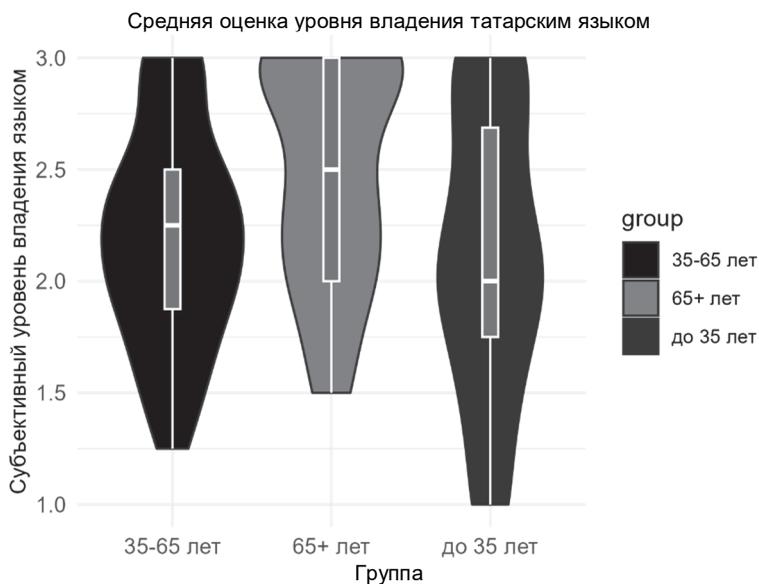

Рис. 5. Распределение оценок уровня владения языком между возрастными группами татарско-русских билингвов

Как можно видеть на графике, наиболее высокие оценки владения родным языком дают представители возрастной группы от 65 лет (медиана – ~2,5 (из 3)). Оценки респондентов до 35 лет наиболее низкие (медиана – ~2,0), при этом они распределены неравномерно – от 1 до 3. Отметим, что самая низкая оценка в возрастной группе от 35 до 65 лет составляла 1,25, а в группе респондентов от 65 лет – 1,5. В возрастной группе от 35 до 65 лет наибольшее количество оценок распределено вокруг медианы, что свидетельствует о достаточно равномерном оценивании владения родным языком. Оценки респондентов от 65 лет распределились на группирующиеся около 2,75 и 3,0. Таким образом, можно сделать вывод, что с увеличением возраста растет среднее значение оценок уровня владения языком, при этом уменьшается диапазон между максимальной и минимальной оценкой в группе.

Рис. 6. Распределение оценок уровня владения языком между возрастными группами хакасско-русских билингвов

На графике (см. рис. 6) можно видеть наиболее высокий уровень владения языком по сравнению с остальными группами билингвов. Для групп старше 35 лет медиана находится на максимальном значении (3), при этом для группы старше 65 лет все остальные значения являются выбросами (из 13 респондентов 10 оценили свой уровень владения хакасским языком на 3 из 3). В возрастной группе от 35 до 65 лет наблюдается пять выбросов (из 32 человек пятеро оценили свой уровень владения языком на 2,25 и менее). При этом в группе до 35 лет наблюдается наибольший разброс – размах диаграммы от минимальной данной оценки 1 до максимальной 3, медиана находится на значении $\sim 2,25$. Данные результаты могут свидетельствовать о влиянии хакасского языка, как государственного языка республики, и его более активном использовании в различных коммуникативных сферах. При этом чем старше люди, тем более высоко они оценивают свой уровень владения, что, предположительно, может быть связано с более длительной практикой использования языка.

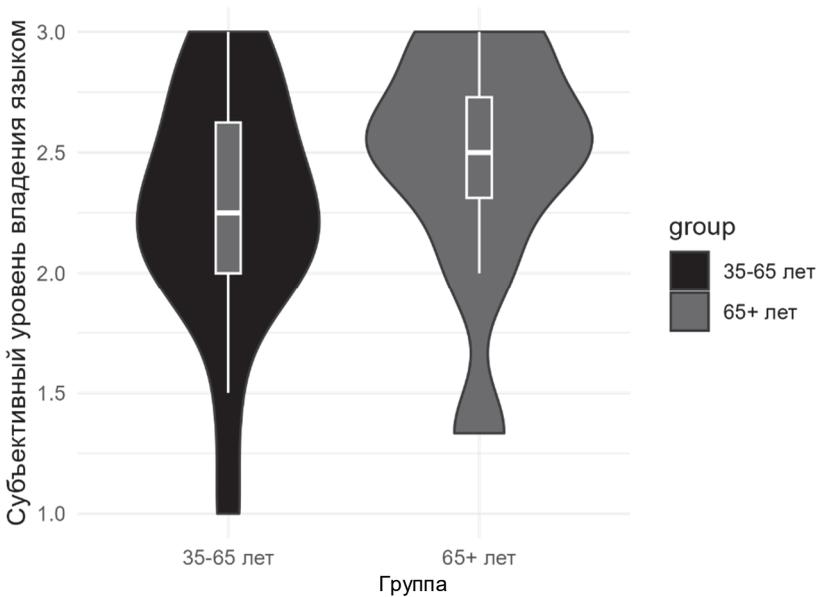

Рис. 7. Распределение оценок уровня владения языком между возрастными группами шорско-русских билингвов

На графике (см. рис. 7) было выделено только две возрастные группы: было решено исключить из анализа возрастную группу до 35 лет ввиду недостаточности данных – анкетирование прошли только 3 человека. Здесь также наблюдается тенденция увеличения значения оценок в соотношении с возрастом: респонденты от 35 до 65 лет в среднем оценивали свой уровень владения шорским языком на 2,25, при этом респонденты старше 65 лет – на 2,5. Также минимальное зафиксированное значение владения языком для группы от 35 до 65 лет является более низким – 1 против 1,35 у группы старше 65 лет.

Таким образом, можно сделать общий вывод о наличии незначительной зависимости оценки уровня владения языком от возраста респондентов: чем старше возрастная группа, тем выше медианное значение оценки уровня владения материнским языком; при этом разброс между максимальным и минимальным значением снижается.

Для выявления типа корреляции возраста и средних оценок уровня владения языком внутри групп билингвов использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, результаты которого представлены в табл. 15.

Таблица 15

Корреляционный анализ возраста и субъективного уровня владения языком по группам билингвов

Группа билингвов	До 35 лет	С 35 до 65 лет	Старше 65 лет
Татарско-русские	0,27	-0,09	0,28
Хакасско-русские	0,09	0,28	-0,01
Шорско-русские	–	-0,05	0,06

Как можно видеть в табл. 15, анализ выявил наличие слабых положительных корреляций (0,27 и 0,28), свидетельствующих о прямой корреляции между возрастом и оцениванием уровня владения языком – чем больше возраст, тем больше значение оценки.

Однако проверка наличия или отсутствия связей возраста и оценивания уровня владения языком внутри групп билингвов не выявила различия между данными группами.

Для проверки значимых различий между средними значениями групп билингвов был использован многофакторный дисперсионный анализ, визуализация которого представлена на рис. 8. На графике сплошной линией выделены оценки татарско-русских билингвов, пунктирной – шорско-русских, точечной линией – хакасско-русских.

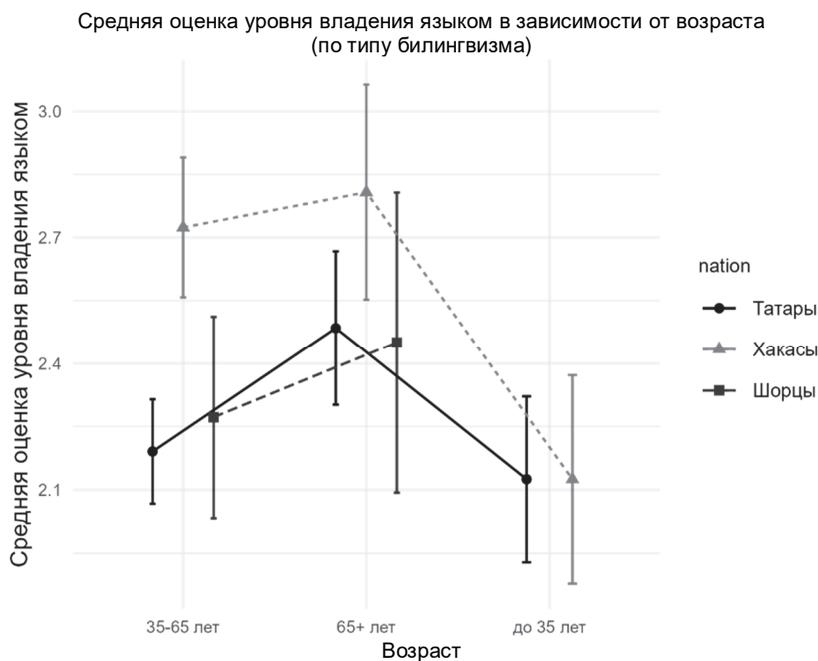

Рис. 8. Результаты многофакторного дисперсионного анализа связи возраста и субъективного уровня владения материнском языком

Как можно видеть на графике, наиболее высокие оценки уровня владения языком дают представители хакасско-русского билингвизма старше 65 лет. В целом группа старше 65 лет демонстрирует наиболее высокое оценивание уровня владения языком. При этом наибольший разрыв между средними оценками можно наблюдать в возрастной группе от 35 до 65 лет: хакасско-русские билингвы оценивают свой уровень владения гораздо выше, чем представители татарско-русского и шорско-русского билингвизма (разница составляет примерно 0,5). Результаты многофакторного дисперсионного анализа свидетельствуют о наличии связи между переменными возраста и субъективного владения материнским языком ($p = 0,02$), при этом наиболее значимое отличие наблюдается между билингвами в возрастной группе от 35 до 65 лет ($p = 0,00$).

В группе до 35 лет анализировались только две группы билингвов – татарско-русские и хакасско-русские, между которыми статистическое

различие не было обнаружено ($p = 1,0$). В группе от 65 лет различия также не достигли уровня статистической значимости ($p = 0,11$).

Таким образом, можно сделать вывод, что в каждой из групп билингвов наблюдается корреляция между возрастом и субъективным оцениванием уровня владения языком, причем наиболее сильно она выражена в группе хакасско-русских билингвов и в сравнении данной группы с другими группами по типу билингвизма.

1.2.2.5. Оценки уровня владения языком билингвами с разным образованием

Необходимость исследования влияния такого социального фактора, как последний завершённый цикл образования респондента, обусловлен тем, что данный показатель демонстрирует как количество лет, проведенных в образовательном учреждении, так и количество знаний, умений и навыков, которые человек приобрел за время обучения. Кроме того, образование неразрывно связано с социальными связями, группами и ролями, которые человек занимает в обществе. Уровень образования может отражать и устойчивость использования того или иного языка в различных сферах общения, а также уровень влияния на человека той или иной культуры через язык в рамках несбалансированных языковых ситуаций.

Для проверки соотношения образования и оценивания уровня владения родным языком был проведен статистический анализ, где зависимой переменной является субъективная оценка уровня владения языком билингвами, независимой – уровень образования.

Из всего объема данных (оценки 247 билингвов) было удалено 11 наблюдений, где респонденты не дали ни одной оценки субъективного уровня владения материнским языком и не указали свой уровень образования. Таким образом, в анализ вошли данные 235 участников, общее число оценок по двум переменным – 1 149.

Как уже упоминалось ранее, в базе данных информация об уровне образования представлена шестью видами: «начальное», «среднее», «среднее специальное», «неоконченное высшее», «высшее», «другое». В статистическом анализе мы объединили группы респондентов с неоконченным высшим и средним образованием; наблюдение с категорией «другое» не было включено в анализ, так как такой ответ был дан только одним респондентом.

Таким образом, было выделено четыре группы респондентов:

1-я группа – начальное образование: 15 человек (из них 7 татарско-русских, 4 хакаско-русских и 4 шорско-русских билингва);

2-я группа – среднее общее образование: 43 человека (из них 19 татарско-русских, 20 хакаско-русских и 4 шорско-русских билингва);

3-я группа – среднее специальное образование: 54 человека (из них 31 татарско-русский, 9 хакаско-русских и 14 шорско-русских билингвов);

4-я группа – высшее образование: 123 человека (из них 74 татарско-русских, 38 хакаско-русских и 11 шорско-русских билингвов).

Как и в предыдущих видах анализа на первом этапе был проведен общий анализ субъективных оценок без разделения по типу билингвизма. Для анализа различий между группами был использован критерий Краскела – Уоллиса, который показал отсутствие статистической значимости различия в оценках уровня владения языком между группами респондентов, противопоставленных по уровню образования ($p\text{-value} = 0,21$). На графике (рис. 9) представлена визуализация результатов анализа, которая наглядно демонстрирует минимальные различия распределения оценок в выделенных группах респондентов по уровню образования.

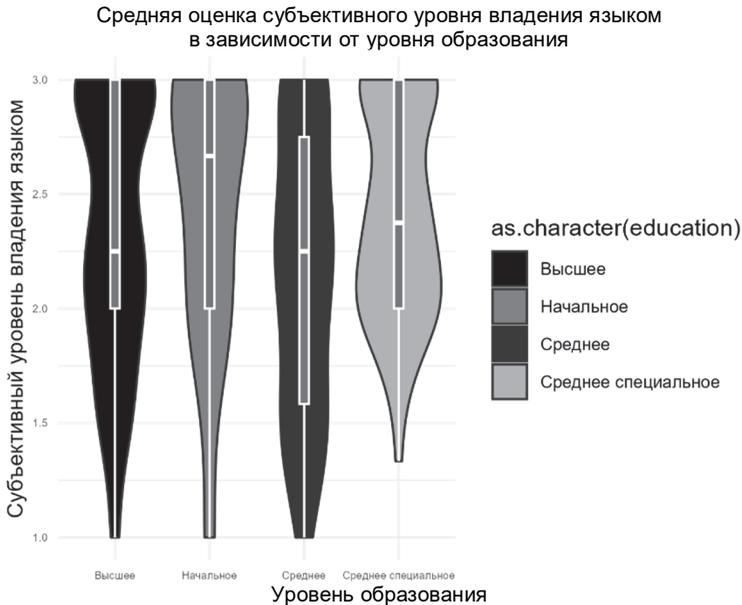

Рис. 9. Средняя оценка субъективного уровня владения языком в зависимости от уровня образования

На графике можно наблюдать достаточно большой интерквартильный размах, что свидетельствует о значительном разбросе оценок вокруг медианного значения.

Далее в анализ соотношения оценок уровня владения языком и уровня образования респондентов с делением на группы по материнскому языку была включена новая независимая переменная – тип билингвизма (татарско-русский, хакасско-русский и шорско-русский). Таким образом, анализ включал две независимые переменные: образование (с четырьмя группами); тип двуязычия (три группы) и зависимую переменную – оценивание уровня владения материнским языком.

Для исследования влияния двух независимых факторов на зависимую количественную переменную был использован многофакторный дисперсионный анализ, который также показал отсутствие статистической значимости корреляций ($p = 0,43$). На рис. 10 представлен график дисперсий, где можно видеть отсутствие каких-либо различий между средними значениями групп, кроме высшего образования, где $p = 0,00$ (начальное образование: $p = 0,61$, среднее образование: $p = 0,74$; среднее специальное образование: $p = 0,11$).

На графике сплошной линией отображены оценки татарско-русских билингов, точечной – хакасско-русских, пунктирной – шорско-русских.

Средняя оценка уровня владения языком в зависимости от уровня образования (по типу билингвизма)

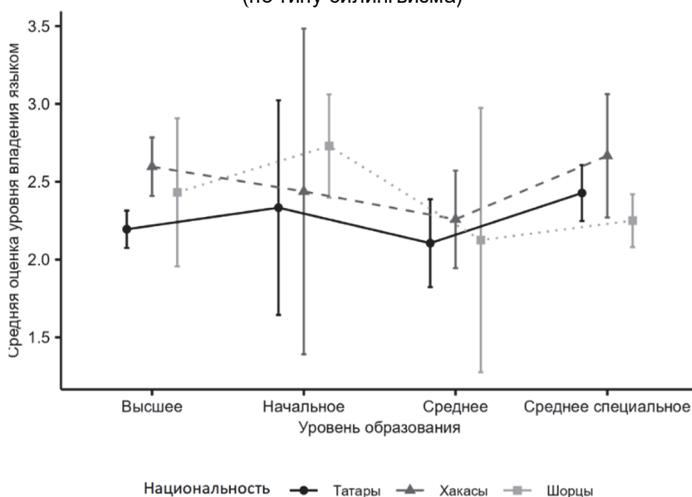

Рис. 10. Средняя оценка уровня владения языком в зависимости от уровня образования (по типу билингвизма)

Статистически значимые результаты были достигнуты только в группе, где билингвы имеют высшее образование, и эта группа – единственная, в которой имеется более 100 наблюдений. При этом отметим достаточно большую дисперсию оценок, которая отражена как вертикальные линии от точки («усы») срединного значения. Возможно, такие результаты были получены ввиду недостаточности данных.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень образования не влияет на оценивание билингвами уровня владения материнским языком.

1.2.2.6. Оценки уровня владения языком в соотношении с местом рождения/проживания билингвов

Для выявления обозначенных соотношений была проведена аналогичная серия статистических анализов. В анализ были включены данные о местах рождения и проживания респондентов, а также оценки уровня владения материнским языком 247 билингвами. Факторы места рождения и проживания, как было сказано ранее, интерпретировались в категориальных величинах, которые отображают вид места – городская или сельская местность. Предварительная оценка данных включала в себя удаление наблюдений участников, которые не дали оценок субъективного уровня оценивания материнского языка (7 наблюдений), а также тех, кто не указал своё место рождения (8 человек). В анализ вошли оценки 232 человек (для места рождения) и 240 человек (для места проживания).

Для оценивания различий между двумя группами (место рождения/оценивание уровня владения языком и место проживания/оценивание уровня владения языком) использовался критерий Манна – Уитни, результаты которого без разделения респондентов на группы по типу билингвизма представлены на рис. 11, 12.

На графике отчетливо видна разница между двумя группами: расстояние между медианами составляет около 0,5. При этом разброс оценок явно показывает, что группа билингвов, родившихся в сельской местности, оценивает свой уровень владения материнским языком выше. Ширина графика, демонстрирующая наибольшее скопление оценок, для группы родившихся в сельской местности респондентов находится в диапазоне 2,75–3,0, в то время как для группы билингвов, родившихся в городе, – 2,0–2,25. Результат анализа показал значение $p\text{-value} = 0,00$, что свидетельствует о наличии связи между местом рождения и субъективным уровнем владения материнским языком.

Средняя оценка субъективного уровня владения языком в зависимости от места рождения

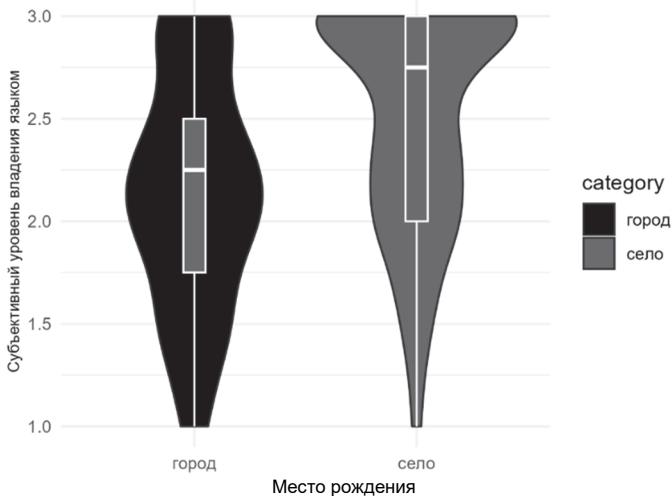

Рис. 11. Средняя оценка субъективного уровня владения языком в соотношении с местом рождения

Средняя оценка субъективного уровня владения языком в зависимости от места проживания

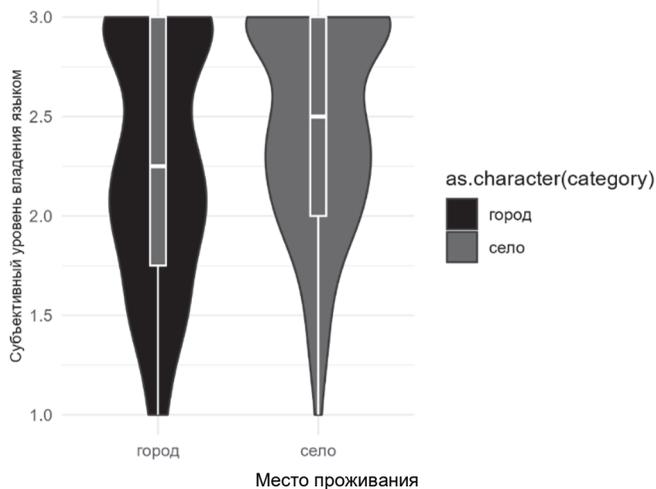

Рис. 12. Средняя оценка субъективного уровня владения языком в зависимости от места проживания

На данном графике прослеживается такая же тенденция, как и на предыдущем: срединное значение уровня владения языком для группы респондентов, родившихся в сельской местности, выше, однако разница между двумя медианами уже не столь велика и составляет примерно 0,25. В отличие от предыдущего графика, разброс оценок также более равномерный, выраженных «выпуклостей», демонстрирующих большое скопление оценок, не наблюдается. Результаты анализа показали значение $p\text{-value} = 0,01$, что также свидетельствует о связи между категорией места проживания и субъективным уровнем владения материнским языком.

Результаты анализа позволяют говорить о наличии связи между местом рождения/проживания и субъективным оцениванием уровня владения материнским языком. Для проверки силы данной связи был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена, результаты которого представлены в табл. 16.

Таблица 16

Результаты корреляционного анализа места рождения и места проживания и субъективного оценивания уровня владения материнским языком

Показатель	Общие оценки	Татарско-русские билингвы	Хакасско-русские билингвы	Шорско-русские билингвы
Место рождения	0,33	0,19	0,56	-0,1
Место проживания	0,16	0,11	0,29	-0,21

Результаты показали высокий уровень корреляционной связи между местом рождения и оцениванием уровня владения языком в группе хакасско-русских билингвов.

Далее взаимное действие факторов будет представлено в обобщающей модели языковой конкуренции в исследуемом регионе.

1.2.3. Модель языковой конкуренции в Южной Сибири¹

Вопрос конкурирования двух языков является одним из наиболее актуальных в регионах тесного языкового взаимодействия. Процессы, приводящие к исчезновению языков, значительно ускорились за последние два

¹ Этот аспект интерпретации языковой ситуации в Южной Сибири был представлен ранее в статье: *Артёменко Е.Д.* Русский язык в неславянском окружении: модель языковой конкуренции в регионах тесного языкового контактирования // Русин. 2023. № 71. С. 239–250.

столетия, и подобный тревожный темп исчезновения, как отмечается, является уникальным для нашего времени¹. Исследование основных предикторов указанного процесса в перспективе может позволить предсказать утрату билингвами миноритарного херитажного языка и, как следствие, предотвратить окончательный переход к монолингвизму.

Помимо естественной причины утраты языка, связанной с исчезновением этноса-носителя, исследователи традиционно выделяют целый ряд социально-экономических, политических и культурных факторов, которые могут быть определены как основные предикторы сокращения языкового разнообразия, приводящие к языковому сдвигу (*language shift*)². Отсутствие установленной и всеобъемлющей теории языкового сдвига и комплексность вызывающих его причин приводят к невозможности заранее определить исчерпывающий список психологических, социальных и культурных процессов или переменных, которые могли бы иметь универсальное значение для понимания сохранения языка или динамики языковой ситуации³.

Революционной в этом отношении стала работа Д. Абрамса и С. Стротага⁴, которые рассмотрели проблему языкового сдвига с математической точки зрения, предложив непротиворечивую модель конкуренции двух языков для объяснения исторических данных о сокращении языков, находящихся под угрозой исчезновения. В настоящее время в литературе насчитывается достаточное число теоретических моделей, математически предсказывающих результат языкового конкурирования в пользу неравновесной монолингвальной (*несбалансированного билингвизма*) или равновесной билингвальной ситуации, т.е. ситуации *сбалансированного билингвизма*.

Предсказываемая моделями языкового сдвига билингвальная ситуация обычно зависит от целой группы факторов, среди которых отмечаются:

---

¹ Grenoble L.A., Whaley L.J. Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization. Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 2006. 230 p.

² Otero-Espinar M., Seoane L., Nieto J. et al. An analytic solution of a model of language competition with bilingualism and interlinguistic similarity // Physica D Nonlinear Phenomena. 2013. № 264. P. 17. doi: 10.1016/j.physd.2013.08.011

³ Сорова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Язык и культура. 2010. № 4 (12). С. 44–56.

⁴ Abrams D.M., Strogatz S.H. Modeling the dynamics of language death // Nature. 2003. № 424. P. 900.

- подходящая форма популяционной динамики¹;
- географические факторы²;
- взаимная понятность и структурная схожесть языков в ситуации поддерживающей политики государства в пользу аддитивных языков³;
- демографические причины (рождаемость/смертность) и эмиграция⁴;
- умеренность истощения этноса и скорости, с которой дети двуязычных родителей воспитываются монопольными⁵;
- конкретная языковая политика, направленная на возрождение и защиту языков меньшинств⁶, и др.

Дискуссионным в теоретических моделях языковой конкуренции остаётся вопрос значимости *поведенческой и мотивационной сферы билингва* в процессе динамического развития языковой ситуации. Так, в модели Дж. Минетта и У.-Й. Ванга⁷ показано, что билингвы не оказывают влияния на динамику языковой ситуации в сторону монолингвальной. В теоретической модели И. Бэггса и Х. Фридмана⁸, наоборот, ключевая значимая роль в вероятности перехода каждого индивида от монолингвизма к билингвизму принадлежит мотивационной сфере билингва. Таким образом, сохранение равновесного билингвального сообщества возможно даже с

¹ *Baggs I., Freedman H.* A mathematical model for the dynamical interactions between a unilingual and bilingual population: Persistence versus extinction // *J. Math. Sociol.* 1990. № 16. P. 51. doi: 10.1080/0022250X.1990.9990078; *Pinasco J., Romanelli L.* Coexistence of languages is possible // *Physica A.* 2006. № 361. P. 355. doi: 10.1016/j.physa.2005.06.068

² *Patriarca M., Heinsalu E.* Influence of geography on language competition // *Physica A.* 2009. № 388. P. 174. doi: 10.1016/j.physa.2008.09.034

³ *Otero-Espinar M., Seoane L., Nieto J. et al.* An analytic solution of a model of language competition with bilingualism and interlinguistic similarity // *Physica D.* 2013. № 264. P. 17. doi: 10.1016/j.physd.2013.08.011

⁴ *Baggs I., Freedman H.* A mathematical model for the dynamical interactions between a unilingual and bilingual population: Persistence versus extinction // *J. Math. Sociol.* 1990. № 16. P. 51. doi: 10.1080/0022250X.1990.9990078

⁵ *Wyburn J., Hayward J.* The future of bilingualism: An application of the Baggs and Freedman model // *J. Math. Soc.* 2008. № 32 (4). P. 267–284. doi: 10.1080/00222500802352634

⁶ *Patriarca M., Leonard J.L.* The role of the bilinguals in language competition // *Advances in Complex Systems.* 2014. Vol. 17. № 01. P. 1450003. doi: 10.1142/S0219525914500039

⁷ *Minett J., Wang W.-Y.* Modelling endangered languages: The effects of bilingualism and social structure // *Lingua.* 2008. № 118. 19 p. doi: 10.1016/j.lingua.2007.04.001

⁸ *Baggs I., Freedman H.* Can the speakers of a dominated language survive as unilinguals – a mathematical-model of bilingualism // *Math. Comput. Model.* 1993. № 18. 9 p. doi: 10.1016/0895-7177(93)90122-F

учетом влияния институциональных и социально-демографических факторов. В модели Е. Хейнсалю и М. Патриарки¹ отмечается важность реального языкового статуса билингвов: для сохранения билингвальной языковой ситуации они должны рассматриваться монолингвами как носители другого языка. Кроме того, переход от билингвов к монолингвам должен быть меньше, чем обратный переход.

Однако объяснительная способность и, соответственно, потенциальная практическая применимость названных моделей ограничены в том числе положенным в их основу социолингвистическим материалом. Важной отличительной особенностью анализируемой нами языковой ситуации является то, что билингвальные носители миноритарных языков в настоящее время находятся в условиях поликультурного социума, в котором русский язык имеет статус государственного языка Российской Федерации, становясь, таким образом, языком-макропосредником и единственно возможным языком институционального общения. Таким образом, создание равновесной билингвальной ситуации потенциально невозможно в рамках указанной языковой ситуации, поэтому модель должна строиться с учетом указанных особенностей.

Мы предположили, что на активный статус миноритарного языка в анализируемом билингвальном сообществе оказывают влияние *социодемографические*, в том числе *институциональные и социокультурные факторы*, а также *группа мотивационных факторов*, анализ влияния которых был представлен ранее в монографии.

В данном подпараграфе представлен опыт выявления наиболее значимых предикторов динамики языковой ситуации в регионах близкого языкового контактирования на территории Южной Сибири на материале данных базы данных БД RuTurkSocLing.

Для выявления наиболее значимых предикторов динамики языковой ситуации в регионах близкого языкового контактирования на территории Южной Сибири использовались следующие ключевые факторы:

– *социодемографическая группа факторов*, включающая такие показатели, как возраст билингва (полное количество лет на момент анкетирования), место его рождения (сельская местность или город), место проживания в детстве и в настоящее время (сельская местность или город);

---

¹ Hiensalu E., Patriarca M., Leonard J.L. The role of the bilinguals in language competition // *Advances in Complex Systems*. 2014. Vol. 17, № 01. P. 1450003. doi: 10.1142/S0219525914500039

– *социокультурная группа факторов* (предпочитаемый язык совершения обрядов, исполнения песен (в том числе слушал ли участник песни на родном языке);

– *группа мотивационных факторов*, включающая субъективно оцениваемые билингвами интенции использования каждого из языков в настоящее время.

Как отмечено выше, особенностью анализируемой билингвальной ситуации является потенциальная невозможность состояния равновесности из-за статуса мажоритарного русского языка, обуславливающего его функциональную и институциональную привилегированность. Поэтому в качестве оценки мотивации использования языка были выбраны вопросы: (1) *Люблю говорить на этом языке*, (2) *Важно говорить на этом языке*, (3) *Хотел(а) бы, чтобы мои дети/внуки владели этим языком* (учитывались группы ответов: на миноритарном, на мажоритарном, на обоих).

В анализе данных использовались смешанные линейные модели с контролем кластеризации ответов, связанных со случайными факторами респондентов (пакет lme4), в среде R для статистических вычислений. Предложенная модель и полученные результаты позволяют выявить наиболее значимые предикторы динамики языковой ситуации в условиях конкуренции языков на территории территории Южной Сибири.

В качестве зависимой переменной оценивался субъективно оцениваемый билингвами уровень владения (понимания, говорения, чтения) родным миноритарным языком на момент анкетирования (1 – не владеет, 2 – владеет плохо/хуже, чем русским языком, 3 – владеет хорошо/наравне с русским языком).

Результаты анализа представлены в табл. 17.

Для контроля в модель вводился фактор типа языка (шорский – хакасский – сибирский диалект татарского). Болдом выделены значимые эффекты ($t\text{-value} > |2.0|$), R^2 : 0,278.

Результаты демонстрируют, что наиболее влиятельными факторами, обеспечивающими высокое владение билингвами родным миноритарным языком в условиях языковой конкуренции, являются *социодемографические факторы*: опыт дошкольного проживания (в селе или в городе) ($Z = 2,289$, $p < 0,01$) и место проживания в настоящее время ($Z = 2,891$, $p < 0,01$). При этом фактор возраста оказывается незначимым, так же как и группа *социокультурных факторов* (язык обрядов и песен).

Подобный результат может быть объяснён тем, что места компактного проживания анализируемых этносов часто (но не всегда) располагаются в

сельской местности, из-за чего рождение и опыт дошкольного проживания в селе обуславливают и активный статус родного языка в определенный период жизни.

Таблица 17

Размеры эффектов, стандартные ошибки и t-статистики

Анализируемые предикторы	Оценки	Ст. ошибка	t-статистика
(Intercept)	2,958871	0,445631	6,640
Возраст	0,002345	0,002398	0,978
Место проживания (сельская местность)	0,204035	0,089131	2,289
Место дошкольного проживания (сельская местность)	0,264940	0,091656	2,891
Образование (оконченное среднее)	-0,275788	0,212338	-1,299
Образование (оконченное высшее)	-0,170834	0,185356	-0,922
Образование (неоконченное высшее)	-0,020543	0,253865	-0,081
Образование (среднее специальное)	-0,171316	0,186461	-0,919
Предпочитаемый язык совершения обрядов (тюркский)	-0,500692	0,354975	-1,411
Интенция к использованию русского языка	-0,392606	0,138152	-2,842

Вероятнее всего, участники, родившиеся в сельской местности и проживавшие там же до поступления в школу, использовали родной язык активно в повседневном общении. Это же подтверждается и результатами качественного исследования расшифровок анкет и данными бимодального корпуса речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC, представленными в предыдущих публикациях¹, а также в параграфе 1.3 данной монографии.

Мотивационные прагматические факторы, наоборот, приводят к угасанию родного миноритарного языка ($Z = -2,842$, $p < 0,01$). Билингвы подчеркивают, что их собственная интенция использовать русский язык выше, чем интенция использовать родной язык. Этот фактор способствует

¹Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и рускотатарское языковое взаимодействие)...; Резанова З.И., Темникова И.Г., Артёмов Е.Д. и др. Бимодальный корпус речи русско-тюркских билингвов (RuTuBiC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2019. № 18. С. 200–210.

направлению динамики развития языковой ситуации в сторону моноязычия.

Нужно отметить несколько существенных ограничений нашего исследования. Во-первых, использованный инструментарий оценки не предусматривает объективного измерения уровня владения билингвами родным языком, поэтому в своем анализе мы основываемся только на субъективных оценках билингвами уровня собственного владения родными миноритарными языками.

Во-вторых, в модели не учтены некоторые факторы, которые, предположительно, оказывают существенно важный эффект на динамику языковой ситуации, в частности, группа институциональных факторов, включающая язык обучения в школе, наличие поддерживающей политики государства, направленной на сохранение языков малых этнических групп, возможность изучать родной язык в местах культурных объединений или в школе/университете и др. О некоторых из них (например, о поддерживающей политике государства) у нас нет сведений, другие связаны с не поддающимися количественной оценке характеристиками анализируемой языковой ситуации, о которых речь пойдет ниже.

Безусловно, динамика тюркско-русской языковой ситуации малых этносов Южной Сибири, касающаяся, в частности, хакасского и шорского языков и сибирского диалекта татарского языка, находится под влиянием не только социодемографических и мотивационных факторов, но также испытывает на себе большое влияние функционально более престижного русского языка, обладающего статусом языка-макропосредника общения в Российской Федерации.

Однако данная характеристика является неотъемлемой для анализируемой языковой ситуации и потенциально не может быть изменена. При этом основная прикладная задача проведенного анализа – выявить группу предикторов, влияющих на динамику билингвальной языковой ситуации в сторону монолингвальной, т.е. приводящих к истощению и последующему исчезновению билингвального сообщества, его трансформации в монолингвальное.

В связи с этим нам представляется важным включить в модель те факторы, которые могут лечь в основу практических рекомендаций, способных предотвратить исчезновение миноритарных языков.

Таким образом, мы получили значимые результаты для группы *социодемографических факторов*, в частности, опыте дошкольного проживания в селе.

На наш взгляд, ключевым выводом, который можно сделать из результатов, полученных по этой группе факторов, является следующий: дошкольное изучение и активный статус родного миноритарного языка в этот период могут стать сильным предиктором сохранения языка у билингва во взрослой жизни.

Другим важным фактором сохранения языка этнических меньшинств является *мотивационная сфера билингва-носителя*. Если мажоритарный язык окажется не только функционально более престижным, но и мотивационно, динамика языковой ситуации будет стремиться к угасанию миноритарного языка.

1.3. Языковые ситуации в Южной Сибири в восприятии шорско-русских билингвов (по материалам Корпуса русской устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC)

Ответы респондентов на вопросы формализованных интервью хорошо структурируются и позволяют представить модель языковой конкуренции в регионе с опорой на статистический анализ. Однако не менее важным считаем проведение углубленного филологического и культурологического анализа развернутых высказываний жителей региона, носителей херитажного билингвизма, реализующих коммуникативные потребности в условиях несбалансированных языковых ситуаций. Как отмечалось, такие высказывания зафиксированы в Корпусе русской устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC, сформированном на собранных в экспедициях записях спонтанной устной русской речи билингвов, формализованных и полужформализованных интервью и, что важно, свободных бесед на разные темы.

Основной корпус¹ является морфологически размеченным, его материалы могут служить источником широкого спектра как собственно лингвистических, так и лингвокультурологических и социолингвистических исследований. В данном параграфе мы опираемся на ресурс корпуса, чтобы более полно представить палитру рефлексий носителей херитажного билингвизма своих родных языков, их соотношений с функционально доминирующим языком, соотношения родного языка и культуры, родного языка и социума в его различных аспектах.

---

¹ В настоящее время объем основного корпуса: синхронизированные с аудиофайлами тексты – более 442 часов звучания, 2 611 472 словоупотребления.

В параграфе анализ развернутых метаязыковых и метакультурных рефлексий представлен на материале подкорпуса записей речи шорско-русских билингвов. Обращение к этому варианту рефлексивных практик носителей херитажного билингвизма представляется особенно важным, так как из трёх языков региона, анализируемых в нашем проекте, этот язык находится в наиболее сложной ситуации, характеризуется наименьшей степенью демографической и коммуникативной мощности, как следствие – жизнеспособности.

Прежде чем перейти к анализу, кратко охарактеризуем те типологические характеристики корпуса, которые важны для нашего анализа¹.

Наиболее значимый для определения специфики корпуса RuTuViC типологически релевантный признак – это тип соотношения языков, используемых автором текстов при их порождении (родной язык vs второй, освоенный). По данному основанию корпуса делятся на представляющие тексты носителей языка, к которым относится абсолютное большинство создаваемых корпусов, и так называемые корпуса второго языка, которые являются собранием «текстов не носителей языка». К последней группе относят учебные корпуса, корпуса билингвов и корпуса лингва франка². Название «тексты не носителей языка» актуализирует в качестве основного признака характеристику субъекта текстопорождения: это тексты, которые порождаются билингвами с разным соотношением материнского и изучаемого, освоенного языка. Например, в составе русскоязычных корпусов этого типа русский язык может быть материнским, испытывающим влияние других (другого) языков при эмиграции, это так называемые корпуса текстов эритажных (херитажных) носителей языка, и вторым, изучаемым языком, как, например, в учебных корпусах (Русский учебный корпус, RLC – <http://web-corpora.net/RLC>).

В RuTuViC собраны материалы устной коммуникации билингвов, для которых русский является вторым, усваиваемым в естественной среде его

---

¹ Типологические характеристики корпуса были ранее представлены в публикациях: *Резанова З.И.* Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири : типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118. doi: 10.17223/22274200/11/7; *Temnikova I.G., Rezanova Z.I., Artemenko E.D., Stepanenko A.A., Datsyuk V.V., Dybo A.V.* The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuViC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2019), Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г. Вып. 18. М., 2019. С. 200–210.

² *Kononov M.* Введение в корпусную лингвистику. Прага : Animedia Company, 2014. С. 103–107.

доминирования. Случаи обратного соотношения в доминировании языков, отраженные в корпусе, немногочисленны.

Следующий важный признак: корпус RuTuVic является собранием современных устных текстов, отбор которых проводится с ограничением по локальному принципу – авторы текстов являются носителями локального варианта русского языка, как литературной, так и нелитературной (диалектной, просторечной) форм. Подчеркнем фиксацию регионального характера собираемых текстов, так как полагаем, что тип языкового контактирования может отражать аспекты диалектного взаимовлияния, например, сибирского варианта татарского языка и среднеобских говоров русского языка. См. анализ языковых эффектов такого контактирования в исследовании О.И. Гордеевой¹. Более подробно значимость этого признака корпуса будет обсуждаться во второй главе монографии.

Создаваемый корпус устной речи, естественно, не может охватить всю палитру дискурсивных и жанровых форм коммуникации. Дискурсивное, жанровое и тематическое ограничение текстов определяется преимущественным типом сбора материала – в практике интервьюирования, бесед собирателей текстов с информантами.

1.3.1. Образ шорского языка в дискурсах этнокультурного и этноязыкового самоопределения шорцев

В предыдущем параграфе был проведен анализ метаязыковых рефлексий наших респондентов-билингвов, представленных в ответах на вопросы анкеты. Это так называемая стимулированная метаязыковая рефлексия. Как было отмечено, в данном параграфе мы приводим результаты анализа развернутых рассуждений респондентов, с одной стороны, также стимулированных вопросами анкеты, но, с другой стороны, представленных в свободных беседах, которые, однако, протекают в условиях общей направленности разговоров на тематику национальной культуры и языка. Мы фокусируемся на высказываниях о языке современных шорцев в аспекте их направленности на определение этноязыковой идентичности. Исследования дискурсов межэтнических, межкультурных, как следствие – межязыковых отношений, как представляется, не утратят своей актуаль-

---

¹ Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965а. 239 л.

ности, пока этническая идентичность будет входить в сознание современного человека наряду с другими социальными самоидентификациями – гендерной, профессиональной, субкультурной и подобными, влияя на модели его многоаспектной социальной реализации.

Разделяя положения современного критического дискурс-анализа о глубинной внутренней переплетенности социальных и дискурсивных практик¹, согласимся и с мнением о том, что «решающим в проявлении этнической идентичности (этничности) выступает... не набор вещественных признаков (фенотипические характеристики, язык, культурные особенности, религия), а то значение, которым эти признаки нагружаются в процессе социальной коммуникации»². Дискурсивная актуализация идентичности может опираться на систему неосознанных предпочтений и выборов, сформированных на протяжении жизни в системах социальных групп, но в то же время стимулировать ее осознание, что позволяет определить идентичность как «осознанное принятие на себя индивидом социальных норм, правил, культурных реалий и других характеристик, позволяющее ему воспринимать себя в качестве члена той или иной общности и отличать от представителей других групп»³.

Современный человек, пребывая в среде многослойных и разнонаправленных социальных коммуникаций, испытывает все усиливающееся воздействие манипулятивных стратегий институциональных дискурсов с их внутренней поливариантностью и пересечениями, в пространстве которых все большее значение приобретают гибридные структуры современной медиакommunikации⁴. Однако, как представляется, такого рода исследования могут получить существенное дополнение в работах другого типа, об-

---

¹ Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge, U.K. : Polity Press. 1992. 64 p.

² Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль. С. 78. URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/41_Novaya_filosofskay

³ Куруленко Э.А., Нефёдова Д.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующей реальности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2015. Т. 17, № 1. С. 231.

⁴ Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. Коммуникативно-языковые механизмы формирования этнокультурной идентичности в дискурсивном пространстве Интернета // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 5–15; Резанова З.И. Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 33–41.

ращенных к изучению персональных и институциональных дискурсов человека, в среде которых человек проживает значительную часть своей жизни и следы которых он никогда не транслирует в коммуникационные пространства социальных сетей. Такого рода дискурсы могут быть выявлены и описаны в ходе специальных полевых исследований, базирующихся на практиках стимулирования дискурса идентичности интервьюером, что и представлено в нашем исследовании.

Проведение полевых исследований и последующий анализ записанных бесед позволили зафиксировать результаты не только перемещения шорского языка во второй половине XX в. в сферу домашнего и дружеского общения, но и проявления деструктивных тенденций и в этих сферах коммуникации в конце прошлого и начале нового XXI в.: язык поддерживается в семейном и дружеском общении, как правило, членами семьи старшего поколения (70–80-летними бабушками и дедушками). Однако данным разрушительным факторам противостоят частные аспекты языковой политики в регионе, где реализуются традиционные способы актуализации этнокультурной идентичности, ведущим среди которых является стимулирование использования языка в сфере культуры и дополнительного образования. Как было отмечено в ряде публикаций и в первом параграфе главы, современные шорцы имеют возможность актуализировать и транслировать свою языковую и культурную идентичность: действуют культурные сообщества, ансамбли народного творчества, центры культуры, музеи, телевизионные передачи на шорском языке, в том числе адресованные детям (например, переводные мультфильмы на шорском языке).

Значительным фактором, способствующим повышению национального самосознания, является и интерес мирового научного сообщества к шорскому языку и культуре. В исследовательскую экспедиционную работу шорцы вовлекаются и как информанты, и как активные аналитики, занимающиеся изучением и сохранением своей культуры и языка. Многие из наших собеседников были участниками народных коллективов, общественных организаций, для которых дискурсы национального самоопределения могут быть охарактеризованы как среда их повседневного существования, а обсуждаемые в интервью или в свободных беседах вопросы нередко были глубоко и разносторонне отрефлексированы нашими респондентами.

Размышления носителей языка о разных аспектах существования своего языка, речи, языковых единиц, используемых в процессе коммуника-

ции, относятся к сфере языкового сознания. В структуре языкового сознания исследователи выделяют глубинный, контролирующий уровень – «автоматизированные действия говорящего при порождении речи» – и уровень поверхностный, метаязыкового сознания, который «находит выражение в рефлексии говорящего по поводу языковой организации, в суждениях индивида о языке, о собственных речевых тактиках и т.д.»¹. Ссылаясь на работы А.Н. и А.А. Леонтьевых, разграничивающих «четыре уровня осознаваемости речепроизводства: актуальное осознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознаваемое, между которыми постоянное реализуются взаимодействия», А.А. Залевская замечает, что «на уровень актуального сознания может поступать только ограниченное число единиц... осознаваемое как вершина, или пик огромного айсберга, который опирается на массивную платформу того, что за пределами актуализируемого обеспечивает его осмысление»².

Поддерживая это положение, отметим, что обращение к данным метаязыкового сознания в нашем проекте интерпретируется как фрагмент построения интегративных моделей сложно структурированного языкового сознания билингва, вариации функционирования которого определяются множеством факторов. Весьма важным для понимания соотношения разных уровней языкового сознания является сравнение результатов экспериментов, выстраиваемых на одном и том же материале с использованием разных методик: 1) актуализирующих осознанное оценочное отношение носителей языка к единицам языка; 2) построенных на выведении исследуемых единиц из сферы актуального внимания респондента. Результаты сравнительного анализа уровней языкового сознания билингов, актуализованных на основе применения экспериментальных методик, будут представлены во второй части монографии.

Далее охарактеризованы непосредственные речевые практики, спонтанная речь носителей языка в разных дискурсивных, жанровых реализациях как среда актуализации метаязыкового сознания.

Конкретным материалом анализа послужили записи 24 направленных интервью и свободных бесед с жителями, осознающими свою этническую

---

¹ Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвузовский сборник научных статей / отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 49–57.

² Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 30–34.

принадлежность как шорскую, в полевых исследованиях, проведенных в 2017–2019 гг. в Горной Шории: записи бесед с 19 респондентами (общий объем звучания – более 26 часов, возраст респондентов – от 32 до 81 года). Уровень образования наших собеседников разных возрастов варьируется от начального до высшего, в том числе филологического со специализацией в области шорского языка и литературы.

В нашем материале представлены метаязыковые рефлексии, возникающие в двух типах дискурсов. Во-первых, в анализ были включены рефлексии, стимулированные общей направленностью беседы на анализ условий функционирования языка, его освоения. Однако в интервью не содержались вопросы о структуре языка, такие вопросы могли возникнуть только как уточняющие. Отметим, что в анализ не включались ответы респондентов на прямые вопросы о знании языков самим респондентом и членами семьи по восходящей и нисходящей линии, об их использовании, об оценках качеств родного и приобретенного языка, которые анализировались во втором параграфе данной главы.

Во-вторых, анализировались метаязыковые рефлексии, отмеченные в контекстах бесед на разные темы, не связанные с языком. Рассуждения о языке могли возникать спонтанно в беседах на темы детства, семейной жизни, отношений с соседями, традиционной духовной и материальной культуры, социальных аспектов языкового существования шорцев на протяжении более чем полувековой истории – с 1930-х гг. по настоящее время.

Вначале мы прослеживаем динамику прорисовывания образа шорского языка в дискурсах этнокультурного и этноязыкового самоопределения шорцев разных поколений и изменение положения шорского языка в несбалансированной языковой ситуации в регионе, начиная с 1930-х гг. Затем характеризуем конкретные аспекты шорского языка, попадающие в сферу метаязыковых рефлексий, и как продолжение – аспектов шорской культуры.

Первый вариант языковой ситуации, которая прорисовывается в совокупности размышлений наших респондентов о судьбах шорского языка, может быть охарактеризован как несбалансированная языковая ситуация, формируемая функциональным распределением шорского и русского языков, которая в личной проекции представлена *в варианте шорско-русского раннего естественного билингвизма*.

Как было отмечено ранее, нашими собеседниками были шорцы разных возрастов, при этом все они отмечают активное сокращение не только сфер социальной коммуникации, но и, что гораздо более показательно, –

активности использования шорского языка в семейном общении. Рассуждения наших собеседников о временных границах и социальных условиях деструктивных процессов в системе шорской коммуникации также подтверждают выводы, полученные на основе анализа анкетных данных, о трех возрастных группах шорцев, имеющих существенные различия в языковом опыте: первая – до 35–40 лет, вторая – от 40 до 65 лет, третья – от 65 и старше. На протяжении жизни нескольких поколений шорцев произошло принципиальное изменение в положении шорского языка в билингвальной паре от шорско-русского билингвизма к русско-шорскому, при котором этнический язык является вторым, изучаемым.

Ситуация шорской *монолингвальной* коммуникации упоминается собеседниками как возможная в речевой практике дедов представителей третьей возрастной группы, современных 70–80-летних шорцев. Современные 70–80-летние, отчасти 60-летние шорцы, могут быть охарактеризованы как ранние шорско-русские билингвы. В языковой паре этнический язык был первым, функционирующим как бытовой, семейный. Наш шестидесятипятилетний собеседник вспоминает: *Вот, с бабушкой токо на шорском. Там никакого русского, и то... ну, она, ну, скорее всего, мож, понимала, но не говорила. – Э-э-э, с родителями? – На шорском. На шорском тока. Потому шо как эт, с, со старшим не будешь же разговаривать, например, пришёл и по-русски давай, это, чесать?* (В.П., с., 3).

Практически все информанты, жившие в детстве в деревнях, вспоминают, что либо совсем не говорили до школы на русском языке, либо владели им в незначительной степени, что естественным способом предопределяло трудности в обучении, которое велось уже только на русском языке: *И вот, по-русски не меем говорить. Учительница учит, грыт, вы, девочки, туда будете ходить и их учить. Вот они приходили и с нами разговаривали. Вот так выросли. А потом школа перевели, а учительница, Клавь Степанна, карандашом писала контрольная, диктант. Мы только обводили, она сама раздаст* (В.С., н-с., 3); *Э. пошла в школу... мм с семи лет... э-э. Шорский язык знала... э-э... хорошо... ну я... э русский не знала. Када в школу я приехала в поселок... русский не знала, училася, вот мне надо было, я в феврале приехала, когда мне шесть лет исполнилося... и мне надо было выучить до сентября месяца... мм... русский язык* (В.Ф., с., 2).

По воспоминаниям наших собеседников, своеобразным водоразделом в функционировании шорского языка стал 1939 г., когда язык утратил статус официального регионального и переместился из позиции языка преподавания в позицию второго изучаемого языка: *Поначалу-то в деревнях как*

бы преподавали на шорском. Ну, как говорили, что язык очень тяжёлый был, ну, это, и... Вот, и они хотели сделать автономию, поехали в Москву. Вот, поехали в Москву. И потом этих людей, они пропали без вести. (Г.П., с., 3); В 39 году ликвидирован был шорский язык, и все учебники, всё изолировано было, и поэтому... [И] – Запретили¹? [Р] – Да, не было вообще (Е.Н., в., 2).

Результатом этих социальных процессов стало вытеснение родного языка в сферу устной бытовой семейной и дружеской коммуникации, несформированность навыков письменного общения, которое формируется в практике школьного преподавания. Вспоминая своих родителей (...они хорошо знали шорский язык, то есть дома на шорском разговаривали), наша респондентка говорит: *Я поэтому такой, бытовой [знаю], потому что уже не пришлось учиться в школе на шорском языке. Хотя вот раньше обучали, а уже мне не досталось (М.А., в., 2).*

Наши собеседники отмечали, что их родители принимали решение отказать от родного языка и в семейном общении для повышения уровня владения русским языком в школе, что, в свою очередь, развивается как основа успехов в обучении, в процессах социализации вообще: *Вот я от них-то и научилась [от родителей – шорскому языку], хотя им сказали меня не учить, потому что у меня сестра старшая пошла в школу, вообще русский не знала, она тока на шорском говорила. Мне... мне сказали... и учительница сказала: «Зою не учите» (З.И., с., 2); И дома, и везде, и мама, и папа, они, это, говорили только на шорском языке. А с нами, я говорю вот, в школе эти, учителя родителям говорили, чтоб не разговаривали дома, чтобы. Боялись, что мы не сможем учиться, если будем разговаривать на шорском языке, то есть потом уже русским будем плохо обладать, и не сможем учиться (Г.П., с., 3).*

Функциональное сужение шорского языка мотивировалось и бытовым национализмом: *Может быть, было когда время же и запрещали, и как-то стеснялись, а потом... ну, вот моя тетя, ей сколько, пятьдесят, наверно, сорок девять лет, это вот она рассказывала, как в молодости она училась в Новокузнецке, не знаю, она говорит, такой национализм был, и русские там и обзывались, и как-то, говорит, мы стеснялись общаться... (Н.П., в., 2). Еще более эмоциональное отношение к этому выражает другая собеседница: *А вот это, ну как-то, почему-то презирали. А почему, не знаю. Ну чё тут такого, ну и что, что я шорка? Ну и что?**

---

¹ Здесь и далее в диалогических фрагментах курсивом выделяются реплики только респондентов.

Ну чё тут такого? Вы-то, остальные-то все приезжие. Это же считай, что это моя Родина, здесь родилась (В.В., с., 2).

Таким образом, прежде всего перевод школьного образования на русский язык послужил причиной формирования социально и культурно обусловленного шорско-русского двуязычия с функциональным разделением на бытовое/социальное общение.

И в дальнейшем традиция семейного общения на шорском языке поддерживалась преимущественно, но не исключительно, по линии восходящего родства: [Р] – *Бабушка всегда мне говорила: «Так! Говори... на своем языке», – она говорила. И поэтому там хочешь – не хочешь, а говорила.* [И] – А с родителями тоже, получается, по-шорски? [Р] – *Да, да.* [И] – С дядями, тетями? [Р] – *Ну, где русский, где шорский. Там вот так, смешанно, так сказать.* [И] – С братьями, сестрами? [Р] – *Ну, они у меня... Брат у меня на шорском. Он и любит тока на шорском* (З.И., с., 2).

Охарактеризованные процессы, проходившие в 40–60-е гг. XX в. прошлого столетия, привели к тому, что большинство шорцев среднего поколения (40–65-летних) осуществляли на протяжении жизни своеобразный дрейф от раннего шорско-русского билингвизма к русско-шорскому через закрепление за шорским позиции херитажного языка, функциональность которого ослаблена: *Время, время, это, язык уходит, потому что, да, эта, эта единицы сейчас вот... вот это поколение тридцатых, сороковых годов, оно еще знают, а вот ну примерно до семьдесят третьего года... а вот после семьдесят третьего, ну, максимально до семьдесят седьмого года, еще могут понимать. Некоторые еще отдельные слова говорят, разговаривают, а, а после семьдесят седьмого, восемьдесят девятый год – они уже почти вот не понимают языка, даже люди, которые, это, с сорок первого, с сорок второго года уже полностью, это перешли... на русский язык* (С.Г., в., 2). Эти общие рассуждения о ситуации дополняет собеседница, вспоминая собственный семейный языковой опыт того времени: *Ну, в семье родители с нами общались на русском языке, а родители между собой и среди своих родственников общались на шорском языке. Может быть, из-за этого я знаю. Бабушки приезжали, тоже они как бы общались на шорском языке. То есть я как бы их разговорную речь понимала... ну не заставляли же нас разговаривать.* [И] – Они к Вам обращались по-русски? [Р] – *Да даже по-шорски обращались, мы на русском языке отвечали* (Н.П., в., 2). Характеризуя современную ситуацию, собеседники отмечали маргинальность общения на шорском языке и называли прежде всего 80-летних в качестве образцовых носителей шорского языка:

Последнее время поймал себя на мысли о том, что эта я стал многие слова шорские забывать, а а общаться не с кем, это вот, и вообще по городу, если по... пойдешь, эта, то с носителя языка редко где встретишь... вот когда встретишь таких людей, которых это на шорском языке разговаривают, вот тогда, это, у меня начинается э пир (М.Н., н., 3); Родственники там рядом вон живут, знакомые тоже, в нашем, где я живу, дворов шесть-семь, наверное, шорцев вон живет. Там одна бабушка, тетя Аня, она тоже по-шорски, это, хорошо говорит, этот. [И] – А сколько ей лет? [Р] – Так, ей, наверно, за восемьсят (Г.М., с., 2).

Яркой чертой функциональной несбалансированности является дискурсивная и тематическая ограниченность общения шорцев на материнском языке. Так, на вопрос о темах семейного общения наш информант отвечает: *По-шорски обычно чисто бытовые, нэ. Ну, чё сделать, куда сходить и... чё варить, чё варить будем, какую работу сделать, эт (В.П., с., 3).*

В качестве значимого проявления функциональной несбалансированности отмечается существование современного шорского языка в сфере устной бытовой коммуникации. Так, например, наша собеседница, замечая, что владеет шорским языком с рождения (*Ну с... с рождества, как говорится! С рождения*), – подчеркивает, что практически не читала на шорском: *Мы не читали. Всё на русском. У нас в школе, в школе не преподавали (Л.А., с., 2).* По свидетельству наших информантов, навыки чтения и письма формировались позже, иногда значительно более поздно, нежели на русском языке: *О, это, читать я начал тока с восьмого класса на шорском, потому что... – Там четырнадцать-пятнадцать? – Да-да. Дело в том, что у нас было как, появилось э-э после восьмидесят пятого года, там пошел дух возрождения шорского народа (С.Г., в., 2); [И] – Примерно сколько Вам лет было, когда Вы начали читать? [Р] – Таак... Примерно, этот, так... Наверно, тридцать лет, вот. Я в центр пришла работать в тридцать шесть мне было лет (Г.М., с., 2).* И впоследствии чтение на шорском занимает весьма периферийное место в системе коммуникации наших респондентов: *А не читали! Ну, читать-то могу, конечно. Где... её, нету литературы-то шорской (М.Н., н., 3); [И] – А читать по-шорски когда начали? [Р] – Ну, вот читать, конечно, уже вот в... после, наверно, двадцати пяти, да, после двадцати пяти осознанно я как бы это, было только разговорная, такая языковая речь (Е.Н., в., 2).*

Также и письмо на шорском осмысливается скорее как потенциальная возможность, нежели реальный тип коммуникации: *На шорский яз... этот... шорское слово-то могу написать, но... а буквы-то будут русские*

всё равно. [И] – Ну, Вы же по-шорски всё равно пишете? [Р] – А, ну, слова-то буд... шор, этот... – Шорские. – Понимание-то шорское будет (М.Н., н., 3); [И] – И пишете... не пишете, да, на шорском? [Р] – Нее... у нас, этот, нет. Писанины, по-моему... А, нет, вообще-то, это, пишут же на шорском, этот вот, книги, эти, этот вот. Раньше, по-моему, в газете печатали даже (Г.М., с., 2).

В условиях, когда практически отсутствует жизненная необходимость владения навыками чтения и письма на шорском, в большинстве случаев эта деятельность определяется только личными мотивациями. Навыки обретаются в системе самообучения, успеху на этом пути способствует совпадение основной части графической системы русского и шорского языков, а препятствием – наличие дополнительных начертательных вариантов графем, отражающих особенности шорской фонетики: *А когда взялась читать, то есть там есть бывает шорские буквы, если там не поставлен н или с хвостиком произношение на шорском, то не понятно, о чем там написано, а вот уже стала сама работать, читать, конечно, мне уже стало это все понятно, это надо прочесть, посмотреть, осмыслить (Р.С., в., 3).*

Еще одним осложняющим моментом в овладении навыками чтения, по мнению наших респондентов, является диалектное варьирование шорского языка. Письмо может отражать фонетико-фонологическую структуру одного из диалектов, что затрудняет чтение, а расхождения в лексических составах – понимание смысла написанного текста носителем другой диалектной формы шорского языка: *А Вы читаете на шорском языке книги? – Читать... да, я, э, вот, читаю я, вот, раньше Максим Никитич, вот ещё, писал «Красную Шорию»... я спокойно читал. А вот, ээ, верхмрацкие щас, ээ, перешили же на верх... ээ, мрасский как бы говор. Э, я его, мне надо его прочитать два-три раза, нэ. Шобы, ээ... Сложновато. Но, ф-ф, понятия. Вот, в общем, мы говорим, тут так разговариваем, а чилису-анзаские и верхмрасские, они маленько по-другому, нэ. Ээ, ну... ну (В.П., с., 3).*

Таким образом, дети современных 60-летних, рожденные в 70–80-е гг. и позже, начали свое языковое существование уже в русской языковой среде. Приведем фрагмент беседы, содержательный аспект которой является типичным: *[И] – А вот если мы вот про семью тоже будем говорить, то получается, что, вот когда дети появились, вы с ними стали на русском говорить? [Р] – Вот тоже вот русская такая среда была в семье. [И] – Да? Это, вот, с какого примерно времени? [Р] – Ну я всё... в семьдесят*

шестом первого родила, но как-то всё равно на русском, всё время на русском говорили (Н.Н., с., 2). И вследствие этого, идентифицируя себя как шорцев, в качестве родного наши собеседники обозначают русский язык. Так, отвечая на вопрос о родном языке отца, наша собеседница 36 лет, отмечает, что отец говорил на кумандинском диалекте шорского языка, а затем его переучили на русский, и далее продолжает: *«Я, получается, полностью родилась уже на русском языке. ...Ну, получается, у меня русский язык родной... Да. А шорский язык, вот, поступила когда... [в институт] так вот... учила»* (Т.А., в., 1).

У молодых шорцев и многих шорцев среднего поколения преобладающим является уже русско-шорский билингвизм, при котором русский язык является первым материнским языком, а шорский – вторым, изучаемым. Так, например, на наш вопрос о владении шорским языком 40-летняя информантка отмечает, что понимает шорский, но не говорит на нем и изучала его в период обучения в Новокузнецком педагогическом институте: *На... на шорском языке нет, но эти девочки помогали, допустим, перевести какой-то текст или составить какое-то предложение, соблюдая грамматику шорского языка.* [И] – Да, да, да, и вот Вы на занятиях, вот там, как латинский язык, как английский язык, Вы его так же изучали, да? [Р] – Да, да. [И] – И отвечали, переводили? [Р] – Да, читали, переводили, записывали, заучивали слова, изучали грамматику, составляли там предложения согласно вот грамматике шорского языка (Н.П., в., 2). Изучение шорского языка как неродного в настоящее время характерно и для преподавания на факультативных курсах в школах, в кружках центров шорской культуры: *Здесь, в интернате, с девяностых годов начали вести уроки. Они были как, как уроки, как иностранный язык введён три часа в неделю, а потом постепенно, постепенно, щас во внеурочку... перевели* (Н.П., в., 2).

И преподаватели осознают эти новые позиции изучаемого шорского языка в современных школах, необходимость подготовки новых учебников, ориентированных на неносителей шорского языка как родного: [И] – Ну, вот они есть, да, то есть вот учебники, словари..? [Р] – Это... это... это в основном старые учебники, это ориентированы, это девяносто, начало двухтысячных, это ориентировано на детей, которые владеют родным языком, а надо щас уже переменять (Т.А., в., 1).

У данной группы респондентов функциональная несбалансированность может быть охарактеризована как прямо противоположная по отношению предыдущей группе: в практике обучения в школах, в центрах

культуры, в институте письменная коммуникация занимает ведущее положение: [И] – А читать, писать на шорском у вас как? [Р] – Да, ну, это я мо... могу. У меня как раз-таки и письменный лучше, чем... – А... Потому что оно... [И] – Академический как бы у вас, да? Вы учились в университете? [Р] – Да, письменный, грамматика лучше, чем вот устный (Т.А., в., 1); На этой волне у нас там появилась, появился кружок шорского языка, это. Учительница Людмила Петровна Кирсанова, она в первый раз показала нам, мне, для меня, там несколько людей, человек пятнадцать, наверное, шорцев, шорцев ходило на этот кружок, и эта вот тогда я познакомился первый раз это с шорской письменностью (С.Г., в., 2); [И] – Чтение? Вы можете, но не читаете? [Р] – Ну, я могу, есть книжки. Книжки есть, но я, так вот, чтобы... [И] – А когда Вы учились в институте, Вы читали по-шорски? [Р] – Ну, нам задавали переводы, конечно, мы читали, переводили. Когда преподавала тоже (Н.П., в., 2).

Семейное общение уже не может обеспечить и устойчивость навыков говорения на шорском языке: [И] – Хотели бы, чтобы внуки учили шорский язык? [Р] – Ну, конечно. Ну, и с детьми мы вот, э-э, отдельные слова вот сидим, кушаем. Ну, шорские вот, я им так, так, говорю. Ну, это непостоянно, это же опять, это скажешь – они вроде как помнят. Потом какое-то время проходит – они забывает. Потому что общаются чисто на русском (А.Д., с., 2).

Шорский изучается в центрах культуры, слабо поддерживаясь в естественной языковой среде, что отмечается нашими собеседниками: Поэтому так и получилось, что вот половина молодёжи не знает у нас своего языка. Вот щас вот есть факультативы, да так подобное... Но это же факу... факультативно, как говорится, всё это не выучишь. [И] – Ну да, конечно. [Р] – Это так, чуть-чуть, слегка. Они поверхностью тока знают. Девчонки устраиваются щас у нас в центр шорской культуры, у нас тут в посёлке есть. И туда и даже и молодёжь щас идёт, и ребяташки, и уже даже взрослые некоторые, которые вообще не знают своего языка, тоже ходят. То есть желание овладеть своим языком всё-таки есть, это хорошо (З.И., с., 2).

Как было отмечено, этот тип билингвизма может быть охарактеризован как учебный: молодое поколение шорцев изучает родной язык в центрах культуры, старательно осваивая лексику и фонетику языка, проводником в мир родного языка становятся не родители и уже не бабушки и дедушки, а учителя и руководители творческих коллективов: А я заставляю детей, чтоб каждое слово они правильно говорили. Повторяем много раз,

прежде чем они выучат песни. То есь я работаю над дикцией, и над, ну, как говорится, заставляю овладевать я... родным языком (З.И., с., 2). В настоящее время центры культуры становятся местом изучения шорского языка и представителями среднего поколения: *Шорский язык я, этот, когда, в общем, это, ходила в ансамбль, учила как иняз, этот вот, ага. Шорский, этот, песни, этот вот. Вроде читаешь – всё ясно, этот вот, но в голове не укладывается, этот вот, ага* (Г.М., с., 2).

Понимая значимость владения русским языком как основы социальной реализации, успешности, современные шорцы выводят из этой линии владение шорским языком. Только отдельными собеседниками владение родным языком отмечается в качестве условия профессиональной реализации, обычно это связано с учебой на национальном отделении Новокузнецкого педагогического института, с работой в центрах культуры и образовательных учреждениях, что отмечается и теми, кто оценивает ситуацию «со стороны»: *Ну, если взять интеллигенцию: во – интеллигент, интеллигенция, как-то они [языки] помогают продвигаться* (М.Н., н., 3).

Таким образом, на рубеже веков происходит еще один трансфер шорского языка: из бытового общения в художественную коммуникацию. Пространство родного языка становится для шорцев средством поддержания традиций народного творчества и в то же время пространством собственного художественного самовыражения: *Когда, может, этот, я ходила в шорский ансамбль, этот вот, и у меня был песенник, этот, песни мы, этот, писали, потом здесь, этот, ФРТ было, потом газеты: «Красной Шории» или «Курьер» там печатали шорским, строка, этот, был, этот вот. Угу* (Г.М., с., 2); [И] – Вы стихи пишете? [Р] – Да, эта, и эта их надо же это писать на... еще переводить на русский язык. [И] – Вы на шорском пишете? [Р] – Я на шорском языке пишу, и это, шоб переводить, надо адекватно переводить и красиво переводить, а у меня, это, русский язык очень хромает. (С.Г., в., 2); ...у нас есть поэтесса Арбачакова Любовь Никитишина, вот, Тудегешева Татьяна... Татьяна Васильевна... [И] – Татьяна Васильевна? [Р] – Вот. Пишут они стихи... на своём и на русском языках (Е.Н., в., 2). Родной язык становится основным пространством художественного творчества, где фольклорные тексты соседствуют с новыми, написанными нашими информантами, что является одним из стимулов и условий поддержания практики письма на родном языке: *Да, читать и писать можем. Да, вот у нас, мы же пишем песни свои на шорском языке.* [И] – То есть вы их записываете, да? [Р] – Слова, да... что не

сложно, потому что... ээ... мы же, мы пишем свои песни пишем, так как выговариваем, так и пишем так. Буквы такие же, просто... (К.Г., с., 2).

Функциональное выдвигание художественной коммуникации является одной из причин усиления статуса родного языка в качестве одного из маркеров национальной идентичности. Эта функция шорского языка актуализуется не только теми, кто владеет языком в качестве материнского, но и теми, кто обретает его в качестве второго: [И] – А шорский – родной язык? Родной? [Р] – *Шорский – родной. Я, как, считается, чистая шорка, просто там родители жили.* [И] – Значит... возраст, в котором вы начали говорить на русском, – это с рождения, да? [Р] – *Угу.* [И] – А шорский с какого? [Р] – *Ну, давайте лет с восемнадцати уже осознанно* (З.И., с., 2).

Осознание значимости данной функции является причиной создания художественных коллективов, общественных организаций и – главное – вовлечения в них детей с раннего возраста: *У меня... вот они [внуки], мы поём, мы на своём поём, и они запоминают и... ну как это, мы реп... мы на репетиции ходим, и они тоже подпевают тоже* (К.Г., с., 2); *...я стараюсь переводить мультфильмы, такие вот поучительные... для детей чтобы они, я... работала еще, преподавала факультативы на шорский язык детям... но я привлекала сюда детей, которых я вела, они мне то есть озвучивали мультик, это было очень интересно, есть такие, даже могу показать.* [И] – Ну и детям, наверно, интересно. [Р] – *Конечно, дети с удовольствием, прямо, я буду, я буду, я буду, а я же, то есть вот слышу кто правильно произносит. Вот, ну также вот бывало, что дет... сочинила я одну песенку.* [И] – На шорском? [Р] – *На шорском, ага, вот ездили выступать...* (Р.С., с., 3); *А, ну, приготовил, по-моему, шорский мультик у нас Уртегешев Николай Сергеевич. Вот он действительно шорские, сам сочинил или из нарисованных делал мультики. А вот у нас ещё пока такого здесь нет, но уже около тридцати мультиков уже, переведённых есть на шорский язык* (М.А., в., 2).

Актуализация национального самосознания способствует возвращению к родному языку и в семейном воспитании: *Ну вот, то в Кемерово, то сюда привезут его [внука]. Так он знает, кто такие шорцы, что у шор... у шорцев есть своя культура. Мы учим его нашей культуре, языку, стараемся, но и рассказываем. Для начала я вот, когда им начали про шорцев-то говорить, он же не знал, что он – шорец, да чё...* (М.А., в., 2). Значимость обращения к языку как культурному коду этноса на ранних этапах становления личности подчеркивается нашими собеседниками: *Вот когда именно период созревания, когда у человека формируется характер, это*

до 6 лет ребенок, я думаю, вот в этом плане язык хорошо помогает, в каком плане... человек, когда начинает, ээ растормаживает мозг познанием чего-то, познанием мира через русский язык, допустим, познанием, э, на... на шорской земле невозможно, почему, потому что на русском языке вот когда говоришь, отождествление мира идет совсем другое (И.А., н-в., 2).

Вследствие этого мотивом возвращения современных детей в пространство родного языка, по мнению наших собеседников, становится не только идея поддержания этнической идентичности, но и осознание освоения такого пространства в качестве одного из вариантов общего разнонаправленного развития ребенка: *У меня, этот, Женька до одиннадцатого класса ходила в шорский кружок. А Наташка, Лилька в то время, я не знаю, то ли было кружок, то ли не было, этот вот... наверное, не было, поэтому они не ходили. Вот Женька, этот, успела. Женька и Лерка, внучка. А те я не знаю, то ли ходят в кружок, то ли нет. Я знаю, они оба ходят, которые не лыжи вот такие, как... сноуборд (Г.М., с., 2). Знание родного языка видится и условием более органичного вхождения ребенка в специфические пространства других языков: *Ну, так я своим детям всегда говорила, когда они были маленькие, то есть что будете знать свой язык шорский, вам все языки поддадутся (Е.Н., в., 2); Да, да. А чё-то я вот и думаю, что его [трехлетнего сына] надо билингвом... Ну, чтобы... Там же потом легче будет английский язык, другие языки... Ну, вот я пытаюсь, как филолог. [И] – А почему шорский? [Р] – Ну, это родной язык, почему бы... и нет?.. Хотя он, получается, по национальности будет принадлежать... как по традиции он будет принадлежать к кумандинцам, но... пусть будет шорский, там сильно различий нету (Т.А., в., 1).**

В размышлениях наших респондентов язык предстает не только в качестве маркера этнического единства, но и свидетельства включенности шорцев в макрокультурное единство тюркоязычных народов. Шорский язык в размышлениях наших собеседников предстает органично вписанным в систему лингвистической непрерывности: варьируясь, сохраняет единство и включается в тюркский языковой мир: *...А потом там два диалекта же у нас: кондомский и мразский. И разные слова встречаются, звуки даже. С алтайцами если у нас как-то еще сложнее, а шорский, он, казалось бы, а есть еще мразский диалект и кондомский (З.И., с., 2); У нас здесь... вот, например, здесь... деревня Суета есть, они тож шорцы, но у них язык другой. Вот. В сторону Кабырзы, за Таштаголом там – у них тоже друг... они шорцы тож. У них тоже язык другой. Ну, и это... и*

другие есь. Т... Кумандинцы есь и это... ну, всякие-всякие есь. Много. И вот, у них языки все разные (М.Н., н., 3).

Пространство родного языка позволяет осознать единство тюркского макроэтноса, культурное или языковое: *Чыл-пажи, то есть «рождение года»... Потом, значит, летом шачиг... А вот когда мы одновременно казахи... ой, тюркоязычные народы, это, алтайцы, телеуты, хакасы, затем вот... ну, татары, конечно, к нам присоединяются, потому что мы все тюркского... на... на... это... тюркского звания все, народы эти, и мы одновременно когда делаем все эти вот праздники, то это идёт как бы всё к небу* (З.И., с, 2); *Казахи, я тоже улавливаю вот, когда они, вот зять у меня, когда в гости в Казахстан приезжали, они начинали говорить с дедом, я уши на остро держу. «Амарат, я-то понимаю, – говорю, – чё говоришь ты». Которые слова я уловлю* (Н.Н., с, 2).

Наши респонденты зачастую являются участниками широкого спектра мероприятий, направленных на сохранение шорского языка и культуры, участвуют в исследовательской экспедиционной работе, некоторые из респондентов получили высшее образование в сфере шорского языка, вследствие чего обсуждаемые в наших беседах вопросы зачастую были глубоко и разносторонне ими осмыслены ранее. При этом многие аспекты шорского языка осознаются нашими респондентами независимо от уровня образования и профессии.

1.3.2. Структурные элементы шорского языка в метаязыковых рефлексиях современных шорцев¹

Как показал анализ, наиболее активно рефлексиируются следующие аспекты онтологии родного языка и его функционирования: 1) своеобразие шорского языка, его вариативность; 2) включенность его в тюркское языковое единство; 3) сравнение родного языка с русским языком – вторым языком билингвов; 4) отдельные языковые, прежде всего лексические, единицы.

1. Рефлексия единства и вариативности шорского языка. В рассуждениях наших собеседников о шорском языке одной из ведущих является тема значительной степени вариативности шорского языка, своеобразие

¹ Частично материалы были опубликованы ранее в статье: *Резанова З.И., Рыжова О.В., Ширинова Р.Х.* Языки в «светлом поле» сознания билингва (на материале метатекстов шорско-русских билингвов корпуса устной речи RuTuBiC) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 130–145.

литературного шорского языка и его диалектов. Наши респонденты отмечают наличие значительных различий шорского языка у жителей разных поселков: *У нас здесь... вот, например, здесь деревня Суета есть... они тоже шорцы, но у них язык другой. Вот. В сторону Кабырзы, за Таштаголом там – у них тоже друг... они шорцы тоже. У них тоже язык другой. Ну, и это... и другие есть. Кумандинцы есть и это... ну, всякие-всякие есть. Много. И вот у них языки все разные (М.Н., н., 3); Вот в сторону Кабырзы они... Да. И, по-моему, этот, в Мысках тоже шорцы уже не те, не так (Н.Н., с., 2); ...потому что... вот дети стороны Шерегеша, Усть-Анзаса, там поселок есть, вот там у них другой говор. А вот здесь дети, которые именно Таштагол, Кабырза, поселки, которые у нас есть, оттуда у них другой (Э.Н., в., 1). Респонденты по-разному маркируют варианты шорского языка: «другой язык», «другой говор», «другой диалект». Данные именованья не используются в строго терминологическом обозначении, не коррелируя с оценкой степени вариаций от «немножко другой» до указания на уровень, препятствующий успешной коммуникации носителей разных диалектов: *...допустим в Кабырзе, тоже немножко диалект другой, но хотя вот этот район Тоштагульский, ааа, Кабырза, Кичи, Тоштагул, мы совпадаем по диалекту, а Мрассу, Усть-Янзас, у них немножко диалект другой вот, говорят немножко по-другому (Г.Н., н-в., 2); Через тридцать километров отъедешь, и уже там совсем по-другому говорят (В.С., с-с., 3).**

Естественно, терминологически корректное определение внутриязыковых вариантов мы находим в речи наших собеседников, получивших высшее филологическое образование или вовлеченных в культурно-просветительскую, исследовательскую деятельность в регионе. Особой темой обсуждения становится уровень понимания и говорения на родном языке в зависимости от территориального варианта: *Ну в зависимости, у нас есть нижнемратский диалект... и есть кондомский диалект, ну наверное, проценто сем... семьсят у меня есть понимание. Каждого диалекта. А нижнемратский свой, ну процентов девяносто. Понимаю я кон... больше, чем говорю (Р.С., в., 3); ...акцент у меня кондомский диалект... я не считаю, что у меня акцента нет, и я разговариваю на своем диалекте, то есть на кондомском диалекте. Я не разговариваю. Я понимать знаю мрасский диалект. Поскольку наши ученые словарь составили на мрасском диалекте (Р.С., в., 3); У меня младший брат женился, девушку привёл оттуда, со стороны Кабырзы – мы, знаете, как над ней хотели дома? Если вот к нам приедет в деревню, к маме, эйэто, она начнет говорить – мы или сидим молчим, не знаем, чё, чё делать, чё она говорит, или чё-нить скажет – если поймем, дак это переспрашиваем (М.Н., н., 3).*

Отмечаются основные параметры различий вариантных форм на разных уровнях языковой системы:

– лексические несоответствия: *Слушаю, я даже... так... строго себя держу, думаю, ну, понять, какие слова понимаю, какие не пойму... подразделение у нас вишь по посёлкам... по-разному говорят. Вот, например, «платок» мы «плат» говорим, «пля» – почти материнское слово говорят они. Вот такое «пля», «пля» как-то говорят они. Ну, как «пять» говорят (Н.Н., с., 2); Ну слова у нас бывают некоторые совсем разные. Вот допустим, эти мрасстинские говорят дом, они говорят м-м э:м называют дом, а мы называем здесь ууэ. Совсем слово другое (М.А., в., 2);*

– лексические несоответствия как причина коммуникативных неудач: *Ну, она говорит, мол: «Ну, давай мы расправлять койку и на пол стелить». Так она, это, сказала так, а я оторопел, грю: «Чё, – грю, – сказала?». «Ну, вроде как, матрас надо вытаскавать, стелить надо». «Тык ты, – грю, – чё сказала, какое слово-то сказала, это же, – грю, – это... пол». Ну, тахтэ. Они грит: «Давай, грит, тахтэ, – грит, – это... разбирать». Я грю: «Кого ты собралась, – грю, – с пол разбирать, что ли?». «Ну почему, – грит, – стелить я буду матрас». «Так это же, – грю, – не... не так». «Ну, мы, – грит, – так говорим». Ну то есть, тахтэ – это пол (М.Н., н., 3);*

– фонетическое своеобразие: *Вот в Усть-Янзасе: ай, эйзе. Узу, эйзе, вот такой эйзе, вот это вот, вроде да, вот вместо да, вместо того, что правда или чё там, согласие у них одним эйзе. А Кабызе уже кептыдыр ошындай тыдыр, там Р. Мы их рыкалки зовём (В.С., с-с., 3); Да. И, помоему, этот, в Мысках тоже шорцы уже не те. Не так. Мож, они говорят, они правильно говорят, а я думаю, мы правильно говорим. Окончания, ударения не те. (Н.Н., с., 2);*

– отражение в графике фонетического своеобразия: *В деревне, где я учился, ближе к сельсовету, в поселке, все языки сходятся шорски, а чуть подальше, у них уже разница. Окончания, они какие-то букву... букву добавляют. Уже... ниже Кабарзы поселок есть, Тайга, вот там уже тоже язык как-то нечисто или как там сказать... Мы вот так говорим по-шорскому, а они чуть-чуть по-другому. Какие-то буквы изменяются или, наоборот, добавляются, да. Уже разница есть немного (П.Н., с-с., 3); Там-то, если на шорский писать, там какие-то буквы изменяются же, там, вот например, «у» с двумя точками, типа как двойное ударение или же там. ну бывает, там, иногда я сам замечаю (П.Н., с-с., 3).*

Особая тема рассуждений – системное отличие современного литературного шорского языка, который создавался в практике языкового строительства на базе мрасского диалекта. Нашими собеседниками, которые в

большинстве своем являются носителями кондомского диалекта, отмечается отдалённость литературного от их разговорного языка: *Я живу здесь, у нас кондомский диалект. Я передачу веду на кондомском диалекте. Понимать, все меня понимают, все знают* (Р.С., в., 3); *...пока считается литературным это мрасский диалект. У нас основных два диалекта – мрасский и кондомский, а вот мы-то кондомский диалект, поэтому не все слова там сходятся* (М.А., в., 2). Вследствие этого отмечаются затруднения как в общении с жителями соседних деревень, говорящих на другом диалекте, так и в понимании литературного языка: *...мысковские шорцы, у них свой ээ своя лексикон, ээ у счаньжанских – своя, у нас своя, ну в общем, в каждом логу каждый по-своему чирикает, вот ну, да, диалект, всё это разное, да... Ну я совсем не понимаю мысковский прямо. Я лучшие киргизов понимаю, ка... алтайцев, ааа своих шорцев, мысковский литературный не могу понять* (В.С., с-с., 3). Противопоставляется привычный, «свой» разговорный язык и «новый» шорский язык молодых шорцев, изучающих его в центрах шорской культуры, иногда – на факультативных школьных курсах и в университете: *И это какие-то слова, видать, пишут или говорят ли. Вот понапишет, принесёт мне: «Пап, – говорит, – переведи вот это». Я, посмотрю, мь... я говорю: «Ничё я не пойму, на, иди, у кого, это, там кто ты заставил писать, у того, – зрю, – спрашивай». Ну, непонятно, чё эт такое, что за слова пишут* (М.Н., н., 3); *И от кто учителем, от это... выучился – он ток будет на свой язык тянуть, вот... А у нас совсем по-этот, подругому. Вот чё.* (М.Н., н., 3). Степень сходства литературного шорского и родного диалекта может интерпретироваться как подобная той, которая существует между шорским и другими языками тюркского единства: *Не-не-не, не можете читать на шорском... Потому что лексикон этот мысковский и я также владею и ээ литературным шорским так же, как и могу разговаривать с алтайцами, с у... киргизами, на таком же уровне, угу, угу* (В.С., с-с., 3).

2. Вторая большая тема метаязыковых рефлексий – шорский язык в составе тюркского языкового единства. Доминантная линия в развитии данной темы – близость тюркских языков. Частными темами являются:

– общая идея близости языков: *...телеуты тоже больше, ну, телеуты у нас, ну, они языки все схожи просто, я не знаю, почему они телеуты, почему мы шорцы, я не могу объяснить. Я не знаю!* (Г.Н., н-в., 2); *С крымскими татарами, с астраханскими татарами у нас очень язык схожий, вот мы жили с казахами, они тоже откуда, с самарской области, у них казахи на... больше сходится* (Р.С., в., 3);

– возможность понимания и говорения на родственных языках в бытовых ситуациях: ...для общения. С другими народами тюркской группы. Вот так можно. Тюркской группы именно. Потому что там же языки же понимаешь. Они разговаривают когда (Е.Н., в., 2); Ну, алтайский тоже, у них же тоже диалекты немного разные. Много мы понимаем по-алтайски, что говорят основное, ну процентов пятьдесят алтайского языка (Р.С., в., 3); У татара, казахи. Казахи – я тоже улавливаю, вот, когда они говорят. Вот зять у меня, когда в гости в Казахстан приезжали, они начинали говорить с дедом, я уши на востро держу. «Амарат, я-то понимаю, – говорю, – что говоришь ты». Который слова я уловлю (Н.Н., с., 2); Мы общались с этими, там же в основном узбеки, вот. Так я вот запросто могла вот, как на рынок пойти, по-узбецки тоже, ну и много слов, как бы и сходились, вот это. Как вот, э, хлеб там, эта, нож, что у нас это, что у них тоже. Также татарский вот это (Г.П., с., 3);

– проявления единства и различия языков на лексическом уровне, при этом доминирует фиксация близости звучания слов как основная тактика в демонстрации единства: Да, видите вот, м... хакасов, чай мы говорим чай, они говорят сйя вот, а в Усть-Янзасе, у них будет звучать, более грубее ещё (Г.Н., н-в., 2); Я вот три недели жила в Казахстане, вот когда гостила, я уже как-то вот это, прислушалась и уже видела, что есть... и счет у них. У них, например, «бир», у нас «пир»... ага, у них «еде», у нас тоже «еде»... они говорят «уч», а у нас «уш» (Н.П., в., 2); Тюркский язык – очень близкий, но, например, мы говорим баш, а они – анчалы, они говорят бас, мы говорим ээ аргыштад, а они говорят аргышитат, а у них аргу-став, а у нас авгастов по-шорски значит лодырь (И.А., н-в., 2);

– собственно фонетические соответствия (фиксация таких соответствий в нашем материале представлено единичными примерами): Ну язык хакасский – на с произношение, а у нас на ш, а с казанскими татарами у нас языки не сходятся (Р.С., в., 3);

– установление лексических соответствий как основание рассуждений о происхождении: Аа, ну вот серьезно говорю, есть такое. А персидский, ну вот самое главное слово, какое, знаете?.. [И] – Пайрам... Это персидское же слово. [Р] – Калык у вас есть? Нет? [И] – Ну, у нас есть, и, вроде, у остальных так-то... народ. [Р] – Это из персидского тоже... Персидских слов много и в русском языке. Даже у финн есть персидские слова, то есть они были продвинутые ребята такие (Н.С., в., 2).

3. Появление третьей темы метаязыковых рассуждений наших респондентов – соотношение шорского и русского языков – определяется как общими

условиями языкового опыта в сфере двух языков: родного и приобретенного, функционально доминирующего, так и ситуативными условиями диалога между русскоязычными интервьюерами и двуязычными респондентами.

В рамках этой общей тематики выделим следующие подтемы:

– лексические соответствия шорского и русского языков: *...и в восьмь-сят восьмом году у нас вот здесь в тештегольском районе начала выпускаться газета, которая называлась «Кызил шор», в переводе на русский означает «Красная шория»; Библия есть на шорском языке. э-э «Бичик» – это значит букварь по-русски, то есть он и на русском, и на шорском языке, да (Н.С., в., 2); Это русские называют шаман... по-шорски-то Кам (И.А., н-в., 2); А камлать и шамла... <...> шаманить и камлать, ну, это мы камлаем, так говорим. Камла – это, ну, вон как бубен ходит и... как... ну, через бубен э-э он общается с духами что ли, ну вот попроще вам объясняю, это тоже сложно (Н.С., в., 2); ...а это, солили и вешали в теньке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем чапе, а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша (Г.Н., н-в., 2). Такие комментарии появляются «по случаю»: в рассуждениях респондент может переходить от шорского наименования к переводу на русский и комментарий или в обратном направлении – от русского к шорскому: *Духи... Мы идём, как грится, заходим, чтоб очищение, идём, вначале очищение идёт, как грится, а потом заходит все и проводят «Чил Паж», то есть «Рождение Года» (З.И., с., 2); ...имя журавля Турун. Турун – это как эта, когда огонь обгара... вот конец палки или еще чегонибудь обгоревшая головешка, это называется турун. И вот у птицы, журавля название турун, то есть потому что он принес для людей (С.Г., в., 2); Ну, эта, например, это обряд, это обряд поклонения воде, обряд поклонения, эта, как земле, обряд поклонения, эта, горе, да, эта. Ну, это по-шорски это называется сюэзинге, доэзинге, эта (С.Г., в., 2); Ну, эту Калинную гору, я его перевожу с шорского. Это Калинная гора, а по-шорски он звучит, эта, Шаншта (С.Г., в., 2);**

– соотношение грамматических систем попадает в сферу рассуждений гораздо реже. В нашем материале только один респондент обратился в своих размышлениях к этому аспекту соотношения языков: *Ну у нас, например, у шорцев, он, она, оно. У нас нету средний род, там мужской, там женский род. Да, ол. Он. Вот и всё. И если сказать она, то каткиже – женщина, если сказать мужчина, он, то эргище (В.С., с-с., 3). Рассуждения респондента о наличии уменьшительно-ласкательных слов в шорском языке было непосредственно стимулировано вопросом интервьюера:*

Ну, бала, бала – ребёнок, угу. Ну, балачак как-то не звучит, както, ну, ребёночек. Как-то так не говорят, бала и всё. Ну, балачак. Да-дада-да, если есть, то их мало по сравнению с русским, их ну не такое количество... Хотя вот, допустим, вот я, допустим, смотрю, вот солнце, да – кун. А уже солнышко... уже такого я не слышала, чтобы солнышко говорили. Ну, бывает, что кунижек можно тоже так сказать. Ну, я думаю, просто это думать надо. Просто вы такой вопрос задали, я над ним никогда не задумывалась (В.С., с-с., 3);

– различия языков на разных уровнях: *...я не люблю писать, но мысль-то такая есть, конечно, писать я не пишу, помочь кому перевести – пожалуйста... сложно, сложность, потому что это как бы своеобразно, на русском языке можно сказать, три-четыре предложения можно сказать, а я скажу просто двумя словами... да, или даже могу одно слово сказать, это все будет понятно... или наоборот, русское предложение маленькое, а мне надо вот сказать вот столько, но бывает можно не добавлять, если мо... мы, то есть это мой – ым добавляется, это мой, а могу сказать мел, номым, то есть я могу подтвердить, что именно это мой, моя книга, по-разному, да. А одно слово вот, номым, это понятно, ым добавляется, моя книга, а если конкретизировать что-то, моя, мем, номым есть эн, а есть ым, мем (Р.С., в., 3); ...у нас в шорском языке 39 букв, а в русском языке 33, а у нас 39, вообще 43 было. Вот к по-шорски: к есть и есть кэ, есть у и есть ую, есть о, есть оэ, и в отличие от русского языка у нас есть слова, которые начинаются на ы <...>, например, самое главное слово это ыныс – это счастье. Ырыс, ырыстых – это счастливый, ырыстыхчи – осчастливленный... И еще у нас есть ырымар, ы-ры-мар – это находящийся на другой стороне, бегущий со стороны (И.А., н-в., 2).*

Таким образом, наши материалы позволяют выявить общее и специфичное в метаязыковых рефлексиях билингвов в сравнении с рассуждениями о языке представителей других типов носителей русского языка и проявленных в других вариантах дискурсивных практик. Сравнение с результатами анализа метаязыковых рефлексий носителей русских сибирских диалектов, представленного в монографии А.Н. Ростовской¹, свидетельствует о ярком отличии нашего материала. Отметим при этом, что выводы А.Н. Ростовской построены на материале, собранном в аналогичных условиях, аналогичными способами – в ходе интервью и свободных бесед, при этом она включала в анализ и ответы на прямые вопросы, направляющие

¹ *Ростова А.Н.* Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения...

тему метаязыковых рефлексии. Нами, как уже было отмечено, такой материал не анализировался.

Факт билингвального существования определяет включенность в сферу рефлексий не только родного языка, его вариативности, нормативности отдельных единиц, что отражено в исследовании А.Н. Ростовской, но и разные аспекты включенности родного языка в более широкое единство родственных языков и в поле сопоставлений со вторым, приобретенным русским языком.

В данном случае наши выводы вполне соотносимы с наблюдениями о специфике метаязыковых рефлексий носителей миноритарных языков (диалектов), функционирующих в условиях непосредственного контактирования с социально доминирующими языками. Так, например, О.А. Александров, анализируя метаязыковые рефлексии российских немцев Томской области, делает вывод о том, что «рефлексия диалектоносителей о языке мотивирована билингвизмом, насыщенным миграционным опытом, многокомпонентностью языковой реальности»¹. Наши данные подтверждают утверждения А.А. Залевской о том, что на уровень осознания выводится только незначительная часть айсберга, обеспечивающего владение языком, речевую деятельность². В «светлое поле сознания» носителей тюркско-русского билингвизма вовлекаются прежде всего лексикон, фонетика языка и ее отражение в графике. И в данном случае проявляется общая тенденция: практически во всех работах, отражающих метаязыковую деятельность различных типов говорящих, в том числе билингвов, рассматриваются прежде всего лексические единицы. Актуализация же аспектов фонетики и графики родного языка в метатекстах наших респондентов определяется, на наш взгляд, спецификой данного типа билингвальной ситуации, которую представляли наши респонденты, – значительное варьирование фонетических систем основных диалектов шорского языка, наличие отличий в алфавите шорского языка, построенного на основе кириллицы с введением дополнительных элементов. Вместе с тем практически не попадают в сферу осознания нашими респондентами вопросы грамматики, в том числе в общей тематике сравнения систем родного и второго – русского – языков. При этом, как показали результаты

---

¹ Александров О.А. Народно-разговорная речь российских немцев Томской области на уровне социолекта и идиолекта: аспекты описательной и перцептуальной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2022. С. 13.

² Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории...

проведенных исследований, в речевых практиках шорско-русских билингов преобладают речевые сбои, связанные с грамматической категоризацией по роду (отсутствующей в материнском языке наших респондентов) и падежу (имеющему значительные различия в частных значениях и системе формального маркирования). Аспект родовых различий был отмечен только одним респондентом, проблемы падежного управления не попали в сферу рефлексий вообще. Эти данные коррелируют с результатами психолингвистических экспериментов, фиксирующих влияние определенных аспектов языкового опыта на процессы когнитивной обработки единиц второго языка, проведенного в рамках общего проекта исследования языкового взаимодействия языков Южной Сибири. Результаты экспериментов показали доминирование лексико-семантических, а не формально-грамматических стратегий обработки грамматического рода тюркско-русскими билингвами¹.

1.3.3. Образ шорской культуры в дискурсах этнокультурного самоопределения шорцев

Язык является ведущим, но не единственным средством маркирования этнического единства. Рассуждения о языке, его судьбе и ярких отличительных особенностях соседствуют в нашем материале с рассуждениями о других аспектах культуры современных шорцев. При этом, как показал анализ, в сферу рефлексии попадают аспекты как духовной жизни шорцев, так и различные аспекты материальной культуры.

В наших беседах респонденты весьма часто обращались к обсуждению своих представлений об основах мироустройства, значительным аспектом которого является анимизм: одухотворение природы, вера в потусторонние силы как неотъемлемую часть жизни, пантеон высших сил, которой объединяет богов гор, рек, хребтов и т.д.: *Вот так вот там. С этими, как борьба была между шаманами, между духами, ну вот мир делится на три: верхний слой, средний и подземный. Вверху, а там живёт Ульген, Бог Ульген. Средняя, я даже щас это самое, ну подземный – Эрлик. А тут уже, вишь, это самое, ну вот и идёт эээ, нету дружбы между этими духами. Это дух, ну вот эта духовность, я прям вот, я чувствую, я слышу*

---

¹ Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 103–123. doi: 10.17223/19986645/57/6.

его, вот, что дух Воды есть, Уэси. Дух вот это гор, вот эта мощь стоит, вот, гора Мустаг, ну вот эта Зелёная, Мустаг, это ду... дух – это, это наши культовое святое место вообще было, там есть само... вот снег, где, туда за... за снегом, выше ещё там, ущелье шаманов есть, очень красивое место вообще. И вот шаманы э, такие сильные шаманы, которые чувствовали себя, что они скоро уйдут в иной мир, они уходили, умирали там. Ущелье шаманов называется (В.С., с-с., 3).

Современные шорцы и в настоящее время активно используют практики шаманизма, которые являются одним из значимых скреп идентичности, объединяющей разные поколения шорцев: *А вот у мамы был дедушка, ни папа, а дедушка был шаманом. Вот на Берёзовой гриве. Мама говорит: «Хорошо помню, что, её мама всё время к нему бегала, к этому дедушке от, чтобы де, этот, муж её не видел». И он, говорит, её всё время лечил, как, шаманил над ней, значит. Чтобы она, там, приболела чё-нибудь, врачей же больно-то не было. Вот, он, говорит, её лечил, но чтоб дедушка не знал. [И] – Как они, они травами как-то лечат или..? [Р] – Нет, вот как-то вот этот бубен, бубен, значит, и вот я не знаю остальное я ничё не знаю (З.И., с-с., 2).*

Отношение к современным шаманским практикам различное – от сомнения и неприятия до убеждения в их действенности. Указывая на высокую духовную роль шамана: *Ну, вообще я считаю, что шаман-то – это духовное лицо. К ним-то... как мы-то говорим, он – посредник между богом и людьми, который в трудную минуту. Када шорцу плохо, он приходил к шаману, и тот уже обращался туда, к богу), наша собеседница замечает: ...щас же шаман – это немножко... другие (М.А., в., 2). Мы наблюдали и выражение полного доверия к практикам шаманизма: *Угу. А ещё, а ещё, э-э, у меня вот сестра щас умерла. Когда у неё свекровка умерла, и она стала болеть, болеть, болеть. И вот она ездила тоже к шаману, и он говорит: «Она взяла у неё “кут” – дух, душу её забрала» (Е.Н., в., 3). Мама вот болела у нас часто так, вот мы приглашали... Шаманил-лиши... там. Раньше же и женщины шаманили. Ну, мы как-то обращались знакомые только с шаманами (О.Е., н., 3). Восстанавливая историю последних 30 лет возрождения шаманизма, респондент отмечает *«Представь себе, уже тридцать два года. Прошло бы тридцать два года и сейчас на Таштагольский район – более десяти шаманов... Не-не-не, я шаманам, нынешним шаманам, которые вот, вот сейчас образовались эти последние годы, ты знаешь, почему-то добра не, не слышу. ...Ну пусть меня, господи, пусть простят они меня. И далее продолжает: «Ну эти, эти, эти, ну да, вот наши шорцы, вот эти вот шаманы современные, они родовые вот***

эти вот обряды проводят, родственников только собирают. Вот эти вот родовые, да, проводят. Ну я первое время ходила, но я абсолютно ничего не почувствовала» (В.С., с-с., 3).

Как упоминалось ранее, национальные традиции, в том числе обычаи и обряды, являются яркими маркерами этнической принадлежности, которые нередко также связаны с языческими представлениями шорцев: *Ну вот... Духи... Мы идём, как грится, заходим, чтоб очищение, идём, вначале очищение идёт, как грится, а потом заходит все и проводят «Чил Паж», то есть «Рождение Года». Это мы двадцать второго марта проводим. Потом, значит, летом «Шаче», то есть мы, как грится, землю, это, окрапляем, потом горы, это, огню даём, то есть, это, самой природе... «Шаче» – это как бы благодарность что ли...* (З.И., с-с., 2); *Ну, почему не помним, помним. Ну, то есть, те, вот эти вот сказки, легенды вот рассказывали. Например, у нас есть у каждого в посёлке свои родовые горы, и именно вот рассказывали, вот эта гора, почему эта гора образовалась и так далее. Вот. Обряды проводили. Это вот я очень хорошо помню: жертвоприношение, вот. [И] – То есть, обряды, обря... проводились? [Р] – В день весеннего равноденствия, когда урожай вот соберётся – осень; вот зимою, когда охотники уходили в тайгу, обязательно это, в общем, три-четыре раза в год проводились обряды, как... я вот не помню теперь, какие-то обряды проводились, чтоб скотина не болела* (Р.С., в., 3).

Легенды шорцев – наиболее устойчивая часть духовной культуры. О содержании легенд, отражающих представление о мироустройстве, о главных богах пантеона с удовольствием рассуждали с нами практически все собеседники среднего и старшего возраста: *Да, но река, река в образе. А, гор, леса, почему-то в образе мужчины, там были двое мужчин и девушка вот, прям, интересно на конях мы ехали. Ну Альгудек, в первую очередь, Альгудек, он всегда открывает праздник. Альгудек – это богатырь, шорский что вот, ааа, всегда в начале приходит Альгудек, тоже на коне приезжает, дают разрешение на проведение всего праздника вот, и потом, благословляет, уходит тоже, кормить духов гор, речки, огня вот, огонь сказать да* (Г.Н., с., 2).

Другие жанры шорского фольклора – песни и сказки – вне социализированных практик в домах народного творчества практически не включены в контекст жизни современных шорцев. На вопросы о характере знакомства с этими жанрами уверенно отвечали только представители стар-

шей возрастной группы и приближающиеся к ним по возрасту наши собеседники второй группы. И в том и другом случае респонденты сожалели о том, что сейчас не сохранились песни, сказки, которые они слышали в детстве: *Ммм... не знаю. Ну, и вот, они действительно вот... как-то на ходу сочиняли. Как-то у них складно всё получалось. Никто не записывал... Учили эти песни все. А щас не знаю, кто поёт, не поёт ли...* (М.Н., н., 3). В таких случаях наши собеседники обычно отсылали к воспоминаниям о детстве, как правило – общении с родителями, бабушками и дедушками: *Дедушка мне про всё это рассказывал, и ещё шире, ещё как-то более доходчиво, я даже вот так вот он мне, вот так возьмёт на руки, вот так на коленки посадит, вот так покачивает и поёт: Вот так вот, а так я помню, как он рассказывал, вот он пел, всегда рассказывал, вот эээ как герой сильный, вот национальный герой такой, ну не национальный, просто герой, он мог через горы летать и через моря пролетать, и злого там хана убивать* (В.С., с-с., 3). Другая респондентка, вспоминая названия национальных музыкальных инструментов, рассказывает: *Кайкомус? Ну, сказки рассказывали. И вот, значит, они играли, и вот, значит, и рассказы по всей ночи. Соб... собирались, вот кто шорцы тут были, собирались и по всей, ну, вот всю ночь вот, ну, наверно, выходной какой-то. И вот пели прям так интересно. Ой, ну вот рассказывали вот эти вот сказки. Прям интересно было, очень интересно, прям. Главное, он вот он как-то вот пел вот на этой кайкому-, кайкомусе* (В.В., с., 3).

Однако путь к фольклорным истокам этнической идентичности может быть и другим – через образовательные учреждения и центры шорской культуры. На типичный вопрос анкеты, слушала ли она в детстве сказки и песни на шорском языке, наша собеседница отвечает: *...я большие узнала, когда я выросла уже, вот когда я стала именно заниматься вот этим... делом по работе, вот. Вот тогда я много. И легенд... много... пришлось и читать, и пословицы большие. Нароботан материал* (В.В., с., 3). Как было отмечено ранее, в регионе создана система поддержки культурных традиций, в том числе два ансамбля взрослых участников – «Челтыс» и «Акчерек» и один детский – «Чакек», а также общественная организация «Таглыг Шор угу», о деятельности которых с большим удовольствием повествуют наши собеседники: *Руководитель шорского наци... само... самодеятельного ансамбля «Акчерек», народного шорского ансамбля «Акчерек». «Акчерек» – это, понимаете, «Белый цветок», а детская группа называется «Чакек» – «цветочек»* (З.И., с-с., 2).

Поддерживаются традиции шорской культуры и в современном поэтическом творчестве: *Стихи пишу, да, вот, пишутся стихи.* – [И] – Стихи пишете? [Р] – *Но же надо же его печатать, ну...* [И] – А вы... а вы на русском стихи пишете или на шорском? [Р] – *Ну и на своём пишу.* [И] – На шорском пишете? [Р] – *На шорском, и на т... и на русском, когда как полу... это самое. Оно же идёт с...* (В.С., с-с., 3); *Ну, вот у Тудегешевой на тему любви, боле... это... потом детства, воспоминаний детства, у неё очень много стихов. Ну, у неё край такой, здесь недалеко есть Усть-Анзас, вот, э-э, Суета, сказала Галина, а туда ещё дальше, я туда много лет возила детей, когда работала, в лагерь мы ездили. Там есть музей под открытым небом... Вот. Ну вот она пишет своё детство, потом юность, потом... о любви много стихов, ну, ранняя вот любовь, как бы, посвящает много своим детям, сыновьям она там посвящает, у неё стихи. Ну, и больше всего природа. Природа у неё в такой красе написана, что, он... как всегда, вот... употребляешь именно слова, может, кому-то не нравится там, а когда это мне надо, я беру именно эти слова, вот* (Е.Н., в., 2).

Из спектра маркеров этнокультурной идентичности, относящихся к сфере материальной культуры, наши собеседники наиболее часто актуализировали особенности национальной кухни. В следующих двух репликах респонденты повествуют о наиболее характерных блюдах шорской кухни, пирогах, пельменях, напитках: *Ну как, пельмени с кедровым орехом. Это шорское блюдо чисто. У Таштагольского районе. У нас пельменек называется, да? Пельмени. А у них перегеш – пельмени. И они вот с... кедровым орехом* (У.Н., в., 2); *Я знаю, что всегда делали пельмени. А шорские пельмени вот такие были. Я не знаю, мама говорит, где-то там она в этом, в Таштагольском районе... с ладишку, короче... с медвежатины* (В.В., с., 3); *Кюрмек... с это... кюрмек с рыбой, кюрмек с колбой может, кюрмек с мясом...: Это закрытый пирог. Когда на лист кладется тесто, да... Сверху рыба или мясо или, ну... ..Да, кусочки. И сверху тоже накрывается все и запекается* (Н.С., в., 2).

Гораздо в меньшей степени наши собеседники склонны рассуждать об особенностях национального костюма, которые также «ушли в историю». Сравним, например, реплики двух собеседников: [И] – Ну, а у меня еще один вопрос тогда: вот как раньше одевались, какая одежда была, что носили? [Р] – *Одежды никакой не было. Если б у меня была одежда, я тоже пошла учиться* (В.В., с., 3). ...*У меня дедушка с бабушкой, они жили зажиточно, вот у них очень много вот таких вот вещей было, что вот*

шелка вот, эти... кагаори? много вот, я вот на сколько вот сейчас вот помню, много серебра вот было у них, ой... сундуки украшений у бабушек было сколько, у бабки сколько всяких платков было! Она, бабушка, как начнет чё-то сушить, я вот туда вот в сундук лезу... Интересно. Мне не настолько эти платки были интересны, а мне настолько было интересно вот, что там эти бусы всякие, серьги... И вот куда это всё девалось, я вот до сих пор не представляю (Р.С., в., 3). И этот вид маркеров этнокультурной идентичности поддерживается в деятельности ансамблей народного творчества, в которых воссоздаются детали национального костюма.

Обращаясь к характеристике традиционных для шорцев видов деятельности, респонденты чаще всего упоминают охоту и рыбалку и связанные с ними предметы быта: [И] – Ну то есть, и те, и те, как вялили да, вот на солнышке? [Р] – *На солнышке! Ой, не на солнышке, а это, солили и вешали в тенёчке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем «чапе», а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша (Г.Н., с., 2); А так, да! Вот этих, ммм, мультанов, мы называем эти мелкие рыбки да, пещарики маленькие, вот их сушили просто, ммм, ну много сушили, а потом из этой сушёной рыбы варили, ааа, тутпей, мы называем, это ржаная мука и, ну с чем вот сравнить, нарезаем, допустим, когда лапшу режем, это кубиками нарезаем, да, а это просто руками рвёшь, у нас папа, отец её звал «рвачка», потому что рвёшь... И вот эта вот сушёная рыба, зелень, но вкус я помню <...> вкус рыбы (Г.Н., с., 2).*

Такими образом, анализ записей интервью и свободных бесед с шорцами в проекте по изучению тюркско-русского билингвизма позволил выявить спектр тем, связанных с актуализацией идей, образов, предметов, маркеров этнокультурной идентичности. Современные шорцы, как и другие народы, включенные в процессы не только экономической, но и культурной интеграции и глобализации, переживают динамические изменения и в отношении как к самим темам, образам этнической культуры, их содержанию, так и к способам их поддержания и актуализации. Одни, наиболее глубинные образы и идеи включаются в контекст обыденной и праздничной жизни современных шорцев (образы анимизма, практики шаманизма), другие актуализируются в социальных практиках, организуемых при поддержке государства (музыкальный фольклор).

Глава 2

Корпусное исследование русской речи тюркско-русских билингвов Южной Сибири

В данной главе мы смещаем фокус исследования с материнских языков билингвов на второй, освоенный, как было неоднократно отмечено, функционально доминирующий русский язык. Второе направление смены аналитических фокусировок – переключение с анализа актуализация разных аспектов языковой конкуренции в языковом сознании билингвов на тексты, в которых языковая конкуренция может проявляться в наличии языковой интерференции. В проекте была проверена гипотеза о том, что влияние структур родных (первых) языков билингвов на речевые практики на втором языке может проявиться даже в условиях перемещения родных языков в позицию херитажных. Вследствие этого в анализе при рассмотрении материала всех трех языковых пар наибольшее внимание уделено шорско-русскому языковому взаимодействию, так как в настоящее время шорский язык в наиболее яркой форме проявляет черты херитажного языка.

Решение задачи выявления интерферентного влияния херитажных языков на речевые практики функционально доминирующего русского языка включало два этапа. На первом этапе была проведена разметка текстов корпуса RuTuViC по отклонениям от речевого стандарта, а затем был проведен их анализ и обобщение.

Как было отмечено ранее, создание корпусов носителей языка имеет ярко выраженную функциональную направленность – аккумуляцию текстовых данных, позволяющих выявить точки бифуркации, аспекты напряжения в освоении неродного языка. Основным типом разметки в таких корпусах является маркирование «речевых ошибок» (error annotation), тэги которого, как отмечает М. Коптев, фиксируют ошибки в употреблении единиц разных языковых уровней, а также «источник ошибки: внутриязыковое, межъязыковое влияние»¹. Мы используем другой термин – «отклонения от речевого стандарта» (ОРС), так как в корпусе представ-

---

¹ Коптев М. Введение в корпусную лингвистику... С. 194.

лена речь носителей разных форм русского национального языка: литературной, диалектной просторечной, речевые практики которых соответствуют нормам соответствующих подсистем, не являясь «ошибками».

Включение в один корпус речи неносителей языков с разными материнскими языками позволяет выявлять как общие зоны напряжения в усвоения языка, так и особенности, определяемые типологическими, структурными вариантами родных языков. Разметка текстов неносителей языка по ошибкам (error annotation) является по сути первичным эмпирическим исследованием, базой последующих теоретических рефлексий и обобщений. Вследствие этого в главе сначала характеризуется система аннотирования, приводятся иллюстративные примеры ОРС, а затем – интерпретации типов ОРС и вариантов причин их появления в устной спонтанной речи билингов. Как показал анализ, межъязыковая интерференция является всего лишь одной из причин появления ОРС, и данный аспект является одним из наиболее важных в представленном анализе.

Итак, далее мы представляем теоретические основания аннотирования единиц текстов корпуса и метаразметки текстов в целом и их фрагментов, принятые на их основе практические решения, систему тегов размеченного подкорпуса и результаты исследований, проведенных на основе его материалов.

2.1. Аннотирование по отклонениям от речевого стандарта подкорпуса Бимодального корпуса устной речи тюркско-русских билингов (RuTuBiC)

При разработке принципов разметки ОРС, обусловленных влиянием родных тюркских языков на речевые практики русскоговорящих билингов, возникла необходимость предварительного решения нескольких теоретических и практических вопросов.

Необходимо было принять решение о точке отсчета в анализе, о типе речевого стандарта, относительно которого фиксируются отклонения. В качестве таковой был избран стандарт письменной русской литературной речи. Данный выбор определялся тем, что автоматическая морфологическая разметка в *Mystem*, использованная авторами проекта, была осуществлена на основе морфологического стандарта русской литературной

письменной речи, сформированного в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка¹.

Корпус объединяет записи устной коммуникации, вследствие этого ряд отклонений от стандарта письменной речи обуславливается устным, спонтанным характером общения. Фиксация таких отклонений, на наш взгляд, расширяет информативные возможности корпуса за счет аннотирования маркеров разговорного характера коммуникации.

При разработке аннотирования ОРС мы ориентировались на существующую систему разметки в близких по направленности корпусах, среди которых назовем прежде всего «Русский учебный корпус (RLC)², в котором, однако, система разметки ошибок ориентирована прежде всего на письменную речь учебных билингвов. Мы также учитывали опыт авторов «Корпуса контактно-обусловленной русской речи билингвов – носителей малых языков Севера Сибири и Дальнего Востока»³, созданного в проекте «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе».

Первоначально, исходя из направленности создаваемого корпуса на выявление факторов, определяющих характер и степень проявления интерференции, мы предполагали маркировать источник интерферентного воздействия: подсистемы устной речи, регионального варианта современного русского языка, материнского языка билингва. Однако, как показал опыт применения этого подхода на практике, значительное количество примеров ОРС является результатом неоднолинейных языковых влияний. Вынесение суждения о причинах появления ОРС требовало проведения углубленного анализа, вследствие этого было решено отказаться от отражения этого аспекта ОРС в аннотировании.

В Корпусе устной речи тюркско-русских билингвов Южной Сибири используются сокращенные варианты англоязычных терминов: Phon – phonetics, фонетика; Synt – syntax, синтаксис и под. При этом принята система одного или двух уровней квалификации ОРС, лишь в незначительном количестве случаев представлен третий уровень конкретизации, что

---

¹ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М. : Русский язык, 1977. С. 879.

² Русский учебный корпус, RLC. URL: <http://web-corpora.net/RLC/>; Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25.

³ Khomchenkova I.A., Pleshak P.S., Stoynova N.M. The corpus of contact-influenced Russian of Northern Siberia and the Russian far East // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”. Moscow, 2019.

мотивируется необходимостью отражения интерферентных явлений. На первом уровне маркируется уровень языковой системы, к которому относится частный вариант ОРС: Phon, Morph, Synt, Lex, Disc; на втором уровне – конкретное языковое явление: PhonAcc – фонетика, ударение; SyntGov – синтаксис, управление и т.д. На третьем уровне отражаются варианты отклонений при использовании единиц конкретного языкового уровня, их форм: SyntAgrGen – отклонения от речевого стандарта в согласовании по роду.

В качестве явлений фонетического уровня маркируются:

1) особенности произношения отдельных слов, позиционно обусловленные особенности произношения звуков, характерные для формы национального языка: *А потом всё это быстро с годами исчезло, и там щас нэрно* (сейчас наверное – Phon) *четыре, по-моему, домика осталось всего лишь* (З.И., с., 2); *Я говорю, я же сильно не мощу* (мочу – Phon); *Семьи, значит, ну, три ребенка, ну, самое большее тшетьыре* (четыре – Phon) (А.Ф., в., 3);

2) отклонения от норм ударения: *Я гоурю* [Phon] (говорю): *вы старайтесь, и это окупится у вас стОрицей* (сторИцей – PhonAcc) (А.Ф., в., 3).

Общий тег Morph маркирует нарушение норм морфологии, в том числе образования морфологических аффиксов: *Ой, как там солдатов* (солдат – MorphAff) *обнимали, как плакали; Ну вот, остались...* (остались – MorphAff) (М.А., в., 2); *Ну вот, например, вот там несколько человек, некоторые порус... по-шорски не понимают, а мы меж собой, этот, (по-шорскому)* (по-шорски – DerAff), *тот может обидеться* (П.Н., с-с., 3); норм морфологической категоризации, маркирует нарушение категоризации по числу: *А вы там делайте, чтоб в руках молочный был, сухая сливка* (сухие сливки – MorphNum), *да туда разбавляйте, она очень вкусна; Ну, а потом, если кедрото* (кедр – MorphGen) *вырубешь, не кедр* (кедр – MorphGen), *а даже вокруг даже кедра там всё вырубешь, то кедр сам упадёт* (М.А., в., 2).

К деривационным явлениям относим отклонения от норм словообразования, в том числе образование слов по синонимичной словообразовательной модели, использование вариантных форм деривационных аффиксов и под.: *Вот это соседна* (соседская – DerAff) *правнучка Дашечка; ну, ты мне, на меня посмотри, я ли колдовка* (колдунья – DerAff) *или шаманка* (З.М., н., 3).

На синтаксическом уровне маркируется отклонение от норм литературной письменной речи в выборе форм согласования, управления, порядка слов, синтаксических связей в составе простого и сложного предложения: установление отношений падежного управления и способов его

формального выражения, отклонения от норм согласования по падежу, роду и числу: *...он в казначействе работал, тоже ему (его – SyntGov) должность обязывала иметь высшее образование; вот я туда поступила на седьмой класс (в седьмой класс – SyntPrep) и закончила эту гимназию; Вот есть возможность поехать в Петербург, поступить на магистратуру (в магистратуру – SyntPrep), но опять же вот эти возможностей нет и материальные (этих возможностей материальных – SyntAgrCase) как-то; Потом тыща девятьсот восемьдесят третий э... восемьдесят четвёртом году (в тысяча восемьдесят третьем, в восемьдесят четвёртом году – SyntPrep, SyntGov) начал эта... учиться в школе-интернате номер три Таштагольского Таштаг... Таштагол (в Таштаголе – SyntGov; SyntPrep) до восемнадцать восьмого года... (С.Г., в., 2); всё, боль невыносимый (боль невыносимая – SyntAgrGen) уже...; Это, сам муж тоже говорит, нет, говорит, как, как чужой картошку (чужую картошку – SyntAgrGen) брать; Да, там где-то какой-то Байрам что ли было (Байрам был – SyntAgrGen) (П.Н., с-с., 3); И, э... тут начались всё (началось все – SyntAgrNum) перестройка пошла, и прочее, и прочее.*

При возможности двойственных интерпретаций, как, например, во фрагменте *боль невыносимый* (боль невыносимая – SyntAgrGen) *уже...* – отнесение существительного *боль* к словам мужского рода или согласование, фрагмент аннотировался дважды (*боль* – MorphGen).

Тегом SyntCon маркируется отклонение от норм семантико-синтаксического сочетания, не связанного с грамматическим управлением и согласованием в словосочетании: *И чтобы они были как бы на столе, что (потому что (?)) – SyntCon) они символизируют именно двух молодых людей, которые вот решили соединить, э-э так сказать, свою жизнь (Г.Ф., в., 1).* Тегом SyntSemFunc – отклонения от норм семантико-синтаксического функционирования слов: *...он пришёл, мы с ним досмотрели, э-э, Гарри Поттера и такие (и говорим, спрашиваем (?)) – SyntSemFunc): «А где кот?» (А.В., в., 1); А тётя там тоже взяла хлыст и как вот, знаешь, прямо вот, как русская дама, как как говорится, коня на скаку остановит, как замахнулась на него кнутом, и прямо он аж такой (SyntSemFunc) оторопел, вот; ...и будет демонстративно стоять и смотреть и типа: «Давай, убирай, я сюда не лягу» (Г.Ф., в., 1).*

Семантико-грамматическая неполнота предложения, явление, пограничное с дискурсивным нарушением, где неполнота обусловлена самоперебиванием, *маркируется тегом SyntLess: Ну тот экзамен я сдала – следующий – а зарубежную литературу я тоже пришла... я, я не прочитала*

два произведения; Ну, одна моя мечта – стать преподавателем, пока что она такая... (А.В., в., 1).

К лексическим явлениям относим использование в речи диалектных, просторечных, других региональных межсистемных синонимов, в том числе заимствований из материнских языков. Тег Lex используется в основном варианте и с конкретизациями: LexId, LexSem, LexSemAgr. Основанием маркирования лексемы тегом Lex является отсутствие лексемы в системе русского литературного языка. Заключение об этом выносится на основе данных толковых словарей: отсутствие фиксации в словарях или включение лексемы в словарь с пометами функциональной ограниченности, принадлежности к другим системам (рег., диал., обл., прост., жарг., сленг и т.д.) и фиксация в соответствующих словарях: *Вообще аристократка, то есь если у неё там в стайке (хлеву – Lex) будет как-то грязно, она тоже туда не ляжет* (Г.Ф., в., 1); [И] *Ну, вот у нас в Томске, там у нас, в основном, проживают вот татары.* [P] *Но* (Да – Lex) (П.Н., с-с., 3).

Тэг LexId маркирует идиоматические выражения, не зафиксированные в словарях литературной речи, варианты формы общерусских единиц: *Сноха мне говорит: Ты мне посади, мне, от моей руки не растут* (Н.Н., с., 2); *...потому что, ну, это такое храдное блюдо* (Г.Ф., н-в., 1); *Он с испугу уже не знал, что делать, с испугу закричал, ну, благим криком (благим матом – LexId)* (Г.П., с., 3). Тэгом LexSem отмечается использование общерусского слова в ином значении: *Кропить – это значит, это... как бы... или молоком там брызгаешь, ну, как бы, из ложечки...* (М.А., в., 2); LexSemAgr – нарушение норм лексико-семантического согласования: *Они оттуда и на вертолётке... раньше там в аэро... эропорт был, это, в Спаске, и на это... на вертолётках приезжали* (М.Н., н., 3); *Ну, так получилось, что ему сделали операцию, и у него, ну, неправильно, это, сошлась (срослась – LexSemAgr), ой, эта, кость, вот* (Г.П., с., 3); *Короче, поднимали обороноспособность страны* (А.В., в., 1); *Да, там какие-то соревнования делают...* (соревнования проводят – LexSemAgr) (П.Н., с-с., 3).

При разметке ОРС на лексическом уровне перед авторами встала проблема разграничения лексических заимствований разных типов, являющихся результатом внутри- и межязыковой интерференции и переключения кодов¹. Исследователями ранее было отмечено наличие пограничных,

¹ Резанова З.И. Фрагмент разметки в лингвистическом корпусе RuTuViC. Переключение кода или лексическое заимствования? // Вопросы лексикографии. 2021. № 20. С. 91–104.

переходных явлений между этими процессами, однозначная интерпретация которых практически невозможна. Случаи словоупотребления типа *Всё, мы с ним на лошадь садимся, он меня: «Всё, қызым, поехали, дочь моя, поехали»* (М.А., в., 2) одни исследователи интерпретируют как вид заимствований («заимствования для данного случая» S. Poplack)¹, другие – как вид переключения (инсертационный типа (P. Muysken)², «встроенное слово» (C. Myers-Scotton)³. При этом John M. Lipski в статье 2014 г. особо отмечает, что в настоящее время «существует мало доступной информации о каком-либо типе языкового смешения среди тех, кто не использует язык семейного наследия часто (и даже, возможно, не говорит на нем много лет) и кто не контактирует с носителями родного языка» (перевод наш. – З.П.)⁴. Разнобой в теоретических и практических решениях потребовал разработки и обоснования критериев этого фрагмента аннотирования в корпусе.

Анализ единиц, заимствованных из материнских языков респондентов, показал, что они могут быть рассмотрены как находящиеся на некоей шкале переходов, на которой отдельные единицы могут рассматриваться как ядерные, прототипические для данного типа выделяемых единиц, другие проявляют свойства переходности. Для пометы Lex такие зоны переходов открываются «слева» – в состав полностью освоенной лексики, и «справа» – в сферу переключения кодов. Так, условно на левой границе шкалы находятся лексемы типа *шаман, паитык, кудай*. При этом лексема *шаман*, заимствованная из тунгусо-манчжурских языков, интерпретируется как полностью освоенная в русском языке: имеет полную морфологосинтаксическую парадигму, свободные лексико-семантические связи, переносные значения, функционирует в разных формах и дискурсах русского языка, освоена деривационной системой (*шаманить, шаманство*). Высокий уровень освоенности отражается в отсутствии ограничительных помет в толковых словарях: с пометой «этнолог.» встречается только в словаре под ред. Д.Н. Ушакова, представляющем лексикон первой трети

¹ Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español // Linguistics. 1980. № 18. P. 581–618.

² Muysken P. Bilingual speech: a typology of code-mixing. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. Vol. XVI. 306 p.

³ Myers-Scotton C. Social Motivations for Code-Switching: Evidence from Africa. New York : Oxford University Press, 1993. Vol. XII. 177 p.

⁴ Lipski J.M. Spanish-English code-switching among low-fluency bilinguals: Towards an expanded typology // Sociolinguistic Studies. 2014. Vol. 8, № 1. P. 23–55. doi: 10.1558/sols.v8i1.23

прошлого века¹. В корпусе данное слово дается без тега Lex, в то время как *паиштык* и *кудай* маркируются. Обе лексемы не отмечены в словарях литературного языка, характеризуются фонетической и морфологической освоенностью, имеют свободные лексико-семантические связи: *А я всё время говорю: «Религия – она единая. Бог, вообще – Кудай, он у нас Кудаем называется, у кого-то Кришна, у кого-то Христос, у кого-то там Будда, у кого Аллах, у кого-то Магомед, но Бог, он, все равно един, и религию я всегда сравниваю»* (С.Г., в., 2); *Это я районный паиштык, а в каждом посёлке есь ещё свои паиштыки избранные* (М.А., в., 2). Слово *пайштык* освоено и деривационно – отмечено производное слово *пайштычество*: *Много у нас собиралися, ну, сейчас вот... хочу в этом году уйти с пайштычества* (М.А., в., 2). Таким образом, *пайштык* и *кудай* интерпретируются как единицы, характеризующиеся ограниченностью употребления, но освоенные в системе русского языка, что отличает их от единиц типа *шаман*, с одной стороны, с другой – от иносистемных единиц, появляющихся в речи в механизме переключения кода (маркируются тегом CodeSw).

При представлении вариантов переключения кодов также выделяем ядерные, прототипические единицы, однозначно определяемые, и пограничные. Так, определенно относятся к случаям переключения кодов включения целых фразовых контекстов, например: *...и тут бабушка, короче, мимо проходит, о... и со мной говорит: «Э... эзен-оқ, улуг кижси! (CodeSw)», – ну, это означает «здравствуй, большой человек, ну, великий человек». Я: «Эзен-оқ, құртуйақ! (CodeSw)», – «Здравствуй, бабушка»* (И.А., н-в., 2).

О переключении кодов могут свидетельствовать метатекстовые показатели, в данном фрагменте это реплика *ну, это означает*, а также перевод единицы родного языка респондента на русский язык: *Я рассольник люблю, «ыргэ (CodeSw)», по-шорски* (Н.Н., с., 2).

Однако в качестве основного показателя переключения кодов мы используем фонетический критерий, противопоставляя случаи, когда слово может быть представлено в системе русской фонетики, отражающей механизм субституции: *И собиралися, и это, все старики, шорский кайко'мус (CodeSw), называется* (Г.П., с., 3), что может подчеркиваться показателями намеренного переключения на шорский язык в рассуждениях о шорской культуре, как, например, в следующем фрагменте: *Раньше делали нитки из... из конопли: кендирдең (CodeSw); ...Могли, эта... холст...*

¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.

холст ткать... ткать. Ткань делать, эта... Ну, шорцы знали это, видимо, ну, шорцы знали торгу (CodeSw), – шёлк, ну... материал, э... там украшения, например, всякие. Ну, различные украшения чынча (CodeSw), э... наkostenные украшения – чынча... ..ызырга (CodeSw), – эта... как эта... серьги... Эта... чўстўк (CodeSw), – эта... ..потом чўстўк (CodeSw) (С.Г., в., 2). В уровневой классификации явлений рассматриваем переключение кодов как явление пограничное, переходное между синтаксическим уровнем и дискурсивным.

В качестве дискурсивных явлений в корпусе аннотируются паузы, заполнители пауз, маркеры дискурсивной связности: нелексические вставные звуки; слова-паразиты; различные виды самокоррекции, незавершенные высказывания как самоперебивка (*...Могли, эта... холст... холст ткать... ткать. Ткань делать, эта... Ну, шорцы знали это, видимо, ну, шорцы знали торгу, – шёлк, ну, ...материал, э... там украшения, например, всякие (С.Г., в., 2); Ну просто, видимо, у него настроение испортилось, и он расстроился, и просто череда несдач, просто передо мной два человека, они не сдали, я не сдала, после меня ещё человек не сдал, это просто не знаю, хотя перед нами люди отвечали точно так же, как и мы, плохо разбирались в своём материале, в своём вопросе плохо разбирались; У нас на филологическом факультете есть «Русский как иностранный», тоже как бы преподавание, можно... (А.В., в., 1).*

2.2. Метаразметка в корпусе

Метаразметка определяет структуру корпуса, помогает контролировать его наполняемость (репрезентативность и сбалансированность). При формировании параметров метаразметки мы также следовали принятым в корпусной практике принципам соответствия цели и полноты, определяемой относительно цели. По отношению к большим национальным корпусам, в частности Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), метаразметка корпуса устной речи билингов отличается, с одной стороны, существенной редукцией, с другой стороны, введением дополнительных параметров. Как известно, метаразметка в НКРЯ включает 25 параметров, которые распределяются по трем группам: информация об авторе текста, информация о тексте и служебная информация. Значительное количество параметров метаразметки в НКРЯ мотивировано стремлением авторов соответствовать принципу полноты дискурсивных и жанровых форм репрезентации текстов в корпусе, что потребовало введения широкого спектра

признаков при параметризации устных и письменных текстов разной дискурсивной отнесенности и жанровой природы.

В представляемом устном корпусе речи билингов ограничение жанров определяет и ограничение признаков текстов, включаемых в метаразметку. Необходимость же отражения явлений интерферентных проявлений межъязыкового взаимодействия в корпусе обуславливает введение маркирования социолингвистических и психолингвистических факторов, их определяющих. Вследствие этого метаразметка включает не только типичную для большинства корпусов информацию об авторах текстов (дата рождения, пол, образование, социальное положение), но также информацию о языках, которыми владеет автор текста, и их функциональном соотношении.

При метаразметке корпуса мы опирались на данные представленных в первой главе анкет, однако при этом были использованы только основные параметры, определяющие существенные аспекты взаимодействия языков в когнитивной и коммуникативной системе респондентов-билингвов. Фиксировались признаки: является ли русский язык родным (материнским) vs неродным; используется ли в период записи текста в разных формах коммуникации (активный vs пассивный); порядок усвоения языка (первый vs второй); сфера преимущественного использования (письменная vs устная; бытовая vs официальная vs эстетическая vs другие). По тем же параметрам оцениваются другие языки речевых практик билингва (полилингва).

Отметим, что через единую систему ID (идентификационных номеров информантов) пользователь корпуса при необходимости может получить доступ к расширенному составу информации, отраженному в социолингвистической базе данных. Доступ к данным о фамилии, имени, отчестве респондентов открыты только в качестве служебной информации, в пользовательской системе они представлены в закодированном виде.

При выработке направлений лингвистической квалификации текстовых фрагментов в корпусе мы ориентировались на принципы теоретической нейтральности, соотнося свои решения при характеристике текстов, их разновидностей и фрагментов с имеющимися в академической традиции интерпретациями.

Наиболее общий признак параметризации – тип коммуникации. В корпусе противопоставляются монолог, диалог, полилог. Характерная черта монологической речи – коммуникативная активность одного из участников общения, не рассчитанная на реакцию слушателя в варианте ответных

реплик. Как монологи в корпусе (тег SMon) маркируются значительные по размеру отрезки речи информанта, состоящие из структурно и содержательно связанных между собой высказываний. Такие речевые произведения могут прерываться репликами интервьюера (реже другими собеседниками), которые не нарушают коммуникативного доминирования говорящего. Как правило, такие реплики функционально направлены на поддержку или уточнение интенций говорящего. Чаще всего это одиночные междометия, но также могут быть развернутые выражения поддержки, согласия с содержанием речи (реже – выражающие сомнение), краткие уточняющие вопросы.

Диалогическая речь, обмен репликами между двумя лицами, характеризуется сменой активных коммуникативных позиций двух участников коммуникации. Реплика – это формально-структурная единица диалога, фрагмент дискурса одного говорящего, отграниченный речью другого участника коммуникации. В текстах корпуса количественно преобладают варианты диалога с коммуникативным доминированием интервьюера, задающим вопросы, определяющим содержательное развитие общения. Респондент непосредственно движется в развитии темы по траектории, заданной интервьюером.

[И] А раньше где и кем Вы работали?

[Р] *Ну, вообще я музыкальный работник в детском саду. Это, всю жизнь тут проработала. Сорок один год, в общем-то, я проработала. Музыкальным работником в детском саду.*

[И] Угу. Интересно. Ну да, с детьми – это, конечно...

[Р] *Ну, ну в общем-то, мне интересно, нравится, но, к сожалению, колени болят, поэтому я ...*

[И] Сложно, конечно.

[Р] *ушла. Тока в ансамбль оставила, ансамбль оставила.*

[И] Ага. А в ансамбле Вы давно?

[Р] *С самого начала.*

[И] С самого начала – это сколько лет?

[Р] *Двадцать восемь.*

[И] Ах! Ничего себе, такой уже возраст солидный у Вашего ансамбля.

[Р] *Да, стаж уже... Возраст, ага, солидный (З.И., с., 2).*

В других вариантах интервьюер включает в обсуждение заданного им вопроса и также принимает участие в обсуждении темы или респондент задает ответный вопрос интервьюеру, также возможно высказывание мнений участников диалога относительно темы.

Полилоги в корпусе количественно значительно уступают диалогам и монологической речи, что во многом определяется характером сбора материала для корпуса. Тегом SPoly маркируется обмен репликами между тремя и более лицами. Полилог характеризуется сменой реплик активных участников диалога, и слушающего (третьего, четвертого и т.д.), участников коммуникации, функции которых могут меняться, задавая новые направления развития темы. В качестве участников полилогов могут быть интервьюер и несколько респондентов или два интервьюера, разговаривающих с респондентом, возможны и их комбинации.

[И1] По всем скучаете? «Этот язык очень выразительный?»

[Р] *Мне кажется, честно, все языки: русский... У каждого языка есть свои, эти, так скажем, свои особенности, своя привлекательность.*

[И1] Ну да, каждый по-своему.

[И2] Можно я вот спрошу? Мне просто интересно, как бы, так как это связано с моей темой по поводу средств выразительности. Вот я уже у Марии Ахрановны сегодня спрашивала: есть ли в шорском языке какие-то такие суффиксы, которые соответствуют русским уменьшительно-ласкательным суффиксам? Например, стол-столик.

[Р] *А, да, у нас есть, есть, получается, тоже «чак», там тоже уменьшительно-ласкательный, да, есть у нас такие.*

[И2] А вот они так, ну... с такой же, скажем... ну, в русском это очень продуктивно, да, используется, часто говорим, то есть, стол-столик, ребенок-ребёночек, книжечка и так далее. Насколько часто используются в шорском языке такие суффиксы?

[Р] *Ой...*

[И2] Ну, вот по Вашему мнению?

[Р] *По моему мнению? Также часто, да, потому что как бы, это, ну, тоже, так сказать, часто. Часто. Часто.*

[И1] Ну да, потому что часто, да...

[Р] *Да, также, да, мы своих детей называем уменьшительно-ласкательными словами. Мы же все люди, у нас тоже... любим мы детей там как-то... приласкать.*

[И1] Ну, даже про свою одноклассницу, да, Вы сказали не шорка, а шорочка.

[Р] *Да, да. Ну, вот так.*

[И2] Шорянка.

[Р] *Ну, шорянка говорим, шорочка, вот так.*

[И2] А вот если сравнивать тоже, допустим, с русским языком. В русском языке опять же их тоже большое количество.

[Р] Да (Э.Н., в., 1).

На следующем уровне конкретизации в принятой системе метаразметки речевые практики квалифицируются по их отнесенности к **типам дискурсов**. В соответствии с широко распространенной в российских дискурсивных исследованиях практикой противопоставляются институциональный и персональный (личностный) дискурсы¹, определяемые как типы речевых практик, обусловленных в своем осуществлении особенностями конститутивных параметров коммуникативного акта (цель, тип коммуникантов, социальный психологический контекст). В институциональном дискурсе один или оба коммуниканта участвуют в общении как представители социальных институтов, что обуславливает значительную степень дистанцирования коммуникантов, нежели в личностных дискурсах. Формальная структура институциональных дискурсов часто подчиняется регламенту общения, следует жанровым шаблонам.

В персональном дискурсе коммуниканты выступают как личности, индивидуальности, связанные с многими социальными институтами, но в данном случае не выступающие как их «рупоры». Личностные дискурсы характеризуются многообразием, разнообразием речевых структур, обращением к бытовой тематике. Так как в корпусе преобладают записи официальных интервью, ведущихся в целях научного исследования, о чем интервьюер обязан предупредить информанта, диалогическое общение в корпусе нередко начинается в логике институционального дискурса (маркируется тегом DInst).

[И] Ага, и по национальности Вы, получается, шорка?

[И] Угу! Хорошо. В каком году Вы родились?

[Р] Это, тысяча девятьсот пият шестой.

[Р] Шорский, да.

[Р] В принципе, я им владею.

[И] Угу! Теперь немножко про Ваших родителей поговорим. Фамилия, имя, отчество.

[Р] Отца – {называет фамилию, имя и отчество} ...Иван Николаевич, господи, это у меня брат. {называет фамилию, имя и отчество}

[И] Ага, а он откуда был родом?

[Р] Он из Кизиса.

[И] Кизис... а это что, посёлок?

---

¹ Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

[Р] *Да, посёлок. Раньше там он большой был, там и, как говорится, и магазины, и клуб, я помню, и школа – всё было. А потом всё это быстро с годами исчезло, и там щас нэрно четыре, по-моему, домика осталось всего лишь* (З.И., с., 2).

Однако в ходе развертывания диалога коммуниканты могут перемещаться в позиции личностного общения, чему может способствовать совпадение возраста и социальных позиций интервьюера и респондента, повторные встречи и т.п. Участники общения перестраивают коммуникацию в логике персонального дискурса, с его многообразием и разнообразием речевых структур. В результате коммуниканты переключаются с жанра интервью на жанры персонального общения – беседу, неформальный разговор (тег DPers).

[И] Расскажи, пожалуйста, ээ какой ты себя видишь через пять лет.

[Р] *Ой... через пять лет скоко мне будет-то уже? Мне будет почти тридцать.*

[И] Двадцать девять.

[Р] *Ну, почти тридцать. Даже страшно представить, как я буду там выглядеть уже, потому что, не знаю, ну, конечно, хочется себя видеть там успешной, что я там найду нормальную, высокооплачиваемую работу, что я буду уже замужем, может быть, уже и ребёнка рожу к тому времени и буду уже не в Томске, вот А ты себя как представляешь?*

[И] Ой, вот я тебе задала вопрос, а сама не задумывалась, но я планирую через год вот этот переехать из Томска в тёплые края, меня пригласили в аспирантуру в российско-армянский университет на бюджет, вот, в Ереване в центре.

[Р] *Ничего себе!*

[И] Поэтому я не знаю. Но мой отец сказал: «Где я, там и моя дочка», – но у меня есть два выхода: либо переезд семьёй, либо выйти замуж. Ну, выйти замуж, честно, я бы за, хоть

[Р] *Да!*

[И] Это наболевший вопрос, мне кажется, для каждой томской девушки.

[Р] *Девушки, да.* (Г.Ф., в., 1)

Типы дискурсов характеризуются реализуемыми в них речевыми жанрами. И так, на следующем уровне конкретизации речевые практики квалифицируются в метаразметке по их отнесенности к речевым жанрам. Термин «речевой жанр» применяется авторами корпуса в соответствии с устоявшейся в российском жанроведении традицией, заложенной М. Бахтиным¹.

---

¹ Бахтин М.М. // Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.

В корпусе в связи с особенностями сбора материала набор речевых жанров ограничен, различна и их представленность, количественное доминирование.

Институциональный дискурс представлен в корпусе преимущественно диалогическим жанром **интервью**. Доминирует вариант жанра, определяемого общением интервьюера (исследователь или его полномочный представитель) и информанта, как правило, не владеющего жанровыми нормами; однако коммуникативное доминирование интервьюера способствует устойчивости жанровой формы. Как отмечалось, жанры институциональных дискурсов характеризуются значительной степенью формализации, формальным и содержательным структурированием. В корпусе представлены разные варианты формальной регламентированности интервью:

- формализованное (стандартизованное), при котором интервьюер последовательно задает вопросы анкеты и получает краткие, тематически полностью соотносящиеся с вопросами ответы;

- полужформализованное (полуструктурированное, полустандартизованное), где порядок вопросов и их формулировки могут меняться в течение разговора, исследователь придерживается структуры опросника, но переформулирует вопросы, уточняет их;

- неформализованное (неструктурированное, открытое), при проведении которого интервьюер только в целом ориентируется на вопросы анкет, но часто отвлекается, задаёт уточняющие вопросы, ассоциативно обращается к другим темам, отвлекаясь от вопросов анкеты. Этот вариант интервью может рассматриваться как переход к другим жанрам – разговору и беседе.

Разговор и беседа – жанры, которые могут реализоваться и в институциональных, и личностных дискурсах, однако преимущественная сфера их представленности в корпусе – персональные дискурсы. Оба жанра принадлежат диалогическому типу речи, их содержанием является обмен информацией о положении дел в мире или выражение отношения к миру собеседниками. Различаются жанры по преимущественной целевой направленности.

Целеполагание разговора (тег GConv) находится прежде всего в сфере получения информации, беседа (тег GTalk) – обмена мнениями.

В корпусе абсолютно доминирует информативный **разговор**. Информативный разговор коммуникативно асимметричен, роль лидера, участника, направляющего ход разговора, играет спрашивающий, разговор

структурируется в соответствии с его основным мотивом – заинтересованности получить нужную информацию. В корпусе данную роль выполняет интервьюер, роль «ведомого» – «участник, владеющий знаниями», респондент. Вопросные реплики перемежаются с ответами различной протяженности, уточняющими вопросами и т.д. Для разговора как жанра характерна ориентации на одну тему, однако в корпусе одна запись может включать разговоры на разные темы, инициируемые интервьюером.

В коммуникативном фокусе **беседы** находится обмен мнениями, выражение точки зрения, сведений, как правило, имеющими личностную направленность, установление или поддержание личностных отношений с партнером по коммуникации. В связи с данной интенцией – обмен мнением – беседа более симметрична в аспекте активности участников, респондент из позиции отвечающего перемещается в позицию равноправного участника диалога. В корпусе переход от жанра разговора к жанру беседы маркируется тем, что респондент начинает в ответ задавать вопросы интервьюеру. Беседа отличается от разговора и большим количеством оценочных суждений, как по отношению к теме, так и для выражения положительного отношения к собеседнику. От разговора беседа также отличается более частой сменой тем. Приведем пример фрагмента беседы.

[Р] *То есть я, так сказать, позиционирую себя тоже как деревенской девочкой то есть, я знаю, как это всё делается, как это всё происходит, как это – жить в деревне, то есть пить там парное молочко, вот, яйца собирать: так по сарайчику ходишь, собираешь. То есть, тоже есть девочки городские, которые, так зайдут в сарай, скажут: «Ой! Как тут у вас плохо пахнет!». Я говорю: «А чем должно пахнуть в сарае?» вот.*

[И] Нет, я тоже городской ребёнок, я далека от всего деревенского, но как бы логика у меня есть.

[Р] *Ну, да, вот. То есть, шас знаешь, даже передачи такие идут, что наоборот городские девочки, когда они никогда которые не видели там ни баранов, ни какой-то там такой деревенской живности, их переселяют в деревню, а горо... а деревенских наоборот в город. И тоже так забавно смотреть, как, вот, там эти барышни,*

[Р] *да-да!*

[И] Барышня-крестьянка.

[Р] *Барышня-крестьянка, вот, называют барышня-крестьянка, вще так забавно смотреть.*

[Р] *Да-да!*

[И] Да, мне тоже интересно, тем более, они ещё в такие города едут, по Украине они покатались, это очень интересно, с акцентом когда девушки ещё разговаривают. Ну, русская речь на украинскую более-менее похожа, и поэтому похоже, поэтому какие-то общие слова есть и достаточно интересная передача. Особенно, когда они приезжают на каблуках в деревню.

[Р] *Да-да-да!*

[И] Что вообще происходит.

[Р] *Да! и когда знаешь, им же ещё там разные эти задания дают, то есть, какие-то там нужно выполнить, например, корову подоить. И когда вот эта вот барышня идёт на каблуках доить корову и не знает, с какой стороны к ней подойти, а она же ещё тоже, корова-то, скажет: «Чё это ко мне подошла какая-то барышня?» Как, вообще тоже так смешно на... наблюдать за этим, вот.*

[И] Ну, так к теперь к вопросу, как подойти к корове?

[Р] *Подойти к корове?*

[И] С какой стороны?

[Р] *Главное, не за хвост.*

[И] Вот, уже хорошо, за хвост нельзя, ладно. Давай, мы сейчас с тобой находимся в передаче «Барышня-крестьянка», меня – в деревню, тебя – в город. Вот дай мне пару советов.

[Р] *Так, ну, каких пару советов. Например, если, ну, тоже разные коровы бывают. Например, вот, у нас была спокойная раньше корова, щас у нас такая корова, что вот у нас доит, например, только моя тётя, то есть, если я, например, подойду, она будет ногой постоянно махать и никакого молока от неё не добиться, потому что она вот так будет кругами ходить, ходить и... и всё. Этим всё и закончится. Вот. У нас такая тоже корова, вот, знаешь, ей, например, если в грязное ведро чё-нибудь положишь, она оттуда пить не будет, если, например, сено там будет засохшее какое-нибудь или пахнуть тоже будет не очень – тоже есть это не будет.*

[И] Аристократка.

[Р] *Вообще аристократка, то есть если у неё там в стайке будет как-то грязно, она тоже туда не ляжет и будет демонстративно стоять и смотреть и типа: «Давай, убирай, я сюда не лягу». Я говорю, тоже они с характером есть, разные, а есть, которым всё равно, кто там доит, с какой там стороны к тебе подошли, вот. Также, какая-то у нас тема пошла, сельская.*

[И] Пять советов о деревенской жизни. А ну-ка!

[Р] *Пять советов? Ох... каких пять советов? Как к корове подойти?*

[И] Ну, например, хотя бы.

[Р] *Первое – нь... не хватать за хвост, второе – чё ещё? Когда э-э-э играешься с маленьким бычком, то есть, никогда его не надо за рога там вот как-то чесать, за вот темечко его не надо чесать, потому что потом он вырастет и будет бодаться, потом плохо будет тебе от этого, вот. Потом чё ещё, какие дать советы? Ох!*

[И] Ну, в деревню приезжаешь, что нельзя делать и что можно делать?

[Р] *По огороду там бегать везде, повсюду, по всяким грядкам тоже нельзя бегать, что же ещё* (Г.Ф., в., 1).

Монологический тип речи в корпусе представлен жанрами рассказа, истории и описания. Это информативные речевые жанры, их основная цель – информирование собеседника о чем-либо. Отличает их ограниченность типа информации и направленность информирования, связь модулем, характер информирования.

Рассказ – жанр, который характеризуется наименьшими содержательными ограничениями. Его цель – информативная, рассказчик информирует о событиях, фактах, которые произошли с ним или кем-либо другим. Темой рассказа могут быть любые события, факты, но одна макротема объединяет рассказ, обеспечивая целостность передаваемой информации, связность отдельных фрагментов. Это макрожанр, который может включать реплики собеседников, элементарные жанры, выражающие мнения, оценки и т.п.

[И] Расскажите про татарский центр.

[Р] *Про татарский центр?*

[И] Вы там работаете?

[Р] *Нет, я там не работаю. Я там участвую в клубных формированиях, так называемых. Ну, шт... шт... так. Вот дат я сейчас просто не помню – в каком году, но я знаю, что в начале в этом здании, до того как э-э... во время советской власти, во вр... время с... с... Советского Союза, там в начале был «Детский дом номер девять». До какого года я точно тоже тоже не помню уже, вот... э-э-э... Потом там была томская реставрация. И вот уже после томской реставрации м... общественные, так скажем, деятели нашего наро... народа так... ну это, это очень высоко сказано, ну просто ак... активисты, которые желали, чтобы что-то у нас было свое. Короче, добивались, чтобы это здание передали и органи... организовалась, организовался такой центр. Там он имел какие-то разные названия: «Туганлок[r1], по-моему, или еще что-то такое... ээ... мм... в том числе мой супруг... Они ходили по разным инстанциям, они*

разговаривали, там, к руководству городом: (и так далее. И это здание отдали центру. Вот он... вот так, так он и образовался – центр татарской культуры. Ну естественно, там какой-то ремонт был и так далее. Вот. И первым руководителем, директором центра, не рук... рук, ну, можно сказать, руководителем, был мм... Абдорошилтов Юсуп Якубович. Вот. Ну, Юсуна Якубовича я знаю с шестнадцати лет, вернее ээ... дело в том, что мой супруг в свое время в тысяча девятьсот, где-то, семидесятом годах организовал татарскую самодеятельность.

[И] Угу.

[Р] *Да. И мы ездили по деревням, ставили концерты на татарском языке, нас хорошо принимали, нас везде ждали, потому что аа в то время, в то время к нам изредка, может быть, раз в год приезжали артисты из Татарстана – если приезжали, и тогда, вот... Вот, знаете... Вы точичка?*

[И] Н...

[Р] *А, ну тогда, наверно, не знаете. Н... на проспекте Ленина есть такое здание, сейчас оно в непонятном состоянии: не то ремонт, не то ремонта нет, не то всё это зависло – нет, и ни кому принадлежит тоже непонятно. Было здание «Дом офицеров». Красивейшее здание. Внутри была такая лепнина, такие красивые эти м... м... все было... Ну, потом был пер... какой-то период, в это время возник, когда все упрощалось: лепнину ту содрали, сделали современный потолок, там чё-то такое, короче, ну вот так вот, вот, в здании, в этом здании, был зал, хороший большой концертный, типа концертного зала. Ну, конечно, не такой, как сейчас, концертный зал. Ну, и вот он был всегда битком набит, когда вот приезжали артисты с Татарстана. И, поскольку у нас тогда это достаточно редкость была, вот, мы: муж со своим братом, органы... организовали эту самодеятельность. И вот ээ... первый директор татарского центра пришел в нашу эту самодеятельность в возрасте шестнадцати лет. Да, там было много... вот та дама, которая вам дала мой телефон, она тоже в этом возрасте пришла к нам (Г.Н., в., 2).*

История – жанр монологического типа речи, однако в материалах корпуса представлены небольшие по объему истории, включенные в диалог. Важной прагматической установкой коммуникации в данной жанровой форме является обращение к феномену памяти: история – это рассказ о событиях, произошедших в прошлом, часто в сопоставления с настоящим, нередко – для подчеркивания значимости полученного рассказчиком опыта. Поэтому история часто включает подведение смыслового

итога, резюме, сопоставление с оценкой современных событий и фактов. Это также макрожанр, потенциально открытый к включению в качестве элементарных жанров реплик собеседников, создающих тематическую фрагментарность, ассоциативные отступления от основной темы. Приведем пример.

Был такой случай, он пошёл на охоту, ставил капканы на барсуков. Пришёл он проверять капкан, и медведь пришёл в это же время. А, ну, он, естественно, с ружьём ходил. Он, когда увидел медведя, хотел его пристрелить, у него осечка получилась. Ну, он выстрелил, то есть, у него, ну, не смог. И медведь его начал грызть, грызть начал ему ногу. Он с испугу уже не знал, что делать, с испугу закричал, ну, благим криком. И медведь его отпустил и убежал. Убежал. Дед в шоке, весь в это, в крови. Он кое-как дополз до речки, до Томи, вот. Ну а там он упал уже без сознания, его уже нашли там другие, вот. Увезли в больницу. Лежал в Новокузнецке. Ну, так получилось, что ему сделали операцию, и у него, ну, неправильно, это, сошла, ой, эта, кость, вот. И он до, ну, до последних дней своих, всё на костылях ходил (Г.П., с., 3).

Целью **описания** является, в соответствии с именем жанра – характеристика, всесторонняя квалификация некоего события, факта и т.п., также реализуется как макрожанр – краткие реплики собеседников, не прерывающие тематического единства, направленные на поддержку говорящего, уточнение аспектов описания и оценки сказанного.

Тематическое членение текстов корпуса в существующих корпусах представлено весьма широким спектром конкретных решений. Характеризуя принятые авторами проекта направления тематического членения, отметим дискурсивно-жанровое своеобразие материала корпуса. Тексты корпуса – это записи прежде всего диалогов интервьюеров и респондентов. При этом, как было отмечено, в жанровом отношении эти диалоги представляют собой сочетание формализованных и полуформализованных интервью, которые могут трансформироваться в жанры разговора и свободной беседы. Диалогические формы коммуникации интервьюеров и респондентов также могут сменяться достаточно значительными монологами респондентов, которые затем снова перетекают в диалогические и полилогические формы речи. Вследствие этого тематическое членение речи в некоторых случаях задается вопросами интервьюера, однако собеседник может отвлечься от ответа на вопрос и начать развивать новую тему, сменить тему неоднократно. Вследствие этого разработчики корпуса при выделении тем опирались на вопросы интервьюера, но решение выносилось

на основании текстологического анализа – приемов тема-рематического анализа, выделения микротем и их обобщения. Общая структура выделяемых в корпусе тем также сложилась эмпирически, но при этом она имеет глубинное содержательное основание оппозиций.

Первое противопоставление: **темы** диалогических и монологических **нарративов** vs ограниченный набор тем, вводимых репликами собеседника, являющихся **реакциями на особенности внешних условий протекания диалога**. Последняя, весьма незначительная по объему группа, маркируется тегом TCurrent situation. Так, например, диалог информантом записывается в кабинете, ответы на вопросы интервьюера информант прерывает предложением выпить чай.

[Р] *Папа родился у меня... мама родилась у меня второго апреля тыща девятьсот тридцать шестого года, и умерла она у меня двенадцатого октября две тыщи (тысячи) двенадцатого года.*

Держите... #подает чай#. Вот, пожалуйста.

[И] А мы будем пить и писать, спасибо Вам.

[Р] *Счас я вам... шоколад ещё достану... Слайсы ещё есть. Будете?*

[И] Слайсы?

[Р] *Ну, там попить...*

И далее интервьюер продолжает задавать вопросы респонденту, направленные на активизацию его самохарактеристики.

[И] А Вы на здоровом питании?

[Р] *Я на здоровом питании. Я с две... с семнадцатого апреля вот по сегодняшней день на двадцать четыре килограмма похудел, и поверьте, посмотрите: видите – вот ремень, я его выбросил.*

[И] О-о-о! Вот. Мы тоже посмот...

[Р] *И в этом году, вот шестнадцатого апреля я серьезно, серьезно занялся здоровьем. Почему? Потому что я в больнице лежал, тут у меня не очень хорошее положение...: снимали меня, пытались.*

[И] Что значит – снимали?

[Р] *Ну, новый хотел снять... девочку хотели они здесь поставить, но не получилось, я б, конечно, давно... (И.А., н-в., 2).*

Основная группа тем диалогических и монологических нарративов делится на две подгруппы, которые были разделены на основании отражательной и интерпретационной направленности. Мы их назвали **мир VS мнения о мире**. Вторая подгруппа представлена двумя вариантами, маркированными тегами [TOpinion] и [TOpinion exchange].

Тэг [TOpinion] маркирует развернутые выражения мнений одним из собеседников.

[И] А как Вы считаете, вот Вам для жизни какие из этих языков необходимы? И зачем, почему?

[Р] *Ну, шорский – это точно, потому что это язык моего народа, вот, его надо знать. Конечно, печально, что так всё у нас получилось, что многое потеряно, так скажем, вот. Ну, надо что-то делать, хоть что-то, что осталось.*

[И] Конечно.

[Р] *Вот, то есть, надо сохранять и приумножать по возможности. Английский, английский – это обязательный, потому что весь мир у нас говорит на английском. Китайский на данный момент – я тоже считаю, что это нужный язык, в будущем пригодится. Потому что они будут, так скажем, везде уже, везде, вот поэтому нужен китайский язык. Ну, какие ещё языки, это, какие ещё распространенные...? Испанский тоже. Латинская Америка вся на нём разговаривает, Европа.*

Тэг [TOpinion exchange] маркирует фрагмент диалога, в котором собеседники обмениваются оценками явлений, предметов, которые были содержанием предшествующих тем общения.

[Р] *А ты любишь готовить?*

[И] Да. А ты?

[Р] *Ну, так, знаешь, не то чтобы прям это моё хобби, но готовлю. А ты какие блюда любишь готовить?*

[И] Ну, я готовлю, знаешь, моя мама мне в детстве говорила то, что в доме должна быть одна хозяйка, две хозяйки быть не может,

[И] Поэтому, исходя из этого, дома готовит мама, но я готовлю тогда, когда я хочу, ты знаешь, вдохновение, какие-то высшие силы мне являются.

[Р] *Да-да-да!*

[И] Ещё чё-то.

[Р] *А так, что ещё, чтобы каждый день тоже ведь у плиты стоять* (Г.Ф., в., 1).

Группа тем, которую мы назвали **мир**, распадается на подгруппы – **события vs человек vs среда жизни человека** (физическая и ментальная, духовная).

Мы выделяем три типа тем, относимых к подгруппе события: **период жизни, событие в жизни и факт**. Соотнесенные теги маркируют темы, содержанием которых является событийный ряд, отличительными – различный уровень конкретизации.

Тегом TPeriod of life в корпусе маркируются рассказы, в которых отражен событийный ряд некоторого периода жизни информанта, сами события характеризуются обобщенно, по каким-то важным чертам.

[Р] *Вообще я когда училась в школе, всю жизнь я хотела стать врачом. Вообще я хотела стать хирургом. В девятом классе, когда нам сказали, что нужно вот выбирать предметы, у нас будут профили, нужно определяться, я полгода вообще готовилась к биолого-химическому, я учила химию, учила биологию, но что-то у меня в мозгах случилось, и после нового года я решила, что мне нужно на филологический. Я начала готовиться к английскому языку, учила его усиленно, и в итоге поступила на филологический профиль. И десятый-одиннадцатый класс я вот училась в этом профиле, у нас было больше русского языка, меньше математики, дополнительно нам немецкий язык даже ввели. Ну какие-то такие предметы у нас были, которых не было у других классов. Вот я мечтала теперь стать переводчиком, вот шла к этой цели, даже сдавала ЕГЭ, вот по английскому, по истории специальность сдавала, чтобы поступить на такую специальность. Ну и на всякий случай сдала литературу, ну, литературу я всегда любила, у меня были хорошие результаты всегда на каких-то олимпиадах и... ну, просто так сдала литературу. Лучшие всего, кстати, больше всего баллов по литературе, чем по другим предметам. Вот, ну и подала документы везде, ну где куда могла бы поступить. И в Томск я просто так подала, если честно (А.В., в., 1).*

Тегом TEvent in life маркируется тематическое объединение конкретных событий – свадьба, развод, рождение детей, встречи с детьми, внуками, поездки. Рассказчик характеризует событие, особенности его протекания, участников, не сосредоточиваясь на подробной характеристике какого-либо компонента или обстоятельства события.

[И] А как давно ты была в Татарстане?

[Р] *Я была в четырнадцатом году на Всемирном форуме в Казани, вот, вообще, мне там очень понравилось, то есть, организация была очень хорошая и через каждые два года там проходит Всемирный форум. То есть, как он проходит? Там собираются разные люди, то есть, конечно же, татары из разных уголков мира, то есть, там и татары из Китая, из Канады, из Австралии, то есть отовсюду, и каждый со своей там презентацией, то есть, даже показывали, как Сабантуй происходит в Австралии. То есть, это там прям вот, смотришь так, и... и не знаю, такое ощущение, что вот они одели там на себя там тюбетеечки там разные, там флаг несут. Знаешь, ещё так душу греет, что в какой-то там*

стране, которая, там за океаном находится, и то там происходят Сабантуи. И прям вот очень так приятно это всё видеть, а также там всякие разные дискуссии, там всякие даже по вечерам там дискотеки проходили, чтобы так сказать, сблизить, там, молодёжь, чтобы все там познакомились друг с другом, там всякие были экскурсии. Экскурсия у нас там самая замечательная была, так скажем в городе вот, Великий Булгары. Это город, вот, созданный в четырнадцатом веке, очень старинный, то есть, нам показывали башни, э-э-э всякие постройки. Там до сих пор, вот ведутся всякие археологические раскопки м-м-м и также там есть большой самый в мире Коран, который весит более восемьсот килограмм, вот, то есть, даже такое там есть. И он такой, знаешь, прям большой весь, украшенный разными драгоценными камнями, то есть он такой, ну, массивный, так смотришь, что первый раз так большой Коран, вот... Потом в Кул-Шариф, то есть, в мечеть у нас тоже была экскурсия, вот, по Казанскому Кремлю, вот. Ну, очень такой хороший форум, который тоже м-м-м вносит свой вклад (Г.Ф., в., 1).

Тегом TFact маркируются краткий рассказ о каком-либо конкретном факте, выступающем характеристикой больших событий. Это могут быть, например, рассказ о нападении петуха при поездке в деревне, ссора на вечеринке и под.

[Р] *У меня даже был такой забавный случай. То есть, я вообще всегда боюсь быков, ты не боишься быков?*

[И] *Я к ним даже не подходила.*

[Р] *Ну, вот, когда мы их пасли, как-то раз чё-то смотрю, на меня бык как-то смотрит не очень так адекватно. Знаешь, я вот иду – он за мной идёт, я начинаю ускоряться – он начинает ускоряться, я уже побежала, смотрю, он за мной бежит. Я всегда думала, что я очень медленно бегаю, но тут я поняла, что я очень быстро бегаю, то есть он прям мной уже бежит, я прям ещё так испугалась тогда, я потеряла все тапочки, я бежала босиком, а там вообще была такая скошенная трава, то есть, по скошенной траве, вообще, ну, больно бежать. Ой, блин так тогда испугалась! Ну, потому что, если забодает, и всё, и капец мне пришёл. А тётя там тоже взяла хлыст и как вот, знаешь, прям вот, как русская дама, как как говорится, коня на скаку остановит, как замахнулась на него кнутом, и прямо он аж такой оторопел, вот, ну, вот такой случай был (Г.Ф., в., 1).*

Следующую группу тем объединяет направленность коммуникации на характеристику человека, прежде всего самого информанта, его окружения, природного и социального. Охарактеризуем темы и принципы их выделения.

В группе **Человек** выделяют три тесно связанные подтемы: характеристика себя, членов семьи и друзей и знакомых.

Тегом TSelf-characterization маркируется самохарактеристика, в фокусе которой – сам рассказчик, его личностные особенности, типовые поступки и т.д. Значительный объем фрагментов текстов этой темы и темы семья определяется тем, что каждое из интервью включало блок вопросов, касающихся информанта и членов его семью, которые зачастую являлись стимулом для весьма объемных рассказов.

[Р] *А, да, я, это, техникум закончила в Навои. Ну, после этого, здесь вот отучилась, в Новокузнецке училась. Ну, училище, а техникум уже, ну, как бы, уже дети были, училась. Вечерний, ну, после работы то есть, ходила там это, в Навои – это в Узбекистане, там закончила (Г.П., с., 3).*

Тегом TFamily маркируется характеристика членов семьи респондента, включая их личностные особенности, типовые поступки, роль в жизни рассказчика и т.д.

[Р] *Говорили. Дед у меня по материнской линии был большой начальник по тем временам, директор магазина...*

[И] Да, по тем временам, даа...

[Р] *...да... но они жили при царе, и-и... потом – при советской власти.*

[И] И владел? Ну, он директор был, не владелец магазина?

[Р] *Нет, он был не владелец, бы...*

[И] А! Управляющий, да?

[Р] *Да нет, тогда уже коммунисты были.*

[И] А вот при царе?

[Р] *А при царе он был просто торгошом.*

[И] А понятно, а Ваша жена?

[Р] *У меня две жены было: а-а... первая жена у меня была э-э щас... она русская.*

[И] А русская была, а вторая?

[Р] *А вторая... щас она...*

[И] Шорка?

[Р] *Вторая – шорка у меня.*

[И] Ага, шорка, а Ваши дети?

[Р] *У меня детей четверо.*

[И] Четверо.

[Р] *Законных.*

[И] А Вы как по национальности их определяете? Вот... когда...

[Р] *Все дети у меня шорцы.*

[И] Шорцы. От двух жён, от первой тоже?

[Р] *У меня от первой жены – трое, от второй жены нету, но у нее сын, которого я считаю, что это мой сын, потому что я его воспитал.*

[И] Да, и все они шорцы?

[Р] *Все они шорцы* (И.А., н-в., 2).

Тег THuman characteristics вводит как отдельную тему характеристики друзей, соседей, коллег, в коммуникативном фокусе также находится человек, его личностные особенности, типовые поступки, роль в жизни рассказчика и т.д.

[Р] *Да. Я там ещё и подрабатывала, вот. Секретарь-делопроизводитель. Нам такой директор попался, участник войны, там... Михалыч, он так наставлял, вот именно наставник хороший был, когда поругает, когда там скажет: «Ну ладно, мм, что, вам сад нужен – будет вам сад». Потом говорит – квартиру, квартиру даже помог он как-то, ну, как-то его город весь знал, и уважали его. Он двадцать шесть лет директором был, до меня, нарна, со мной, ещё, сколько он отработал, вот, такой старенький, высокий, вот. Я его прям, такой наставник попался в жизни, учил, вот, по-настоящему...* (Е.Н., в., 2).

В группе **Среда жизни человека** выделяются следующие темы: образ жизни, природа, социальное окружение, этническая культура.

Тема образ жизни (тэг TMode of life) реализуется как рассказы о бытовых обычных делах: охота, рыбалка, работа по хозяйству. Рассказчик характеризует не отдельное событие, не рассказывает о нем историю, но описывает типовые образцы протекания жизни.

[Р] *Там случаи какие-то были, а-а, скученность большая, ээ, то есь утром построение, э, на завтрак сходили, десять минут дают тебе, тут от все, и-перед работой военно-строительные. Построили на плацу, и командир роты идет, берет у каждого флягу, и выливает.*

[И] А-ах, зачем?

[Р] *Если там вода, семь суток ареста. Там должен быть чай. Ну, карантин...*

[И] Почему чай?

[Р] *А? Почему чай? Ну потому что кипяченая вода.*

[И] Аа.

[Р] *Там карантин, допстим, а-а... воинская часть, батальон, да четыреста человек. Карантин от дизентерии. И закрыто все, огорожено, гарнизон большой, частей двадцать, наэрно. И там, ну, скажем так, радостного мало было.*

[И] Угу, угу.

[Р] *И поэтому, чтобы приучать солдат, то, что надо постоянно пить кипяченую воду, чтобы такого не было, потому что и вред здоровью, и производство страдает. Короче, поднимали обороноспособность страны (А.В., в., 1).*

Тегом TNature environment маркируются тематически единые нарративы об окружающем мире – природе, погоде, описание деревни, городского пространства, бытовых обстоятельств жизни вне социальных аспектов их бытия. В коммуникативном фокусе не событийный ряд, внимание рассказчика, говорящего сосредоточено на окружающих обстоятельствах своей жизни или ее фрагмента.

[Р] *Это у нас здесь степь, да, холмистая идет, а там такая ровная степь идет. Ровная степь. Мм, где-то неделя, дней десять... ландыши, помоему, да, цветут там... Всё. А потом – жёлтая степь. Воду привозили из города (А.Ф., в., 3).*

Тегом TSocial environment маркируются рассказы о различных аспектах социального контекста существования рассказчика в разные периоды жизни, людей, в среде которых в какой-то период жизни информант оказывался.

[Р] *Короче, здесь шахты когда в Прокопьевске, видно, открывались, эти все там же как шахтовый же, шахтерский город-то, вот, и всех оттуда вот с деревней, со всех деревень, видно, собирали и отправляли сюда.*

[И] Угу...

[Р] *Вот они учились, а потом все вот в шахту. Вот так наш дед всю жизнь он так вот в шахте и проработал. Да и всё. Ну а всё, шахты позакрывали, старики которые там работали их уже и в живых-то нету, а остальные на пенсии, а молодежь шибко не идёт в шахту (Г.П., с., 3).*

Тегом TEthnic culture маркируется представление народной культуры, рассказы о праздниках, обычаях; об этносах, этнических языках.

[И] А что это за праздники, может, ты расскажешь?

[Р] *Ну, Ураза Байрам – он праздник вообще как э-э с исторических времён – времён больше такой, жертвоприносящий, то есть, зарезали барана, то есть раздавали бедным, давали садака, то есть как милостыню людям нуждающимся, помогали, вот. Ну, Курбан Байрам – это то же самое почти, только происходит в разное, то есть Ураза Байрам больше осенью, а Курбан вот где-то летом происходит, вот.*

А также есть разные праздники – вот это сабантуй, такой популярный праздник не только у татар, но и у русских тоже, потому что здесь, например, если в Томске говорить то, он происходит, собираются

все, и приходят и русские тоже посмотреть, как это всё происходит, кто выступает, то есть, приглашаются разные коллективы, не только татары, вот. Также там плов, разная национальная выпечка, разные... э-э-э и коллективы, и песни, и танцы так же, и разные национальные игры (Г.Ф., в., 1).

Одним из принципов тематической разметки в корпусе является совмещение тегов, маркирующее объединение тем. Например, рассуждение о разных аспектах этнической культуры может погружаться в описание, характеристику аспектов социального окружения. Так, следующий фрагмент маркируется двумя тегами: [TSocial environment] и [TEthnic culture].

[Р] *Нет... Он же в тридцать девятом году был ликвидирован, шорский язык, его вообще... потом не учили, не вспоминали...*

[И] *Спыхватились.*

[Р] *И его только потом, э-э, как бы, возрождать начали, прям в девяностых годах это, вот.*

[И] *Ну, это вот, э-э, видимо, такой был недосмотр какой-то... государственный, потому что. Вот у нас вот, в Томской области, у нас тоже очень много разных языков, вот... Но нам, может быть, повезло в том плане, что, где-то, вот, во время войны в наш город приехал, э-э, профессор из Москвы или из, э-э, Ленинграда, да, в то время, и он был лингвист, и он прямо стал заниматься очень активно этими языками, и, э-э, вот, селькупским, в частности, например, языком, да. Ну, он не тюркский, он финно-угорский, ну, всё равно...*

[Р] *Да, это уже финно-угорским там...*

[И] *Вот, то есть... и вот эта вот традиция изучения языков у нас, как бы, сохранилась... в то время, хотя их в школе тоже не преподавали... но по крайней мере... поддерживали.*

[Р] *Да, и литература же была, всё, потеряно, не... не это... а потом когда начали восстанавливать, это, как бы, сложнее и сложнее... И раньше и язычники мы были, потом проехали, Вербицкие там... и так далее... И мы стали православными христианами, вот (З.И., с., 2).*

Как было отмечено ранее, диалогическая речь часто характеризуется быстрой сменой тем, содержательно тесно переплетенных, в таком случае выделяется текстовый фрагмент с соотнесенными темами, которые маркируются несколькими тегами, как например, следующий текстовый фрагмент маркируется тремя тематическими тегами ([Self characterization], [TPeriod of life], [TFamily]).

[И] *Угу, всё, в основном, русский, да? Значит, ну получается, что тогда вот в детстве дома вы с родителями говорили только на шорском, да?*

[Р] Да, да, да.

[И] Угу... А вот у Вас были там, допустим, дядя, тётя, там, племянники, вот, сестры, братья? То есть Вы, кроме родителей, да вот, другие родственники?

[Р] Ну, почему, вот... Сестры дети, они, ну, тоже, в основном, по-шорски разговаривают.

[И] В основном по-шорски разговаривают, да?

[Р] Да.

[И] То есть, ну получается, что со своими детьми Вы по-русски разговариваете, да?

[Р] Да. Ну, я могу и по-шорски, но они ответ токо по-русски могут дать.

[И] Понятно.

[Р] Понимать понимают, а говорить-то не могут.

[И] Говорить не могут. Не, ну все равно Вы иногда им что-то по-шорски говорите, да, и они Вас понимают?

[Р] Да.

Следующий фрагмент маркируется двумя из трех: [Self characterization] и [TEthnic culture].

[И] Скажите, а вот, а какие-нибудь... Ну вот, Вы говорите церковные книги, да, там у Вас лежат. То есть, получается, что Вы... Вы к церкви какое-нибудь отношение имеете? То есть ходите, там, в церковь?

[Р] Сёдня ходил.

[И] Ага. А вот какие-то вот шорские национальные какие-нибудь праздники отмечаете?

[Р] Я щас особо нет, это раньше было.

[И] Не отмечаете, да? Ага. Обряды какие-нибудь знаете на шорском?

[Р] Да я, считай, вот, не знаю.

[И] Не знаете, да?

[Р] Ну как, знаю, но я никогда не участвовал. Это при советской власти ещё, вон там готовились вот к такому празднику, и стряпали, и это, и выпивку, всё готовили. А щас... щас... щас пожилых-то не стало. Одни молодые остались.

[И] Ну, а щас вот мне кажется, что всякие разные вот праздники национальные шорские, вот, у Вас, мне кажется, здесь какие-то вот объединения национальные, там танцевальные коллективы, чёто они праздники-то проводят какие-то, да?

[Р] Да, там где-то в Таштаголе проводят.

[И] В Таштаголе вот щас Валентина Карповна рассказывала, в Междуреченске, по-моему, был да, вчера.

[Р] *Да, там где-то какой-то Байрам что ли было.*

[И] Ну, вот у нас в Томске, там у нас в основном проживают вот татары.

[Р] *Но.*

[И] Да, вот у них тоже щас идёт ряд всяких праздников, там сабантуй вот у нас был не так давно. То есть Вы вот в таких праздниках не это, не участвуете? (П.Н., с-с., 3).

Далее интегральная тема этнической культуры представлена говорящим через описание национального праздника, который он посетил, что маркируется сочетанием двух тегов [TFact] и [TEthnic culture].

[Р] *Ну, это, сабантуй – это как, вот, я в Башкирии был, там тоже вот такие праздники отмечали, сабантуй, вот Я уже забыл, вот. Чё-то отсадились и типа там поляна, там собирают все эти, и там все люди*

[И] А что делали во время праздника? Ну, вот что там, вот мы сейчас тоже выходили на сабантуй, ну, у себя там, в Томске, вот. Ну, там они национальную еду готовят...

[Р] *Да, там какие-то соверновения делают...*

[И] Да, там была борьба, какая-то такая интересная, типо сумо...

[Р] *Борются. Кто может сплясать, спеть может. Там и музыка, и это, это – всё как положено.*

[И] А ещё вот на столб лазят. Там, на...на...ставят столб, устанавливают, наверху какие-то призы привязывают, и нужно залезть на столб, чтобы... Вот такое у Вас тоже есть?

[Р] *Ну, тут кода проводы зимы тока делают, столб ставят там, этот столб чем-то мажут, чтоб...*

[И] Да, чтоб сложно было.

[Р] *...скользко было. Там чё-то вешают наверху и лазят.*

[И] Угу. Так... а еще скажите, пожалуйста, если, допустим, вот когда Вы говорите на шорском языке, да...

[Р] *Да.*

[И] ...вот. И присутствуют люди, кто не понимают шорский язык, да. Вы вот...

[Р] *Ну вот, например, вот там несколько человек, некоторые по-рус... по-шорски не понимают, а мы меж собой, этот, по-шорскому, тот может обидеться, скажет: «Чё-то про меня, мол, болтаете, нарно, лишнего» (П.Н., с-с., 3).*

На рис. 13 представлено схематическое отражение внутренней организации тематического пространства в текстах корпуса.

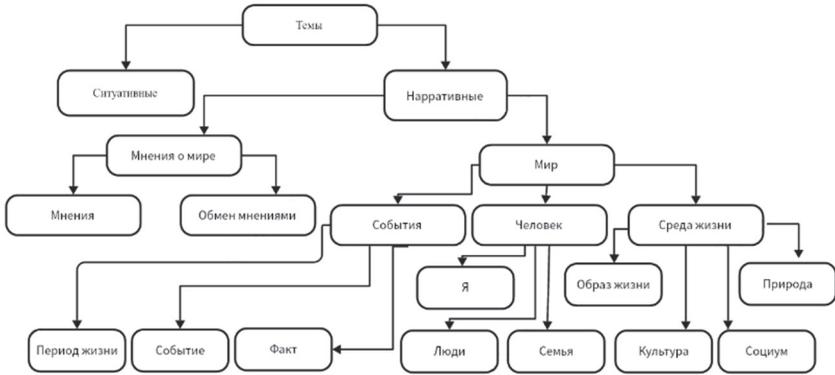

Рис. 13. Схематическое отражение внутренней организации тематического пространства в текстах корпуса

Подводя итоги, отметим, что мы интерпретируем разметку и метаразметку корпуса как начальные, но весьма важные этапы исследовательской модели, результаты применения которой представлены в монографии. Аннотирование по ОРС – это этап сбора информации о диапазоне варьирования единиц всех языковых уровней на определённом участке языковой системы, степени его распространённости как в исследуемой речевой среде в целом, так и в речи отдельных говорящих. Данная «инвентаризация» позволяет поставить вопрос о возможных факторах, влияющих на проявление разных типов ОРС и их вариантов. Метаразметка по типу субъекта речи позволяет в анализе соотнести выявленные ОРС, в том числе обусловленные межъязыковой интерференцией, с социально маркированными группами респондентов, с вариантами их языкового опыта как в период записи речи, так и на протяжении жизни. Текстовая метаразметка является основанием выявления степени влияния функциональных типов речи, их тематики на появление конкретных вариантов ОРС, их частотности в речи респондентов.

2.3. Отклонения от речевого стандарта в русской речи тюркско-русских билингвов

В настоящее время подкорпус, размеченный по отклонениям от речевого стандарта и по описанным ранее тегам метаразметки, включает 40 ч 3 мин звучания, 195 547 словоупотреблений (шорско-русские билингвы – 103 259, татарско-русские – 51 835; хакасско-русские – 40 453 словоупотребления). Представлено 32 аудиозаписи 28 респондентов, среди них носители первых, материнских языков: татарского – 7, хакаского – 6, шорского – 15; имеющие начальное и неполное среднее – 4 (до 9-го класса), среднее и среднее специальное – 6, незаконченное высшее и высшее образование – 18; принадлежащие к возрастным группам: до 35 лет – 5; от 35 до 65 лет – 15; от 65 до 80 лет – 8.

При разметке корпуса фиксировались отклонения от условной нормы, за которую был принят стандарт литературной письменной речи. При попытке выявления интерферентных явлений в составе выявленных ОРС мы столкнулись с проблемой разграничения источников влияний, определяющих появление конкретного варианта ОРС. Под источниками влияний понимаются особенности языковой среды становления и современного существования билингва.

2.3.1. Теоретические основы и методика анализа¹

Одной из теоретических задач при выявлении интерферентных влияний в речевых практиках тюркско-русских билингвов, разрешаемых авторами проекта, была задача разграничения внутриязыковых и межъязыковых влияний на появление в русской речи билингвов ОРС. Интерференция как явление языкового контактирования была определена У. Вайнрайхом, заложившим основы данной теории, следующим образом: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть

---

¹ Данные аспекты поиска методологических решений были представлены ранее в статье: Резанова З.И., Дыбо А.В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195–211; Резанова З.И., Дыбо А.В. Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // Русин. 2020. № 62. С. 144–158.

вследствие языкового контакта»¹. Данное явление исследуется уже длительное время применительно к разным языковым парам, в том числе к ситуациям тюркско-русского языкового взаимодействия. В то же время до сих пор продолжают дискуссии об отнесенности интерференции к речевым или языковым явлениям: некоторые лингвисты полагают, что интерференция – факты языка, элементы, вошедшие в систему контактирующего языка (В.Ю. Розенцвейг², Э. Хауген³ и др.). Другие исследователи считают, что интерференция может проявляться только в речи. Такой позиции придерживается Л.А. Лазаренко, связывающая интерференцию именно с речью, поскольку в самом языке происходит только процесс закрепления уже имеющихся результатов речевой интерференции. Под интерференцией в данном случае автор понимает замену *в речи* билингва элементов одного языка элементами другого языка⁴. Однако, закрепляясь, речевые отклонения входят в систему другого языка посредством узуального распространения. Именно в таком значении использовал этот термин У. Вайнрайх, говоря о вторжении норм языковой системы в пределы другой. В нашем исследовании мы анализируем проявления речевой и языковой интерференции.

Полагаем, что интерференция является сложным языковым феноменом, типологизируемым по разным основаниям, важнейшим из которых является отнесенность результатов межъязыкового взаимодействия к конкретным языковым уровням. Основы данной типологии были заложены уже У. Вайнрайхом, выделявшим лексическую, грамматическую и фонетическую интерференцию. В данной работе мы следуем традиции поуровневого представления явлений в речи билингва.

Следует отметить, что уже Э. Хауген подчеркивал сложность дифференциации собственно интерферентных влияний, сдвигов в системе и норме второго языка, появляющихся под влиянием первого, и отклонений от нормы второго языка, истоки которых могут находиться в нём самом⁵.

---

¹ Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев : Вища шк., 1979. С. 22.

² Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л. : Наука, 1972. 80 с.

³ Хауген Э. Языковой контакт. Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М. : Прогресс, 1972. С. 61–80.

⁴ Лазаренко Л.А. Лексическая интерференция в устной румынской речи на Украине (лингвистический и социолингвистический аспекты) // Моноязычество. 1996. № 2–3. С. 32–38.

⁵ Хауген Э. Языковой контакт... С. 61–80.

Межъязыковые и внутриязыковые интерферентные процессы могут вступать в *интеракции*. Эта идея нашла поддержку в результатах нашего анализа языковых ситуаций в исследуемых регионах. Обращение к дифференциальному представлению языков было обусловлено тем, что основные компоненты несбалансированной ситуации (русский и исследуемые тюркские языки) представлены в речевых практиках билингов в разных вариантах.

Анализ языкового и социального опыта респондентов выявил широкую палитру варьирования уровня образования, характера владения языками, их разговорной и письменной формой. В анализе использовались данные об оценках как языковых ситуаций, так и индивидуального речевого и социального опыта в метаязыковых рефлексиях носителей билингвизма. Уже эти данные явились основаниями предположения о том, что отмеченные в корпусе ОРС могут быть проявлением влияния не только родных языков билингов, но и разных некодифицированных форм русского языка (просторечия, русских народных говоров, устной разговорной формы литературного языка). Вследствие этого анализ интерферентных явлений в речи билингов проводился как основной, но при этом учитывались другие типы языкового взаимодействия, под влиянием которых в речи носителя русского языка появляются отклонения от речевого стандарта. Соотносились нормы подсистем национального языка, так как мы предполагали возможность столкновения норм литературного языка и норм местных говоров (русских сибирских говоров вторичного образования, говорных форм шорского, татарского, хакасского языков) и просторечия.

Основной методический прием, используемый авторами проекта при анализе речевых практик билингов, состоял в соотнесении обнаруженного отклонения от речевого стандарта с нормами литературных языков и частными нормативными системами территориальных и функциональных вариантов соответствующих языков, охарактеризованными в научной литературе.

В сфере нашего внимания в большей мере находились интерферентные явления на грамматическом уровне, морфолого-синтаксические процессы в сфере именных категорий. При этом интерферентные влияния на других уровнях языка в их соотнесении с проявлением влияний функциональных вариантов русского языка также были отмечены и кратко охарактеризованы.

Далее будут представлены подходы к анализу, на основе которых выявлялись разнонаправленные влияния речевого контекста на появление ОРС разных типов, проявляющихся на всех уровнях языка. Разработанная

схема анализа представлена в аналитических процедурах, примененных к материалу шорско-русского билингвизма.

Нами выявлялись 1) языковые нормы и активные тенденции в их современной динамике на всех уровнях литературного русского и шорского языков; 2) нормы территориальных вариантов языков (русские сибирские говоры вторичного образования и два в значительной степени различающихся диалекта шорского языка – мрасский и кондомский; 3) нормы устной разговорной спонтанной коммуникации; 4) частные дискурсивные и жанровые коммуникативные нормы.

Далее мы охарактеризуем данные, на основе которых выносилось суждение о типе конситуативного влияния, являющегося возможной основой появления конкретных ОРС: устная разговорная речь, диалектно-просторечный вариант реализации русского языка, влияние материнских языков, и приведем примеры ОРС, выявленные в такой логике, с учетом их принадлежности разным уровням языка.

2.3.2. Внутряязыковая и межъязыковая интерференция

2.3.2.1. Внутрисистемное влияние норм устной коммуникации

Часть отклонений от речевого стандарта определяется устным характером речи информантов.

При оценке влияния законов устной спонтанной речи на ОРС в речи билингвов мы ориентировались на описание принципов построения русской разговорной речи, представленной в работах коллектива авторов под руководством Е.А. Земской в серии работ¹, а также на работы, зафиксировавшие особенности разговорной речи с маркированием региональных компонентов² и др.

Анализ записи устной речи русско-шорских билингвов выявляет типичные, по-видимому, для русской разговорной речи вообще, признаки:

а) неканоническая «аллегорная» фонетика: – Я [*с'одн'и*] там сидела; ...я не хочу такой [*п'иис'ят*] тысяч гроб, все же там сгниет (З.М., н., 3);

¹ Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981; Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Наука, 1973; Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Наука, 1983; Русская разговорная речь: тексты / отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М., 1978.

² Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы. Хрестоматия. Екатеринбург, 2011.

б) нарушение порядка слов, парцелляция: – *Он хорошо знал свой казахский, я знаю. Сестра, мы ездили в Казахстан, и он с ними прекрасно разговаривал* (З. И., с-с., 2);

в) оговорки, самоисправление, перестраивание речи «на ходу» и пр.: – *Я... папа или мама напёт мелодию, я села подобрала* (З.И., с-с., 2);

г) слова-средства ритмической организации речи: – *У них шалаши. Ага, шалаши были. Мы, грыт, дом, грыт, костер делали, костер делали, от укрывались, грыт, вот этой медвежьей шкурой, лосиной* (В.С., н-с., 3); *Я учил казахский, шорский я как бы, ну, я там, как бы бытовые слова я знал, как бы, ну, и в речи я особо не использовал* (Т.Э., в., 1).

Данные особенности, с одной стороны, предопределяются базовыми особенностями спонтанной коммуникации, с другой стороны, качественная и количественная вариативность проявляется прежде всего как индивидуализирующая речевая особенность. Яркой чертой вариативности, например, является использование конкретного языкового средства, служащего средством ритмической организации (например, у одного информанта в качестве ритмического организатора речи выступает частица *ето/это*, у другого – *ну*, у третьего – *этот вот* и т.д.); интенсивность его использования (например, в записи диалога объёмом в 89 033 словоупотребления дискурсивный маркер *этот вот* информантом (Г.М., с., 2) использован 208 раз, маркер *ето/это* в диалоге объёмом 10 389 словоупотреблений был использован другим информантом (С.Г., в., 2) 37 раз. В целом, по нашим наблюдениям, вариативность обусловлена личным речевым опытом информантов, однако, например, появление *как бы* в речи информантов первой группы и отсутствие данного дискурсивного элемента в речи всех представителей двух других групп могут быть неслучайными, отражать большую открытость молодежи к речевым новациям.

2.3.2.2. Влияние диалектной и просторечной форм русского языка

Как было отмечено, носители билингвизма принадлежат к разным возрастным группам, имеют разное образование и социальный статус, вследствие чего в их речи обнаруживаются в большей или меньшей степени следы влияния диалектно-просторечной, просторечной региональной разновидности русского языка.

При определении влияний русских сибирских диалектов и просторечия, являющихся средой языкового существования информантов, авторы

проекта опирались на имеющиеся описания дифференциальных признаков данных форм русского языка. Наиболее изученными в регионе являются среднеобские говоры¹.

Системные особенности среднеобских говоров более подробно описаны в ряде монографических исследований О.И. Блиновой, О.И. Гордеевой О.Н. Киселевой, Т.А. Демешкиной, Н.Б. Лебедевой, Е.М. Пантелеевой, З.И. Резановой, О.М. Соколова, Е.А. Юриной, М.Н. Яценецкой и др. Наиболее полное описание среднеобских говоров содержится в двухтомной коллективной монографии, объединяющей результаты исследований коллектива сибирских диалектологов и зафиксировавшей становление и состояние среднеобских говоров до 60–80-х г. XX в.² В качестве источников данных о диалектных особенностях речи наших информантов привлекались и исследования говоров Кузбасса, являющихся также говорами вторичного образования и характеризующихся рядом общих черт со среднеобскими³. В интерпретации речевого материала также использовались данные об особенностях томского городского просторечия⁴.

Приведем примеры отклонения от речевого стандарта в речи шорско-русских билингов, интерпретируемые нами как отражение диалектных и диалектно-просторечных влияний. Как показал анализ, отдельные диалектные черты, детально описанные в работах по среднеобским говорам, проявляются в речи жителей не только Томска и Томской области, но и городов и поселков Кемеровской области, что является одним из свидетельств интенсивных процессов взаимодействия форм национального

¹ *Томская диалектологическая школа : историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2006; Труды Томской диалектологической школы : библиографический указатель / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2003.*

² *Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1 / под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1984; Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 2 / под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1989.*

³ *Васильев В.П., Васильева Э.В. Лексика русских говоров Кузбасса: Материалы для словаря // Вопросы филологии. Кемерово, 1994. С. 97–101; Вьюкова Е.В. Местные диалекты как источник пополнения словарного состава современного русского литературного языка (40–80-е гг. XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985; Пантелеева Е.М. К вопросу о синонимике предложных конструкций по материалам говоров Кемеровской области // Учёные записки Томского университета. 1963. № 47. С. 75–85.*

⁴ *Банкова Т.Б. Лексика томского городского просторечия (типология описания) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987; Блинова О.И. Просторечная лексика в системе местного диалекта. Лексикологический сборник. Барнаул, 1977. С. 68–83; Быкова А.И. Просторечная лексика в идиолексиконе сибирского старожила // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Вып. 5, ч. 2: Лингвистика. Томск, 2004. С. 21–23.*

языка, обусловленных социальной и территориальной мобильностью сибиряков. Однако, следует отметить, что выявленные особенности диалектных систем проявляются несистемно, преимущественно в речи информантов третьей возрастной группы и характеризуются значительным варьированием в речи информантов одной возрастной группы. При этом чаще всего диалектные варианты используются говорящим наряду с литературным стандартом, соотношение конкурирующих вариантов может варьироваться в значительной степени.

К числу диалектных лексико-фонетических и морфолого-фонетических особенностей относим чёканье – *Ну, в ад попадешь, чё там увидишь? Там много нельзя, а на чё жить? Што кушать-то?* (Л.В., с., 3). Данная черта проявляется как яркий регионализм, объединяя носителей диалектов, просторечия и литературных форм коммуникативных систем сибиряков¹. Эта особенность отмечена в речи всех информантов, большинство из которых используют [ЧО] и [ШТО] в качестве вариантов (см. приведенный контекст, в котором сталкиваются два варианта).

Следующие особенности, отмечаемые как диалектные, проявляются нерегулярно и преимущественно в речи информантов третьей возрастной группы:

1) появление j- протетического перед [Э]: – *Поэтому всяких туда* (З.М., н., 3); *И нация наша теряется поетому, свою же нацию берет, если женится* (Л.Т., н., 3), реализующееся как явление лексикализованное и неустойчивое, ср: – *По западно-европейским представлениям у шорцев является многобожие, но я это не считаю, что это многобожие, дух – это дух, но не бох* (С.Г., в., 2);

2) выпадение [В] в начале слов перед [О] также представлено только как лексикализованное явление, используемое наряду с литературным вариантом: *А потом от я одна осталась* (З.М., н., 3); *У нас от учителя хороши были* (В.С., н-с., 3). Довольно часто также сталкиваемся с выпадением приставки или предлога В в случае, если он в речи образует начальный кластер: *Мы двоим с дедом; родилась тридцать девятом году;*

3) наличие твердых долгих [ш:] и [ж:], реализуемых либо как самостоятельные фонемы, либо лексико-фонетическое явление²: – *Потом, grit, ишишо нарвите* (З.М., н., 3); *Надо подшишитать* (В.С., н-с., 3);

¹ Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1... С. 171.

² Там же. С. 102–103.

4) регрессивная ассимиляция БМ → ММ и выпадение [В] в интервокальном положении¹ – *Они мне оманули; Я откуда узнала, что племянница меня оманывает* (З.М., н., 3); *Таня 90 лет, слау богу, эта хоть кой-чѣ видит, издалека маленечко* (З.М., н., 3).

Из числа диалектных различий в области морфологии, отмечаемых в среднеобских говорах², наибольшей регулярностью проявления в речи представителей второй и третьей возрастной групп отличаются:

1) стяженные формы флексий имен прилагательных и спрягаемых форм глагола настоящего времени: – *Много, гыт, шорска блюда готовили, перво место, гыт, заняли* (З.М., н., 3); *Ну, шорска свадьба – это той. Крошится и этот вот мелко а потом это стряпашь большие вареники, один-два съешь и все, мне одной хватает вот* (Г.М., с., 2); *Потом раз, раз буквы вот знашь, как правильно надо ударение или чѣ там* (П.Н., с., 3);

2) вариантные возвратные формы глагола с СЪ // СЯ: – *Даже у меня вот сестренки родилися попозже меня, я старалася с ними по-русски, чтобы они знали русский язык* (С.О., н., 3).

Следующие варианты диалектных особенностей в области **морфологии**³, ряд из которых характерен также для городского просторечия, проявляются в речи респондентов со значительно меньшей регулярностью и преимущественно в речи представителей третьей возрастной группы:

1) склонение неизменяемых существительных⁴: – *У них, у шорцев, было вот такие осенние польты: Польты таки, досюдова так обряд кругом идет и низ* (В.С., н-с., 3);

2) использование единственного числа вместо pluralia tantum: – *раньше же все чернилой писали мы...Если разбавленный мед, то чернила сразу разводятся. Вот я здесь сколь покупала, оно сразу разводится низ* (В.С., н-с., 3);

3) специфические формы множественного числа имен родства – *Вот знаете, дед, бабушка рассказывала, как ихние зятевья подслушивали пустой дом* (В.С., н-с., 3);

4) замена предлога ИЗ на С в родительном падеже – *Ну, если с деревни кто вот приехал, всегда по-шорскому* (П.Н., с-с., 3); *Нет, это мама ворванная, с другого поселка* (Р.С., в., 3);

¹ Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1... С. 95–96.

² Там же. С. 144–202.

³ Там же. С. 148, 150, 165, 169.

⁴ Там же. С. 146.

5) вариантные падежные формы местоимений *они/оне*: *меня/мене* – *А от чистые кахасы, оне сказали Матор, поселок* (В.С., н-с., 3); *Мне не давали... Если б дали, у мене бы были; Я говорю, у мене там все русские, я говорю* (З.М., н., 3);

6) переход в твердый вариант форм дательного падежа ([E] → [O]) в парадигме притяжательных и определительных местоимениях *мой, твой, свой*: *Аньке своей бабушкина квартира* (З.М., н., 3).

Назовем диалектные варианты в **словообразовании**:

1) прилагательные на *-ный*: – *Вот это соседна правнучка Дашечка квартира* (З.М., н., 3);

2) местоименные наречия *откудова, отсюдова*: – *Польты таки, до-судова, так обряд кругом идет и низ* (В.С., н-с., 3);

3) диминутивы на *-ушк-*: – *Нам платюшки столько принесла, на до-нушко камушки положит* (В.С., н-с., 3);

4) другие межсистемные словообразовательные варианты: существительные – *Да он инспектор по пчеловоду ездил; Ну, ты мне, на меня посмотри, я ли колдовка или шаманка* (В.С., н-с., 3); глаголы – *Сегодня ночью маленечко дрегнула* (З.М., н., 3).

В области **лексики** отмечаем следующие явления:

1) диалектные межсистемные синонимы – *Другой раз (иногда) то ли тоже забывает, что уже говорила, повторяет опять* (З.М., н., 3); *Ну, не знаю, я всю дорогу (все время) по-шорски говорит* (З.М., н., 3); *Нет, бабушка обряд (наряд) никогда не делала* (В.С., н-с., 3);

2) лексико-фразеологические диалектизмы: система конструкций, выражающая отрицание возможности осуществления события, утвердительные или вопросительные конструкции: *кого там; откуда, какой + инфинитив глагола, откуда + глагол в спрягаемой форме – Кого там спать? – ‘невозможно было спать’; А мама долго не жила. Откуда долго будет жить? ‘невозможно было долго жить’* (В.С., н-с., 3).

2.3.2.3. Влияние норм родного языка – межъязыковая интерференция

Третья группа отклонений от речевого стандарта в речи билингов, выделяемая в корпусе, – отклонения, вызванные интерферентным влиянием родного языка.

При определении данного типа отклонений от речевого стандарта мы опираемся на работы по фонетике, грамматике, лексике тюркских языков,

в том числе шорского¹, на работы, посвященные описанию конкретных явлений интерференции в условиях русско-тюркского взаимодействия в исследуемом регионе².

Охарактеризуем отдельные речевые особенности носителей русско-шорского билингвизма, которые могут быть интерпретированы как проявления интерферентного влияния родного языка.

К сфере **фонетики** относим отклонения от норм произношений, обусловленных фонетическими законами как русского литературного языка, так и сибирских народных говоров. Так, например, в среднеобских говорах, как и в литературном языке, для согласных Н и Н', Г и Г' позиция перед гласными (кроме [Е]) является абсолютно сильной, в речи русско-шорских билингвов мы наблюдаем позиционно не обусловленные мены, связанные с рядностью слова (для шорского нехарактерно противопоставление твердого и смягченного Н, Г; смягченные и несмягченные варианты распределены в зависимости от, соответственно, переднего и заднего ряда гласных в слове): а) Н'→Н – *Я говорю, я сначала здесь угощу; вот это сами [с'ччина]ют* и *эта и поют*; б) Г'→Г – *Мне сильно плохо было, [гыт'и'ертан'иia]* (З.М., н., 3).

¹ *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М., 2001; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984; Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 306 с.; Абдрахманов М.А. К вопросу о закономерностях диалектно-языкового смещения (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1960; Чисняков Э.Ф. К вопросу о формировании диалектной системы шорского языка // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 55–62; Чисняков Э.Ф., Абдрахманов М.А. Территориальные различия в фонетике и лексике шорского языка // Материалы к предстоящей VIII научной конференции Новокузнецкого пединститута. Новокузнецк, 1967. С. 28–30.*

² *Абдрахманов М.А., Гордеева О.И. О взаимодействии русских говоров и языка томских татар // Учёные записки Томского государственного университета. 1962. № 43. С. 181–188; Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров)... Томск, 1965а; Гордеева О.И. Некоторые наблюдения над усвоением русского языка татарами в условиях русского старожильческого окружения // Учёные записки Томского государственного университета. 1962а. № 40. С. 75–80; Гордеева О.И. Некоторые особенности употребления имён прилагательных в русской речи томских татар // Вопросы литературы и языка. Томск, 1965б. С. 120–126; Гордеева О.И. Об освоении татарами грамматической категории рода существительных в условиях русского старожильческого окружения // Лингвистический сборник. Томск, 1962б. С. 29–34.*

В говорах, как и в литературном языке, позиция перед гласными и сонорными является абсолютно сильной для парных по глухости–звонкости фонем. В шорском языке для ряда взрывных фонем отсутствует оппозиция по звонкости–глухости, имеется распределение: в начале и конце слова – глухой аллофон, в интервокальной позиции – звонкий. Соответственно, в анлауте в речи билингвов отмечается произношение глухих на месте звонких – *Не пуговицы, а как [пpОшк'и] (брошки) такие, белые, разны рисуночками их шили; туда бабушка ложила [тушн'Ич'ку] (душиничку), но здесь [тушыстый] (душистый) перец я только ложу, и соли побольше* (В.С., н-с., 3).

Еще одна интересная особенность речи шорских билингвов – замены $[K]//[X]$: *Хто зайдет, ладно; А теперь я нихта, здесь, я только плачу* (З.М., н., 3); *Но мы [т'екн'ика] безопасности по два раза сдавали; Есть вот, / например, кахас приехал, всегда по-шорскому* (П.Н., с., 3).

В говорах шорского языка, распространенных в районе Шерегеша и Таштагола, обнаружилась аллофония k перед гласным $\sim x$ перед взрывным согласным в заднерядных словах и исключительно k в переднерядных словах, ср. Верхний Карагол: *шык* 'выходи', *шыхпа* 'не выходи', *шыхча* 'выходит', *тук* 'шерсть', *сөктер* 'кости'. Слабая противопоставленность $[K]$ и $[X]$, $[Г]$ и $[X]$, следствием чего являются замены $[K]//[X]$, $[Г]//[X]$, отмечается и для русских говоров этой территории¹, так что можно было бы относить эту черту к русскому диалектному влиянию; но известно, что на территории старого заселения это явление отмечается достаточно узко и только в сторону мены $k > x^2$. Исходя из этого, естественно предположить, что «слабая противопоставленность» заднеязычного взрывного и спиранта была, наоборот, индуцирована в среднеобских говорах тюркским субстратом.

В области вокализма можно отметить сильную, вплоть до выпадения, редукцию узких гласных Ы и И в первом слоге: – *А брат в јул'и (июле) погиб; Мски* (город Мыски); ср. шор. (Шерегеш) *кpaа* 'иной' (*қыраа*), *пле* 'точило' (*тиле*).

В сфере грамматических проявлений интерференции в проекте исследовались ОРС в использовании именных грамматических категорий. Результаты анализа подробно представлены далее.

¹ Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1... С. 107.

² Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / отв. ред. В.Г. Орлова ; авт. колл.: К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, А.И. Сологуб, Т.Ю. Строганова. М. : Наука, 1970. С. 247–455.

Далее мы проинтерпретируем отклонения от речевого стандарта в сфере именной грамматической категоризации в аспекте взаимного влияния активных процессов в родном и осваиваемом языках билингов.

2.3.3. Взаимодействие внутриязыковых и межъязыковых влияний на смещение норм в речи тюркско-русских билингов¹

Охарактеризуем варианты отклонений от норм выражения грамматических категорий (рода, числа и падежа) в русской речи тюркско-русских билингов. Нами была проанализирована речь 22 респондентов, носителей шорско-русского, хакасско-русского, татарско-русского билингвизма от 23 лет до 81 года, уровень образования которых – от начального до высшего. Объём проанализированного материала – 30 часов 18 минут звучания, около 140 тыс. словоупотреблений.

Выбор категорий для анализа обусловлен тем, что соотношение их в грамматических системах вступающих во взаимодействие языков различно, что, как будет показано далее, находит отражение как в количественной диспропорции проявлений интерференции, так и в её направленности.

В сфере нашего внимания находятся:

- 1) синтаксические позиции форм, являющихся средством формального маркирования категории числа, рода и падежа;
- 2) частные грамматические значения числа, рода и падежа, при использовании которых проявляется неустойчивость нормы;
- 3) тенденции в развитии системы и нормы выражения категорий в родном и втором языке билинга.

Мы проследим влияние на появление отклонения от речевого стандарта (ОРС) тенденций в развитии грамматических норм в первом и втором языках и их интеракций в сфере именных грамматических категорий.

Род. Наличие грамматического рода с трёхчленной оппозицией частных грамматических значений и сложной системой морфолого-синтаксического маркирования является одним из наиболее значительных отличий

---

¹ Первый вариант интерпретации рассматриваемых вопросов был представлен в статьях: Резанова З.И., Рябова Ю.А. Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингов: интерферентное влияние или внутриязыковые тенденции? // Русин. 2021. № 66. С. 116–182; Резанова З.И., Дыбо А.В. Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие... С. 144–158.

грамматики русского языка, представителя восточнославянской ветви славянских языков, от тюркской, в которой грамматический род отсутствует¹. При этом в тюркских языках гендерные различия в сфере обозначения живых существ могут маркироваться лексически², и носители тюркских языков как родных могут опираться на стратегии *семантической категоризации*. Однако при освоении русского языка у тюркско-русских билингов должны формироваться особые навыки родовой категоризации с опорой на целостные морфосемантические комплексы. Вследствие этого мы предположили сосуществование навыков маркирования гендерных различий с опорой как на собственно семантические, так и морфосемантические основания, лингвокогнитивные истоки которых различны.

В то же время возможность раздельного применения этих стратегий поддерживается и своеобразием категории рода в грамматической системе русского языка. Как известно, род является классифицирующей категорией у существительных и словоизменяемой – у прилагательных русского языка. При этом именно адъективные флексии являются системными маркерами рода существительного, не имеющего специфичной морфемы для обозначения родовых оппозиций³. Существительное и согласующиеся с ним адъективные формы составляют целостный комплекс выражения родовых грамматических оппозиций в русском языке⁴.

Непоследовательность семантических мотиваций грамматической категоризации и внутрисловного формального маркирования отмечается в качестве основных причин возникающих трудностей при освоении категории рода русского языка представителями тюркоязычных народов⁵.

Отметим также, что причиной неустойчивости согласовательной нормы при усвоении русского языка может быть функциональное неравноправие частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода. Мужской род характеризуется как немаркированная форма, что может обусловить его экспансию в функции замещения других форм. Од-

---

¹ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М. ; Л., 1948. 169 с.; *Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: морфология*. Казань, 2017. 180 с.

² Картов В.Г. Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков. Абакан, 2011. Ч. I. С. 6.

³ Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

⁴ Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁵ *Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: морфология...* С. 18.

нако к такому функционированию приводит и семантическая немотивированность форм среднего рода, которая может претендовать на заместительную позицию вследствие своей семантической нейтральности.

В *межсентенциальных позициях* формы согласования адъективных форм и координации глагольных форм числа и рода выступают средством выражения кореференции в тексте, маркируют отнесённость выражаемых смыслов субъекта/объекта последующего предложения к субъекту/объекту предыдущего. В нашем материале отмечено значительное преобладание ОРС при использовании форм рода по сравнению с использованием форм числа в позиции местоименного и (или) глагольного маркирования кореференции текста (50 vs 10).

В совокупности ОРС в сфере грамматического рода доминирует использование форм мужского рода (31) в позициях женского (30) и среднего (1): *У нас... в шорском языке, у нас тридцать девять букв, в отличие... в русском языке – тридцать три, а у нас – тридцать девять, вообще, сорок один был (была), вот «к» по-шорски: «кэ» есть и есть «кэээ – стирант», есть «у» и есть... (И.А., н-в., 2); Ну, я слабо учился эта... в институте, поэтому методiku, как эта... преподавания русского языка и литературы, ну, эта... я его (её) слабо усвоил (С.Г., в., 2); Мама одна осталась. Она нас выкормила, вот. Дабы-дабы-дабы-добывал (добывала) всё с лесу. Я говорю: "Ты чё, двухжильный (двужильная), что ль? – говорю» (Н.Н., с., 2); Это Калининская гора, а по-шорски он (она) звучит эта... Шаньшитаг. Это гора с духом женщины (С.Г., в., 2); Ну, культура, культу... культуру я как бы уважаю, и тот (ту), и люблю свой (свою). Если живём в среде русской, почему мы не должны знать культуру русского языка (Р.С., в., 3); Ну, я слабо учился эта... в институте, поэтому методiku, как эта... преподавания русского языка и литературы, ну, эта... я его (её) слабо усвоил (С.Г., в., 2).*

На втором месте по числу ОРС находится использование форм среднего рода (13) на месте женского (10) и мужского (3): *Вернее, скорее с восемнадцать четвёртого года начала появляться какая-то периодическая печать, самиздат назывался он (она). В восемнадцать восьмом оно уже было узаконено (она) (И.А., н-в., 2); Это на берёзе такая вот, как нарось, вот, и она называется чага. Это самое полезное. И щас вот уже люди её стали рекламировать, стали пить. Оно (она) даже, ну говорят, раковые клетки убивает; И такая вкусная прям калина была. Ну вот, она с вечера ставила в духовку, и оно запаривалось до утра (она запаривалась) (Г.П., с., 3); Почему? У нас ставили арту, то есть напиток, который летом вместо*

кваса, как, жажду утоляло (утолял), очень вкусный напиток, а сейчас же почти никто не ставит (Р.С., в., 3).

Формы женского рода в данной позиции характеризуются наименьшей экспансией – 6 случаев употребления: *Мулла умер, да, который вот на Высокогорной жил? Этот, как её (его), Фазых? (В.Н., н-с., 3). И с это, с этого, Бураевский района: приехали они, их отправили. Каждая деревня, там два человека, может три человека, может быть по одной (по одному), вот так отправили (В.Н., н-с., 3); [И] – Вот какой у Вас язык сильнее: шорский или русский? [Р] – Русский, наэрно. [И] – Русский, да? [Р] – Ну, а мне, так кажется, обе (оба) (П.Н., с-с., 3); [И] – [мёд] ...тёмный он, алтайский, или он всякий? [Р] – Почему она тёмная (он тёмный), алтайский – зречка, наверно, у них (В.Н., н-с., 3); Ну, слава богу, дети умненькие получились у меня, у всех по два диплома, техническая (технический) с шахтовый, сперва приобретите, техникум закончили горный... (В.С., с-с., 3).*

Функциональное доминирование форм мужского рода согласуется с его характеристикой как немаркированного члена грамматической оппозиции. Полагаем, что именно немаркированность частной грамматической категории в системе «принимающего» русского языка делает её «хорошим кандидатом» на замещение других грамматических позиций.

ОРС в сфере согласования по роду в позиции **внутриретенциального употребления** представлено наибольшим количеством случаев – 60. При этом проявилась та же закономерность, что и в функциональной позиции маркирования кореференции – ярко выраженная экспансия форм мужского рода (38), замещающая позиции женского (29) и среднего (9) рода: *В Казани вот я смотрю, там в каждом шагу мусульманский мечеть (мусульманская) (Г.С., в., 3); Вот и на шофёру ж, в это, слесарем, пощётный (почетная) грамота, всё, эт... всё, всё прекрасно, всё и даже Новосибирский; Щерез, сколько-то, я говорю, чтобы отсюда, говорит, мы вас возьмём, пятый больница (в пятую больницу) попадёте, а если с центральный (с центрального); Тогда было Магистральный (была магистральная) улица двадцатый, квартира тридцать два. Т0047; Шас этого нету, э... поэтому и на всё это – на создание самостоятельного структуры (самостоятельной структуры) эта, и, тем более, когда у народа отсутствует, как бы эта..., собственная государственность и... (С.Г., в., 2); А там вот, на этом (на этой), на конеферме, туда дальше (Г.П., с., 3); Она холодная. Я обед сварила, это, с новый картошка (с новой картошки) (В.Н., н-с., 3); Стр.. этот стройка (эта стройка); Да. Толкут, толкут этот **пыль** весь*

(всю) *этот стряхивает, потом сеять, а потом молоть надо этот...* (Н.Н., с., 2); *Да, да, да. А потом вот закончил и поехал в таштагольский КПТУ (таштагольское) (П.Н., с-с., 3); Дух вот это гор, вот эта мощь стоит, вот, гора Мустаг, ну вот эта Зелёная, Мустаг, это ду... дух – это, это наши культовое святое место (наше); А, моя сестра двоюродная поступала в Свердловский (Свердловское) медучилище (З.И., с., 2); [И] – Угу. Скажите, а у Вас образование какое? [Р] – Восемь классов и вот этот ПТУ (это ПТУ); Да, да, да. А потом вот закончил и поехал в таштагольский КПТУ (таштагольское) (П.Н., с-с., 3); Потому что, это самое, мы думали, наверно, это, там такая, эт самый, мЕстечко (такое местечко), а мы нога опустим и тут будем сидеть, вот так (В.Н., н-с., 3); Короче, настряпала, сестре унесла, сыну, себе шестнадцать штук оставила пирожков и кулебяку оставила, рыбный (рыбную) (Н.Н., с., 2); [Р] – Вот эти ребята подошли, они на телевидении работали. [И] – Угу, в Кемерово, да? [Р] – У нас, у нас, какой Кемерово (какое Кемерово)?! [И] – Здеешнее? [Р] – У нас Таштагольское (В.С., с-с., 3).*

Замещающие позиции форм женского рода представлены значительно меньшим количеством случаев (13), при этом доминирует использование форм женского рода на месте мужского (8). *Ну, слава богу, дети умненькие получились у меня, у всех по два диплома, техническая (технический) с шахтовый, сперва приобретите, техникум закончили горный...; ...потому что московские шорцы, у них свой эээ своя лексикон, эээ у усть-анзасский (усть-анзасских) – своя (свой лексикон), у нас своя (свой лексикон), ну, в общем, в каждом логу каждый по-своему чирикает, ну вот (В.С., с-с., 3); Пещка там, пол крашена (крашенный). Немного пыль, чтобы... вытираю, вымою, а бабка говорит: «Дошенька, не мой, а то пол гниёт» (С.С., н-с., 3); Да, уже у папы моей (моего) двухкомнатной квартире, ну в смысле у отца (З.И., с., 2).*

Экспансия форм среднего рода в позициях других грамматических форм количественно значительно уступает первым двум. *Ну, директор потом рассказывает мне, мне, говорит: «Сразу понравилась твоё, твоё манера (твоя манера) общения на камеру, обычно люди комплексуются прям всё такое» (В.С., с-с., 3).*

В ряде случаев нарушение норм согласования в этой позиции также может быть объяснено ситуацией речевого сбоя, поиском продолжающего элемента высказывания. Приведем типичный пример: *А, это... как это... щас нету такого (такой), централизованного... (централизованной), эта... поддержки, например, как раньше при Советском Союзе, например, языковых э... ка... языковых кафедры и так далее (Г.Н., в., 2).*

В синтаксических отношениях координации отмечено абсолютное доминирование форм среднего рода прошедшего времени связочного глагола составного именного сказуемого (16 из 18 случаев ОРС): *Да, колхоз «Чепай» там было (был)* (О.Е., н., 3). *У нас было (была) парочка танцев таких, как модерн, там, такие, но в основном мы танцевали народные танцы* (А.В., в., 1); *Щас это было (была) уже суббота; Пока дошли, в двух местах отдыхали, отдыхала. Как раз было и это, было суббота (была суббота), выходной, выходной день, а оказывается, дежурный только врац; Купила рядом от то... туберкулёзной больницы, бутылку купила, бульон кури... курицу, курицу, а (из курицы) домашний, это, было кухня (была кухня), там пара куриц осталася* (С.С., н-с., 3).

Формы женского и мужского рода как ОРС единичны: *А варили, у них такая была приспособление (такое было) у эти, чугунки большие* (Г.П., с., 3); *Звонит мне и говорит, да это, ну, этот, время уже наверно был (было) десять, одиннадцатый* (Г.С., в., 3).

При этом материал позволяет выделить в качестве дополнительных факторов возможное влияние маркирования рода нечастотными флексиями (1), а также сложные случаи согласования – несклоняемые существительные (2), аббревиатуры (3) и пр., которые в русском языке интерпретируются скорее как факт нормативного предписания, но не системной детерминации: (1) *Боль невыносимый (невыносимая), болит уже* (Н.Н., н., 3); *Вот мулла, например, тырганский-то занята (занят), там тоже это самый, пойти узнать, что в такой время (такое время), в такой день прийти и всё* (Г.С., в., 3); (2) *...в это ета, в паровоз... паровозный депо (паровозное), можно было бы и Юргу, а без меня никуда, они не хотят. Как, как, а та... не отрывать их* (Н.Н., н., 3); (3) *Да, да, да. А потом вот закончил и поехал в таштагольский КИТУ (таштагольское)* (П.Н., с-с., 3).

Число. Анализируемая в работе категория числа наличествует в грамматических системах тюркских и русском языке. Исследователи, работающие в сфере контрастивной грамматики русского и тюркских языков, отмечают принципиальное совпадение категориальной оппозиции числа в соотносимых языках: противопоставление смыслов единичности и раздельной множественности. Однако при этом, как подчёркивал Н.К. Дмитриев, «соотношение единственного и множественного чисел в тюркских языках не то, что в русском и других европейских. Форма таш не есть единственное число с точки зрения русского и других языков. Это недифференцированная форма для обозначения коллективного понятия «камней

вообще». Она может функционировать и по линии единственного, и по линии множественного числа. В каждом отдельном случае требуются особые синтаксические условия»¹. Отметив это, авторы «Сопоставительной грамматики русского и татарского языков» подчёркивают: «В связи с этим нулевой форме существительного татарского языка в русском языке может соответствовать и форма единственного, и форма множественного числа, например: Базарда ит саталар (На рынке продают мясо.) Мин жиләк жыям (Я собираю ягоды.)»².

Несовпадение систем формального маркирования оппозиций единственного и множественного числа обусловлено типологическими различиями агглютинативных тюркских языков и флективного синтетического русского: в тюркских языках число маркируется аффиксом множественного числа, единственное число не имеет аффикса. В русском маркируются обе формы, при этом флексия совмещает со значением числа значения падежа, в единственном числе – и рода.

Различия в характере маркирования форм числа в рассматриваемых языках определяются и слабой противопоставленностью именных частей речи в тюркских языках: «В хакасском языке существительные в функции определения не согласуются с определяемым словом ни в числе, ни в падеже и всегда имеют форму основного падежа ед. ч., независимо от формы определяемого слова»³.

Значимым является и различие взаимодействия категории числа с другими грамматическими и лексико-грамматическими категориями: к такому в первую очередь нужно отнести интеракции категории числа с категорией определённости/неопределённости в тюркских языках при отсутствии таковой в русском языке. И, напротив, для русского языка характерно наличие функциональных отношений категории числа с лексико-грамматическими категориями абстрактности, вещественности, собираемости, проявляющихся в ущербности парадигмы по числу.

¹ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка... С. 68.

² Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. : Наука, 1997. 799 с.; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. : Наука, 1988, 557 с.; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. : Наука, 1984. 484 с.; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. : Наука, 2002. 767 с.

³ Карпов В.Г. Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков... С. 93–94.

Следует учитывать и различия в характере лексико-семантических ограничений на реализацию грамматических значений: в русском языке существуют лексически ограниченные группы *pluralia* и *singularia tantum* при отсутствии соответствий в тюркских языках: «Аффикс множественного числа хакасского языка по сравнению с формантами множественности, собирательности русского языка более индифферентен по отношению к семантике слова, т.е. не зависит от лексического значения основы»¹.

Система формального маркирования грамматического числа в русском языке характеризуется значительно меньшей регулярностью, нежели в тюркских языках в целом, и значительная часть регламентации формального маркирования располагается в сфере нормы, а не системы. Полагаем, что значимым при характеристике интерферентных сдвигов является и определение типа билингвизма, характера языкового опыта говорящих на втором языке, времени и способа усвоения языка, активности использования двух языков на протяжении жизни и во время фиксации речи.

В конкуренции частных грамматических значений числа в *межсентенциальной позиции* побеждает единственное число на месте множественного (9 vs 1):

Я первый раз помидоры попробовала: думаю – какая гадость, и думаю, как его (их) едят (Р.С., в., 3); дети уже, мои внуки уже спокойно, достойно растут, и их никто, им не даёт понять, что он (они) какой-то не такой. Всѣ (В.С., с-с., 3); [И] – А племянники, есть племянницы у вас? [Р] – Племянники есть. Ну, по-шорски говорим мы с ней (с ними) (Н.Н., с., 2); Хочу, чтобы дети и внуки говорили на этом языке. Очень хочу, но не-не-не... Но не делает (не делают). Да. (Н.Н., с., 2); в торговлю, ну на обеспечение солдат там, санаторским ну людям, а остальные излишки остаются, они раз – его (их) в магазин сдают, или не в магазин, а просто продают (В.С., с-с., 3); У нас было два автобуса, на которых из Москвы выехал (выехали) за границу, там и Ингушетия были (была), и тувинцы были, и татары (А.В., в., 1); Дело в том, что цены упали на мировом рынке на руду, на железо упало (упали) и на уголь (И.А., н-в., 2); На горе, где эта... как эта... обычно ожидаешь косулю, там, эта... его (её) не оказывается, то есть... то есть, есть какие-то черты у... у народа пришедшего, который (которые) отрицательно смотрится (смотрятся) (С.Г., в., 2); [Р] – Давай хоть пельмени сварю... Вы кушать хотите? ...покушайте горячий

¹ Карпов В.Г. Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков... С. 93–94.

(горячие) [И] – А я не хочу. Правда не хочу, не хочу, честное слово! (С.С., н-с., 3).

Отклонение от нормы в этой сфере, на наш взгляд, имеет другую природу, нежели в сфере рода. Оно может быть обусловлено переключением смыслов при построении текста, проявляющегося в сужении области референтной отнесенности: от обозначения совокупности – к одному из элементов данной совокупности. В последующем предложении глобально сохраняется единство референции с объектом, названным в предыдущем, но формально маркируется его сужение: помидоры как вид плодов > конкретный представитель вида; группа лиц, объединённая по признаку родства > конкретный представитель группы.

Отметим, что обратное соотношение представлено единичным примером, который также может быть объяснён в логике семантической стратегии переключения «единичное» > «совокупность»: *Вот эти бочки, вот такие вот, пишут килограммовые, круглые такие, икры чёрной, икры красной, сельдэка, которая голова вот так вот это, к хвосту, такие крупные* (такая крупная) *с икрой вообще.* (В.С., с-с., 3). В приведённом контексте слово *сельдэка* обозначает вид приготовленной особым образом сельди, контекстно актуализируются смыслы множественности, формируя конфликт формы единственного числа и контекстного значения множественности.

Немногочисленные случаи нарушения норм встречаются также **во внутрисентенциальных позициях**. В контактной препозиции согласовательной формы числа могут быть интерпретированы как следствие проявления общих закономерностей развёртывания спонтанной речи: *Летом на улице, зимой только дома. Но всё равно печка и плитка – совсем раз-разный... продукты* (разные). *Вкус совсем разный* (Н.Н., с., 2), что, однако, наблюдается не во всех примерах. Полагаем, что появление такого рода нарушений может быть поддержано и влиянием родного языка, в котором форма единственного числа выражает либо единичность, либо совокупность, так как во всех зафиксированных случаях ОРС собой происходит в случаях использования абстрактных, вещественных и собирательных существительных: *Землянику собирала, а там кам-каменистое место, в горка она не стала залазить, а увидела крупную ягоды* (крупные) *и потянула... туда, а потом чё-то больно, думала, уколола, кровь бежит* (Н.Н., с., 2). *Вот так, вот такой слухи* (такие слухи) *ходят. Ка... где это проверить, как это проверить – никто не смог* (В.С., с. с., 3); *Который слова* (некоторые) *я уловлю* (Н.Н., с., 2). В данных случаях реализуется та же семантическая стратегия, но с актуализацией идеи единства, совокупности.

При использовании форм числа во внутрисентенциальных отношениях координации доминирует использование формы множественного числа в позиции нормативного единственного.

Примеры ОРС, с одной стороны, объединяются общей направленностью – функциональным доминированием смысловых отношений над формальными нормами согласования. В данном случае мы наблюдаем «снятие ограничений» на реализацию форм числа в классах собирательных (1) и вещественных существительных (2). С другой стороны, в случаях, когда наблюдается своеобразный конфликт лексического значения, включающего смыслы множественности элементов совокупности, и грамматического оформления единственным числом: (1) *Нет. Которые постарше, которые уже лет под тридцать, под тридцать, все молодёжь выехали* (выехала), *семейные, не семейные.* (В.С., с-с., 3); (2) *Я говорю, всё равно, нет-нет, но всё равно, я говорю, пыль же летят* (летит). (Н.Н., н., 3).

Полагаем, что данное рассогласование грамматических и лексических смыслов создает основу для возможности выбора стратегии согласования формального (нормативного в русской грамматической системе) и согласования «по смыслу», который является не нормативным для данных типов единиц, но весьма актуальным для русской грамматической системы в целом. Единичные ОРС могут быть непосредственно соотнесены с особенностями использования форм в родном языке. Так, авторы «Сопоставительной грамматика русского и татарского языков» отмечают, что правило симметричного маркирования форм числа имеет исключение в немногочисленной группе имён существительных с аффиксом множественного числа (например, яшьләр «молодёжь»), которые употребляются только во множественном числе¹.

Отметим, что ОРС при маркировании форм числа возникают преимущественно в постпозиции предиката. В следующих примерах препозиция единицы, находящейся в отношениях координации, создает дополнительные условия для нарушения норм формального согласования.

Ну, желателно конечно за своего, чтобы, так сказать, продлить нашу там демографическую популярность, наши нацию (нашу), *вот* (Г.Ф., в., 1); *А чё, он больной, целыми день и ночь* (целый день и ночь) (Н.Н., с., 2) *Иии, ну и тут-то дело в том, сейчас дело прошлое, дело прошлое, ко-*

---

¹ Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: Морфология... С. 25.

нечно, ммм ааа не очень-то мы были годны, потому что это лишние заморочки, это национальные вопрос (национальный вопрос), а тогда ещё восьми, восемьдесят пятый год (В.С., с-с., 3); И вот так вот хобрахе щипками вот играешь так, как арфа. Вот сначала на них (на нём) училась, на чатхане. Ну вот, в итоге я закончила вот эти вот, пять лет (А.В., в., 1); если Россию, моё такое мнение, рассмотреть, то какие-то уже... она на участки какие-то поделена, вот где более хорошие экология (хорошая экология) где-то менее там уже. (М.А., в., 2).

Контексты демонстрируют возможность подбора существительного после того, как определяющее слово уже произнесено. Предикат употреблён в обобщённо-личном значении, а затем находится конкретизирующее слово (неопределённые лица поняли > начальство поняли): *...в Киргизии уже поняли, здесь-то меня знали уже, в Киргизии уже поняли, начальство (поняло), как ученика-то ко мне поставят (В.С., с-с., 3).* В приводимых далее контекстах уже рассмотренные семантические основания для ОРС как выбора стратегии согласования по смыслу осложняются использованием метонимических переносных значений (область > это руководство области, ХГУ > руководство ХГУ): *И пригласили наша область (пригласила) шорцев, вот (В.С., с-с., 3); И закончил техникум. И в этот же год ХГУ открыли (открыл) факультет... экономический факультет (А.Ф., в., 3); Мы в шисят девятом отсюда уехали, потому что, ммм, со мной, ну я говорю, обращались как действительно со второсортными (со второсортной) (В.С., с-с., 3); А потом уже, когда он шаманил, допустим, щас же шаман – это немножко... другие (это другое) (М.А., в., 2); Окончания, они какие-то букву (какую-то букву)... добавляют (П.Н., с-с.,3); И мы... Ну, все, кто... кто с нами живёт, там... никак... неизвестно, там, любые национальности, то есть мы для всех её (их), это... пожелания, всё это отправляем (З.И., с., 2); Где-то, то есь у него должен быть (должны быть) широкие знания для того, чтоб курс шорского языка для людей был интересен, эта... (С.Г., в., 2).*

Если в первом тексте мы в качестве предпочтительной рассматриваем версию ОРС в сфере числа, связанной с выражением отношений координации по смыслу, то во втором случае оба варианта рассматриваются как равно возможные: ОРС может быть результатом отклонения от норм формального согласования/координации по числу: *И закончил техникум. И в этот же год ХГУ открыли (в ХГУ открыли) факультет... экономический факультет (А.Ф., в., 3),* где глагол используется в неопределённо-личном значении в структуре односоставного предложения.

Семантическая стратегия выбора форм предиката наблюдается и в отношении координации со счётными местоимениями. Русская нормативная система предписывает исключительно возможность согласования счётных местоимённых наречий *столько, сколько, много, немного, мало, немало* со сказуемым в форме единственного числа, однако уже в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д.Э. Розенталя отмечается распространение использования форм множественного числа¹. В речи наших респондентов также находит отражение данная тенденция: *Кстати, там очень много русских были (было), и они все шорский знали, я удивлялась; Конечно, даже взрослые пытаются и своих детей тащат, и детей много довольно-таки учатся (учится) (З.И., с., 2); Ну раньше рожали же вообще большие семьи, а сейчас это всё-таки зависит от семьи, уже не обязательно, чтобы многодетная семья была, но у моей мамы три брата были (было), она была самой младшей, у нас большая семья считается; Ну вот я не знаю, у нас, у нас просто очень мало людей, у нас в этом году заканчивают по сути три-четыре человека, но никто из них сейчас не будут поступать (никто... не будет) на неё, только я осталась и я не знаю ради меня... (А.В., в, 1); Они, вот их трое в семье были... (трое было) их потом в детдом забрали (Г.Н., в., 2); Там рой, там потому что навоз. Там ещё раньше болото были (было), где наши дачи, поэтому столько комаров (Н.Н., с., 2); Такие вот, ссс со всяко, ага, ну и на своём родном языке говорю, рассказываю (публика будет), смотреть, эта публика на меня смотрит, и мне надо ссебя (В.С., с-с., 3).*

Некоторые сбои согласования по числу также определяются спонтанным характером коммуникации, перестраиванием стратегий смыслового развития речи, которое может выражаться и сменной согласуемых элементов. Нарушение норм координации по числу может быть объяснено переключением стратегии характеристики ситуации от конкретного участника к группе лиц, определённой или неопределённой. Сказуемое, которое должно иметь форму единственного числа, принимает форму множественного, маркируя отнесённость к референту следующего фрагмента текста: *Вот даже вот недавно моя эээ, которая с кем-то я работала, взяла (взяла) в газету напечатали (напечатала) (В.С., с., 3); Ну, если честно говоря, то нам... на нашем народном ансамбле «Чылтыс» лежит (лежат) эм... практически все организационные мероприятия нашего района.*

---

¹ Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати. 5-е изд., испр. М.: Книга, 1989. 320 с.

(В.С., с-с., 3); *В Абакан, ой... в Хакассию ездил, мне нравится* (нравятся) *ихние равнины* (А.Ф., в., 3).

Падеж. Отклонения от речевого стандарта в сфере падежного управления в речи тюркско-русских билингвов также обусловлены системными закономерностями и активными тенденциями в области падежного управления в тюркских и русском языках¹.

В русском и тюркских языках категория падежа представлена, но характеризуется существенными различиями в формально-семантической структуре, системе оппозиций частных грамматических значений, что влияет на появление разнотипных ОРС в системе формального маркирования падежа в речи билингвов. Нами были выделены следующие типичные варианты отклонений от норм падежного управления:

Дат. п., замещающий Род. п. (далее данное отношение обозначается →, в скобках представлена нормативная словоформа): *Мы вам (вас) не понимаем* (З.И., с., 2);

Вин. п. → Им. п. — *А они думают: Ты поди уже печка (печку) топить забыла* (Н.Н., с., 2);

Род. п.: → Вин. п. *Ну, я делала этого (это), но тяжёлый камень, здоровый камень, с дыркой, ручка, а туда, в середине дырка, туда сыпешь... вот это, крупу* (И.А., н-в., 2);

Вин. п. → Род. п.: *много вот, я вот на сколько вот сейчас вот помню, много серебра вот было у них, ой... сундуки (сундуков) украшений у бабушек было сколько, у бабушки сколько всяких платков было!* (Р.С., в., 3);

Им. п.: → Род. п. ... *бульоны люблю, картошка побольше (картошки), луку и мяско, без лапши* (Н.Н., с., 2); *Две тыщи (двух тысяч) даже нету.* (И.А., н-в., 2);

Род. п. + из → Им. п. : *А вот здесь дети, которые именно Таштагол, Кабырза (из Таштагола, из Кабырзы), посёлки (из посёлков), которые у нас есть, оттуда;*

Предл. п. + О → Им./Вин. п.: *Ну, вот она пишет своё детство (о детстве), потому юность (о юности), потом... о любви много стихов; А здесь... ну, поздороваюсь, спрошу, а... как-то вот... вылетает больше слов киргизских, потому что киргиз... с киргизами я же там чаще общалась, и этот язык (и на этом языке) больше я могу, чем... это, как, могу сказать. Вот. Ну, вот она пишет своё детство (о детстве), потому юность (о юности)* (Е.Н., в., 2).

¹ В данном фрагменте анализ проведен преимущественно на материале шорского языка с фрагментарным привлечением материала других языков.

Предл. п. + в, на → Им./Вин. п.: ...*вот, када, позапрошлый год ездил* (в позапрошлом году) – *всё... Где наша избушка была – там малинник один растёт*; А вот одно слово до сих пор... *а они, наэрно* (наверное), *а нет, они не прошли год* (не в прошлом году); *Прошлый год* (в прошлом году) ...*эээ зимой... сссс Новокузнецка* (из Новокузнецка) *э... приезжали две женщины, это, тоже меня вызывали, нашли* (М.Н., н-в., 3); *Потом мы переводчика убрали, и турецко-шорский* (на турецко-шорском) *началось у нас общение, и всё, мы ходили с ним, только мы вдвоем с ним разговаривали.*; *Ну, честно сказать, с годами, я же не здесь родился, я родился в село Тоз* (в селе), *в силу обстоятельств, мне охота вернуться на родину* (И.А., н-в., 2);

Твор. п. → Им./Вин. п.: *Ну, сег... я себя считаю как бы шорец (шорцем), но также я и русский. Вот. Ну, процентов давайте...* (М.Н., н., 3); *Я говорю: я когда туда приехала, вот какую-то (какой-то) такую... (такой), ущемленную (ущемлённой) себя почувствовала*; *Так-то всё прошла, начиная с уборщицы, и учитель (учителем) начальных классов я работала, воспитателем работала* (Е.Н., в., 2); *Но, честно говоря, потом выводы (с выводами) этой экологической экспертизы, хотя деньги тратятся-то нормальные, я имею в виду, не знакомят они нас* (М.Н., н., 3).

Дат. п. → Им. п.: *Старшему – семь, младший (младшему) – уже, наверное, год и восемь* (М.А., в., 2).

Тюркский падеж, как и число, не является обязательно выражаемой категорией. В падежных оппозициях тюркского имени выделяются так называемые неоформленные падежи (основа без падежного аффикса): «именительный падеж», т.е. наименее маркированный, форма имени без окончания, – падеж назывной формы и субъекта, неопределенного прямого объекта (*ол палық қарбақтапча* 'он рыбу удит', *палық* 'рыба'). Неопределенный, или неоформленный падеж, по форме совпадает с именительным, по значению соответствует винительному, притяжательному, и в отдельных случаях – местно-временным падежам, неопределённым¹. Эта же форма употребляется при большинстве послелогов; в качестве неконкретно-референтного примененного определения, неопределенного прямого объекта; в функции конечного пункта при глаголах движения. Соответственно, в речи билингов отмечаются употребления русского именительного падежа:

а) в локативной конструкции при предлоге (видимо, по аналогии с тюркской послеложной конструкцией);

¹ Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка...

б) в позиции прямого объекта, в том числе в отрицательных предложениях;

в) в позиции приименного определения, в том числе в количественной конструкции;

г) в функции цели при глаголах движения: конструкции в + Вин. п., к + Дат. п. → Им. п.

Для тюркских, строго «левоветвящих» языков не характерны предлоги; в аналогичной функции в них выступают послелогии. Отсутствием предлогов в исходном языке можно было бы объяснять и уже упоминавшееся выше опущение в речи билингвов предлога в конструкциях, выражающих местоположение, направление движения, временные отношения: конструкции в + Предл. п. → Предл. п.; конструкции в + Вин. п. → Вин. п. Однако тот факт, что встретились опущения только предлога *в* и только перед словом, начинающимся на согласную, склоняет нас скорее к объяснению через влияние русской говорной фонетики.

Как отмечается в литературе, «в шорском языке неоформленный падеж по форме совпадает с именительным, по значению соответствует... местно-временным падежам, неопределенным»¹, что может быть интерпретировано в качестве одного из факторов, вызывающих наиболее регулярное колебание в использовании формы Предл. п., ее замещением формой Им./Вин. п.: *Прошлы год* (в прошлом году) *в декабре... а нет, обманываю? Прошлы* (прошлый) *год* (в прошлом году) *другие были; ...а они, наэрно, а нет, они не прошлы год* (не в прошлом году), *а... года два, навэрно, тому назад приезжали*. (М.Н., н., 3); *Я родилася в Таштагольский район* (в Таштагольском районе). *Эээ... Спасенский сельский совет, посёлок* (в посёлке) *Усть-Селезень* (О.Е., н., 3); *Ну, честно сказать, с годами, я же не здесь родился, я родился в село Тоз* (в селе), *в силу обстоятельств, мне охота вернуться на родину* (И.А., н-в., 2); *Я бы мож Междуреченск* (в Междуреченске) *осталась бы, а без этого меня не взяли на работу* (Н.Н., с., 2).

Значимыми, как нам представляется, оказываются и отличия межкатегориальных взаимодействий падежа в грамматиках шорского и русского языков: в шорском языке падеж взаимодействует с категорией определенности/неопределенности (неоформленный Вин. п. ставится в том случае, когда обозначается «род» предметов или неопределенная масса вещества, о

¹ Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка...

предмете неопределенном, неизвестном, не упоминаемом в предшествующем контексте, не выделенном)¹, в русском языке – с категорией грамматического рода и лексико-грамматической категорией одушевленности / неодушевленности (формы падежных значений варьируются в зависимости от рода и в корреляции с лексико-грамматической категорией одушевленности/неодушевленности (ср. Вин. п. – *стол, Петра, окно, пулю, Дашу*).

Отсутствие (1) категории рода и (2) одушевленности/неодушевленности в шорском языке может быть причиной меньшей восприимчивости к формальным оппозициям в русском языке, связанным с данными типами противопоставлений: (1) *Я геометрию любила, алгебра, геометрия* (алгебру, геометрию). *Он очень хорошо рассказывал. И география* (географию), *историю. География он прям как историю рассказывал* (Н.Н., с., 2); (2) *Ну как-то этот, как будто люди судишь... (людей судишь) неприлично всё равно; ...некоторые, которые тоже такое... в такой ситуации находились эта... многие... многие (многих) из-за этого даже во вспомогательную школу отправляли* (С.Г., в., 2).

Как видим, функциональная экспансия форм Им. падежа в русской речи шорско-русских билингов может быть вызвана отмеченным влиянием усвоенных в детстве грамматических конструкций для выражения нескольких типовых смысловых, функциональных позиций имени. При этом нестабильность нормы падежного управления, обусловленная интерферентным влиянием, может поддерживаться и конкуренцией русских падежных форм.

Нестабильность нормы, обусловленная шорским субстратным влиянием, может поддерживаться и так называемой **конкуренцией русских падежных форм**. Именительный падеж и в структуре русского языка как макросистемном образовании, и в структуре выражения смыслов в русской разговорной речи является наиболее частотным. Исследователи отмечают широту функций немаркированных членов морфологических парадигм, в том числе Им. п., в русской разговорной речи².

Так, например, ОРС в следующих контекстах связаны с нарушением нормативного использования форм родительного падежа в конструкциях с отрицанием, соответствующих управлению Вин. п. при глаголах без отрицания: *Ну, и привычка (привычки) как-то не было пить... родниковой напьёшься мож не до этого было* (И.А., н-в., 2); *Заготавливаю опять*.

¹ Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка...

² Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис...

Нынче у нас, например, огурцы не хватили (огурцов не хватило) (Н.Н., с., 2); *Я говорю: «Шаманской религии вообще семь тысяч лет, а вашей сколько? Две тыщи (двух тыщ) даже нету»* (И.А., н-в., 2).

Расширение функций немаркированной формы именительного падежа во многом определяется неподготовленностью речи. Контексты некоторых падежных смещений могут свидетельствовать о речевых ситуациях *хезитации* – речевого сбоя, о поисках соответствующей конструкции, в которую вписывается искомая падежная форма: *Родилась она... мм... село* (в селе) *Узюнугау, нынче называется Чувашка* (И.А., н-в., 2).

В некоторых случаях использование формы именительного падежа может получить и дополнительное дискурсивное и жанровое обоснование в контекстах институционального дискурса, в жанре интервью, соотносимым с заполнением анкетных данных, при которых типичной является форма именительного падежа: *Сергей Гордеевич, скажите, пожалуйста, где Вы родились? – Ну это... Кемеровская область. Таштагольский район, посёлок Белка* (С.Г., в., 2); *Ну, честно сказать, с годами, я же не здесь родился, я родился в село Тоз* (в селе), *в силу обстоятельств, мне охота вернуться на родину* (И.А., н-в., 2).

Представляемый в данной статье тип билингвального взаимодействия – ранний естественный билингвизм с функциональной позицией шорского языка как языка семейного общения в условиях доминирования русского языка во всех сферах коммуникации – обуславливает незначительную долю ОРС рассматриваемого типа в общем объеме записей русской речи респондентов, сосуществование нормативных и отклоняющихся норм вариантов падежного управления даже в пространстве одного высказывания: *Ну, вот она пишет своё детство* (о детстве), *потому юность* (о юности), *потом... о любви много стихов, ну, ранняя вот любовь, как бы, посвящает много своим детям, сыновьям она там посвящает, у ней стихи* (Е.Н., в., 2).

Таким образом, в системе отклонений от речевого стандарта в сфере грамматического рода, числа и падежа, зафиксированных в речи херитажных тюркско-русских билингвов, были обнаружены тенденции, согласующиеся с теоретическими идеями основоположников теории языкового контактирования и интерференции, а также эмпирическими результатами, полученными при изучении других языковых пар и типов билингвизма.

Во-первых, подтверждаются положения о влиянии грамматических структур взаимодействующих языков на интенсивность появления ошибок в сфере

грамматики при использовании второго языка: ошибки в использовании грамматического рода преобладают во всех синтаксических позициях.

Во-вторых, значимым оказывается тип различий в устройстве грамматических категорий взаимодействующих языков, что проявилось в характере ОРС в системе грамматического числа.

В-третьих, положение о функциональных различиях частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода в русском языке нашло отражение в системе ОРС: немаркированный член оппозиций мужской род функционально оказался доминирующим во всех синтаксических позициях, за исключением выражения отношений координации связочного глагола в составных сказуемых.

В-четвёртых, подтвердилось положение, высказанное ещё Э. Хаугеном, о переплётенности интерферентных явлений и тенденции развития языковой системы «принимающего» языка: появление ОРС, истоки которых можно увидеть в интерферентном влиянии родного языка, поддерживается действием внутрисистемных активных тенденций в русском языке. Полученные нами наблюдения согласуются также с результатами психолингвистических экспериментальных исследований когнитивной обработки форм грамматического рода существительных русского языка тюркско-русскими билингвами, которые свидетельствуют в пользу обработки грамматической категории как семантической¹.

2.3.4. Межъязыковая интерференция в сфере именных грамматических форм: татарско-русское языковое взаимодействие²

В данном подпараграфе иллюстративно более подробно, чем ранее, анализируются речевые практики носителей татарско-русского билингвизма на основе записей устной речи, сделанных в д. Эушта, д. Чёрная

---

¹ Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами... С. 103–123.

² Материалы раздела ранее были опубликованы авторами в статьях: *Нагель О.В., Темникова И.Г.* Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // Русин. 2019. Т. 56. С. 213–226. doi: 10.17223/18572685/56/13; *Нагель О.В., Темникова И.Г.* Проявление специфики грамматической родовой категоризации контактирующих языков в интерферентных явлениях в русской речи татарско-русских билингвов // Язык и культура. 2019. № 48. doi: 10.17223/19996195/48/12

речка Томского района, с точки зрения смещений, вызванных различиями в категории рода.

Для анализа были выбраны тексты татарско-русских билингвов, относящихся ко второй и третьей возрастным группам – билингвы в возрасте старше 35 лет. Общая длительность звучания используемого материала – 10 часов, длина текстов – более 100 тыс. словоупотреблений. Предметом анализа выступают отклонения от речевого стандарта в устной спонтанной речи татарско-русских билингвов и категоризация их как возможных индикаторов проявления межъязыковой интерференции в ситуации несбалансированного билингвизма, где родной и часто первый по времени усвоения татарский язык в период активной социальной деятельности респондентов уступает доминирующую позицию второму (по времени усвоения) русскому языку, которым татарско-русские билингвы владеют на высоком коммуникативном уровне; около 70% респондентов исследуемой группы, тем не менее, оценивают татарский язык как активный. Языковой уровень выявления и анализа ОРС определяется авторами как синтаксический, в фокусе внимания – нарушения норм синтагматических связей слов.

Как уже было отмечено ранее, наличие ОРС частично определяется устным характером речи и не может быть безоговорочно расценено как результат влияния родного (татарского) языка. Отклонения от речевого стандарта, возникшие, предположительно, вследствие различий в структуре языков, взаимодействующих в сознании билингва, заслуживают более пристального внимания. Характер отклонений, по мнению исследователей¹, в большой степени зависит от структурной близости контактирующих языков, и явные категориальные отличия (наличие в одном языке и отсутствие в другом, как, например, грамматическая категория рода, которая наличествует в русском языке, но отсутствует в татарском) будут проявляться в речи билингва, особенно в случае несбалансированного последовательного билингвизма. Подобные модели интерферентного влияния родного языка в рамках грамматической родовой категоризации в русской речи кыргызско-русских², таджикско-

---

¹ Вишневецкая Г.М. Билингвизм и его аспекты. Иваново, 1997. 99 с.

² Макеева А.Э. Интерферентные явления в русской речи кыргызов-билингвов (морфолого-синтаксический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 1995. 18 с.

русских¹ и якутско-русских² билингов выявляются исследователями на материале устной речи и позволяют говорить о системном характере ОРС.

В рамках обсуждаемого исследования авторы придерживаются «узкого» подхода к пониманию интерференции, трактуя ее как перенос норм одного языка на другой в ситуации устной коммуникации, не претендуя на полное описание структурных изменений языка/языков, возникших в результате контактирования языков³.

Тенденции в применении **категории рода татарско-русскими билингвами** определяются столкновением грамматических структур родных для носителей билингвизма тюркских языков и русского языка, отсутствием категории рода в татарском (её выражения как семантической), сложной системой способов выражения противопоставленных внутри категории грамматических значений в русском языке (наличие межсловных и внутрисловных маркеров, их различное распределение по частям речи).

Отсутствие в татарском языке категории рода находит выражение в выявляемых нарушениях согласования в роде: формы прошедшего времени глагола, предикатива и формы существительного в позиции подлежащего, формы зависимого прилагательного при согласовании с существительным, например, *...очень среди, вот, молодежи было популярно наука* (Р.А., в., 3); *Северный перевалочный база была* (Т.С., с., 3); *Вот ферма рядом было у нас* (Т.С., в., 3); *Там большой площадка есть* (Т.С., в., 3); *Нее из Анжерки приезжий молодая девушкой была* (Т.С., в., 3).

Анализ ОРС в сочетаниях типа Adj/Pro + N выявляет массовые нарушения согласования в роде зависимого слова с главным; следует отметить, что зависимое слово принимает в основном форму мужского рода при согласовании с существительным женского рода. Таким образом, наиболее частотная модель сочетаемости главного и зависимого слова в субстантивных сочетаниях может быть представлена в виде схемы Adj/Pro_{masc} + N_{fem}, например: *...хочу поехать посмотреть, говорят, очень богатый страна* (богатая) (Ф.Н., с., 2); *...а в основном я от... отнесу в белый мечеть* (в

---

¹ Касимова С.Дж. Грамматическая интерференция в русской речи таджиков (на материале глагола) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 183 с.

² Иванова Н.И. Интерферентные явления в устной речи билингов-саха: На материале телевизионной речи представителей гуманитарной интеллигенции : дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2002. 188 с.

³ Багана Ж., Хатилина Е.В. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм. М. : Флинта : Наука, 2010.

белую), *в белый мечеть* (в белой) *мне лучше нравится* (Ф.Н., с., 2); *в первый класс, пошла уже в башкирский деревне* (в башкирской) (Ф.Н., с., 2); *Он увел нас в соседний квартиру* (соседнюю) (З.М., н., 2). ...*Мы пошли, отпросилась с работы да и пошли/туберкулезный больница* (в туберкулезную) *на горе* (З.М., н., 2); ...*мы в другой пошли искать, что где вот этот землянка* (эта) (З.М., н., 2).

Можно констатировать, что татарско-русские билингвы в устной спонтанной речи используют стратегию нейтрализации, принимая во внимание замену немаркированным элементом (прилагательное или указательное местоимение в форме мужского рода) маркированный, отвечающий требованиям контекста. Нарушения согласования в роде часто сопровождаются нарушениями согласования в числе и отклонениями в падежном управлении.

В случае дистантного или постпозитивного расположения зависимого слова нарушение согласования в роде у прилагательного сохраняется. Расположенное в постпозиции к существительному выполняющее функцию определения или предикатива прилагательное сохраняет тенденцию принимать форму мужского рода при том, что существительное имеет форму женского, например: *Школа у нас хороший была* (хорошая) (Ф.Н., в., 2); *она хитрый* (хитрая) (З.М., н., 2); *Есть даже песня татарский* (татарская) (Ф.Н., в., 2). В этом случае объяснить несоответствие формы зависимого прилагательного спонтанным характером устной коммуникации («предумысливание», изменение структуры предложения и пр.) не представляется возможным, поскольку главное слово, определяющее форму зависимого, занимает предшествующую позицию.

Деформация согласования в роде глагола с существительным в субъектной позиции (N + V), по нашим наблюдениям, также имеет массовый характер; следует отметить тенденцию использования глагола в форме среднего рода в ситуациях, когда речь идет в основном о конструкциях, которые используются в русском языке для констатации факта наличия, расположение глагола относительно подлежащего при этом не имеет значения, например: ...*очень среди, вот, молодежи было популярно наука* (была популярна) (Р.А., в., 3); *Вот ферма рядом было у нас* (была) (Т.С., в., 3).

К разряду частотных ОРС также относятся случаи нарушения правила конгруэнтности¹, которое регулирует соотнесение средств выражения с

¹ Плузган В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003. 384 с.

полом референта; такие ОРС, по мнению авторов, имеют тесную связь с нарушениями согласования в роде. Например: *Я устроился (устроилась) к... была к-, это, карамельный цех* (З.М., н., 2); *Вот в семье... семьсят (семьдесят) седьмом году тоже ка... как мать (мать) хоронил (хоронила), сам (сама) в больнице осталася (осталась), заболел (заболела)* (З.М., н., 2); *С работы отпрашивался я, отпрашивался (отпрашивалась)* (З.М., н., 2).

Отсутствие категории рода в татарском языке проявляется не только в многочисленных ОРС в случаях согласования в роде, это предположительно влияет и на особенности использования форм категории числа в речи татарско-русских билингвов. Поскольку, как отмечают исследователи, число не относится к разряду обязательно выражаемых категорий, при отсутствии фокусировки на количестве форма единственного числа является предпочтительной, как немаркированная¹. В речи татарско-русских билингвов можно отметить, напротив, что в ситуации согласования зависимое слово часто принимает форму множественного числа, что позволяет говорящему избежать выбора формы соответствующего главному слову рода, поскольку во множественном числе нет разделения по родам, например: *...ну она и русский язык знали, / арабский знали, / ну учили-учили тогда в то время* (Ф.Н., в., 2); *Ага, / крепкий оказались* (=я оказалась (информант женщина говорит про себя)) (Ф.Н., в., 2); *...3 место занимали наш хор ветеранов* (=хор занял) (Ф.Н., в., 2); *...они всего 5–6 лет жили там, а язык где-то схожие* (=языки схожие) (Ф.Н., в., 2). Можно сказать, что говорящий выбирает стратегию нейтрализации рода, используя для этого формы категории числа (множественное число вместо единственного).

Отмечаются случаи деформации синтаксических связей в речи татарско-русских билингвов в сочетаниях глагол + существительное в косвенном падеже (нарушение глагольного управления), например, *...там плавали гуси были раньше, гуси (=гусей) полно были там* (Т.С., с., 3); *Я ребенку (=ребенка) не дам* (Э.Ф., в., 3); *старший брат работает начальник* (=начальником) *Омской железной дороги* (Р.А., в., 3); *Был, был Сабантуй был, площадка* (=площадку) *сделали* (Т.С., в., 3).

Категория падежа свойственна как русскому, так и татарскому субстантиву, однако семантика падежных форм значительно различается, что не может не отразиться на использовании татарско-русскими билингвами падежных форм. ОРС в падежных согласованиях в русском языке, вызванные влиянием родного языка билингвов, отмечаются исследователями в

¹ Резанова З.И., Дыбо А.В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири... С. 195–211.

разных языковых парах¹. В татарском языке так же, как и в других тюркских языках, существует значительное различие в формально-семантической структуре категории падежа по сравнению с русским языком как представителем индо-европейской языковой семьи. Например, четкое субъект-объектное противопоставление номинатива и аккузатива в русском языке, объективированное в синтаксических функциях подлежащего и прямого дополнения к глаголу, не является так же четко выраженным в татарском языке, где на первый план в противопоставлении номинатива и аккузатива выходит дополнительный семантический оттенок определённости, конкретности (аккузатив) или, напротив, неопределённости, обобщённости (номинатив)². Таким образом, необязательность использования аккузатива для оформления синтаксической функции прямого дополнения в речевых практиках татарско-русских билингов с большой степенью вероятности может рассматриваться как результат влияния родного языка.

Таким образом, выявленные ОРС в русской речи татарско-русских билингов, зафиксированные в материалах корпуса устной речи тюркско-русских билингов, могут быть рассмотрены как доказательство интерферентного влияния отсутствия родовой категоризации в сознании у татарско-русских билингов, что, соответственно, проявляется в ошибочной экспликации зависимых форм в случаях согласования по роду в речи татарско-русских билингов на русском языке. Результаты анализа также показали, что отклонения в родовой категоризации в некоторых случаях сопровождаются рассогласованием в категориях числа и падежа, что требует дальнейшего исследования с привлечением большего числа текстовых вхождений. Значимым заключением проводимого исследования является тот факт, что результаты лингвистического анализа выявленных примеров интерференции соотносятся с результатами, полученными в рамках психолингвистических экспериментов.

В настоящее время в психолингвистике активно исследуется влияние грамматической структуры родного языка на обработку языковых знаков второго языка и наоборот, как в паре разноструктурных, так и схожих языков с использованием методологии поведенческого эксперимента.

---

¹ *Макеева А.Э.* Интерферентные явления в русской речи кыргызов-билингвов (морфолого-синтаксический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 1995. 18 с.

² *Ирсов Н.И.* Категория падежа в татарском языке в сравнении с индоевропейскими языками // Вестник ЧелГУ. 1997. № 1.

Например, эффект влияния оппозиции маркированных и немаркированных членов грамматических категорий был выявлен при изучении воздействия грамматических, лексико-грамматических и лексико-семантических свойств слов на процессы их когнитивной обработки в ситуации бимодального восприятия на материале русского и болгарского языков. В рамках эксперимента с классическим заданием на категоризацию было выявлено различие в когнитивной обработке маркированных и немаркированных членов оппозиций грамматической категории рода¹ и лексико-грамматического разряда одушевленности – неодушевленности имен существительных². Исследование, выполненное на материале русского и испанского языков, также подтверждает положение гипотезы лингвистической относительности о влиянии грамматических категорий языка на когнитивные процессы носителей и билингов. Так, носители русского языка нашли больше сходства в объектах, выраженных существительными одного грамматического рода, чем в объектах, выраженных существительными разного рода. Это может свидетельствовать о том, что носители языка воспринимают свойства объектов сквозь своеобразные фильтры, формируемые системой обязательных грамматических категорий, а именно грамматического рода его носителей³. Доказательство влияния родного тюркского языка с отсутствующей категорией грамматического рода на когнитивную обработку слов русского языка, противопоставленных по грамматическому роду, даже у тех билингов, у которых русский язык является активным и функционально доминирующим, представлено, например, в работах З.И. Резановой и коллег⁴. Результаты проведенных экспериментов свидетельствуют о когнитивной обработке категории рода русско-тюркскими билингвами не как грамматической, а как семантической категории, о чём свидетельствует отсутствие влияния противопостав-

---

¹ Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Влияние грамматической категории рода на бимодальное восприятие имен существительных болгарского языка // Русин. 2015. № 3. С. 241–255.

² Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Категория абстрактности имен существительных в русском и болгарском языках: когнитивные рефлекссы формализации // Русин. 2016. № 3 (45). doi: 10.17223/18572685/45/3/26

³ Резанова З.И., Еришова Е.Ю. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50.

⁴ Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами... С. 103–123.

ленности стимулов по признаку формально-грамматической маркированности, в то время как скорость усвоения немаркированных членов оппозиции носителями русского языка как родного выше в сравнении с маркированными. Высказывается предположение, что взаимодействие родовых грамматических систем билингвов определяется отсутствием существующих паттернов грамматической родовой категоризации в родном языке и, соответственно, при необходимости экспликации грамматической системы в русском языке происходит отсылка к существующей в родном языке когнитивной структуре, реализующейся в отношении интеракции. При отсутствии грамматической категоризации в родном языке освоение грамматической категории второго языка не остаётся на уровне «когнитивной техники», но влияет на другие когнитивные процессы¹.

2.3.5. Лексическая интерференция в русской речи шорско-русских билингвов²

Наиболее заметными проявлениями интерференции на лексическом уровне являются заимствования. Отметим, что обсуждавшийся ранее аспект двойственной природы интерференции отражается и в определении заимствований как одного из её видов, что можно наблюдать, например, в определениях заимствований в современных авторитетных терминологических и специализированных энциклопедических источниках. См., например: «1. Обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий...; 2. Слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования»³, «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.),

¹ Царегородцева О.В., Резанова З.И. Влияние различий грамматической категоризации на концептуализацию объектов: русско-татарское языковое взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 54–61.

² Материалы были опубликованы в статье: Резанова З.И., Рыжова О.В. Лексическая интерференция как речевое явление: обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингвов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. № 24 (2). С. 177–185. doi: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-177-185

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / под ред. М.В. Лазова. М. : Советская энциклопедия, 1966. С. 146.

перенесённый из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой»¹.

Отметим при этом, что описание типов заимствований как единиц, вошедших в систему языка, но, возможно, находящихся на разных этапах освоения, и выявление речевых практик, способствующих появлению в речи заимствований, требуют разных подходов, привлекаемого материала и – частично – разных методов, а также актуализируют разные исследовательские вопросы. Так, в настоящее время установлено, что одним из факторов, влияющим на процессы заимствования, шире – *языкового смешения* – является тип билингвизма (см., например²). Следуя этой логике, мы интерпретируем проникновение лексики в языковые практики билингвов, и – через их посредство – в русский язык. В данной работе мы интерпретируем лексические заимствования и как речевое, и как языковое явление, сфокусировав свое внимание на речевых процессах включений иносистемных лексем.

Лексические заимствования как результат языкового взаимодействия обсуждаются в литературе весьма длительное время, результаты исследований излагаются в статьях, монографиях, учебных пособиях (О.С. Ахманова, И.Г. Голуб, А.В. Калинин, Б.А. Серебренников, В.Н. Ярцева и др.). В сфере внимания исследователей находятся прежде всего вопросы причин заимствований и их классы, выделяемые по разным типологически релевантным признакам. Заимствования классифицируются: по способу проникновения в язык-реципиент – устный vs письменный (О.С. Ахманова, Д.Э. Розенталь, В.Н. Ярцева и др.); по наличию или отсутствию эквивалентных единиц во вступающих взаимодействии языках (Р.А. Будагов, И.Г. Добродомова, А.В. Калинин и др.), по степени освоенности в системе принимающего языка; по характеру, направлению освоения: выделяются фонетическая, графическая, морфолого-синтаксическая, деривационная, семантическая освоенность (С.В. Воробьева, Э.Ф. Володарская, Л.П. Крысин и др.).

Мы характеризуем шорско-русскую лексическую интерференцию как речевое явление, обусловленное особенностями языковой ситуации в регионе и особенностями дискурсов, в которых заимствования зафиксированы. Анализ проведен на материале записей корпуса объемом 23 часа звучания,

---

¹ Добродомов И.Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 158.

² *Muysken P.* Bilingual speech: a typology of code-mixing... P. 306; *Polinsky M., Kagan O.* Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom *Language and Linguistics // Compass.* 2007. № 1, 5. P. 368–395.

более 138 380 словоупотреблений. Основную часть респондентов составили люди от 35 до 65 лет, относящиеся к 3-й возрастной группе с высшим образованием, одному респонденту было 30 лет (1-я возрастная группа) на момент анкетирования. Пятеро из них начали говорить на русском с 3-летнего возраста, 1 человек – с 6 лет и 7 человек – с 7 лет. По словам респондентов, в настоящее время 90% в коммуникации ведётся на русском языке, а 10% в коммуникации занимает шорский язык.

Характеризуя заимствования из родного языка в русской речи билингва по базовым параметрам – наличие vs отсутствие эквивалента в русском языке, степень освоенности в русском языке, доминирующие тематические группы, выявляем типы дискурсивных условий, актуализирующие появление заимствования из родного языка в русской речи. Как было отмечено, в жанровом отношении записи представляют собой интервью, направленные на сбор информации о социолингвистическом статусе и о языковом опыте респондентов, а также беседы с респондентами на свободные темы, в которых выделяются рассуждения на темы быта, этнической культуры, социальных обстоятельств жизни респондентов, членов их семьи и друзей, а также характеристика интересных, значимых событий в жизни, аспектов профессиональной деятельности или учёбы.

Важным следствием такого варианта сбора материала является ограниченность наших выводов их приложимостью к ситуациям общения билингвов с носителями второго, приобретённого языка, не знающих материнский язык билингва, а также отмеченными выше дискурсивными и жанровыми ограничениями.

При определении статуса лексических единиц были использованы данные шорской грамматики¹, шорско-русских переводных словарей, а также текстов, посвящённых шорскому языку, культуре.

Далее мы охарактеризуем типичные коммуникативные ситуации, в которых отмечена актуализация заимствований из шорского языка в русскую речь, противопоставленных по признакам наличия/отсутствия эквивалентов, степени освоенности, тематической приуроченности.

1. По признаку наличия или отсутствия русского эквивалента противопоставляются заимствования, имеющие русский эквивалент, и безэквивалентная лексика, так называемые экзотизмы.

---

¹ Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка...

При использовании заимствований, имеющих русский эквивалент, они чаще всего актуализируются билингвами в ситуациях рассуждений об особенностях быта, своеобразии материальной и – реже – духовной культуры шорского народа: *Вот у меня старший сын, когда был маленьким, я его учила говорить, он помнил всё, что даже вот обиход в кухне ножик, там хлеб, всё он знал, а щас внука учу, ааа, он когда пришёл, говорю, покажи мне, где щаз, он говорит, «опять, вот щаз»* (Г.Н., с., 2); *Вот торговали вот они все время говорили на тувинцев, то есть по-нашему они соиннер, а хакасцы это сарейлер* (Р.С., в., 3); *«Бичик» – это значит букварь по-русски, то есть он и на русском и на шорском языке, да. С детьми мы изучаем* (Г.Н., с., 2); *У нас бабушка вот, ведь рассказывала сказки, что, это, шочек, шочек, по-шорски шочек, а вот что что обозначает, не помню... да, шочек – это сказка* (Г.Н., с., 2).

Респонденты в процессе разговора используют шорские лексемы и одновременно переводят их, подыскивая более точный эквивалент, зная, что собеседник не владеет шорским языком: *Харын, харын. Ну, харын – это внутренности, да, кишки, собственно* (Н.С., в., 2). Иногда респонденты сомневаются в эквивалентности понятий, что, например, отражено в следующем контексте: *Ой, не на солнышке, а это, солили и вешали в теньке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем «чапе», а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша* (Г.Н., с., 2).

В нашем материале доминируют два варианта коммуникативных ситуаций, способствующих появлению типа заимствований, имеющих русские переводные эквиваленты. Преобладают варианты актуализации заимствований в ответах на вопросы о своеобразии шорской культуры, как, например, в следующем контексте: *Любая там болезнь, праздник это все равно идет через камлание и... надо понимать, что, ну, должен быть дар, чтобы вот так вот шаманить, камлать, это не так просто. А камлать и шамла... шаманить и камлать ну, это мы камлаем, так говорим* (Н.С., в., 2).

Второй вариант актуализации – в свободных беседах, также стимулированных интересом интервьюеров к шорскому языку и культуре, в рассуждениях:

– о родстве тюркских языков: *Тюркский язык – очень близкий, но, например, мы говорим баш, а они анчалы они говорят бас мы говорим ээ аргыштад, а они говорят аргышитат а у них аргустав, а у нас авгастов по шорски означает лодырь* (И.А., в., 2);

– своеобразии шорского языка по отношению к русскому, как, например, в следующем контексте информант рассуждает о наличии в шорском

языке звука [ы]: *Счастье – ырыс. Ырыстых – это счастливых. Ырыстыхчи – осчастливленный...* (И.А., в., 2);

– своеобразии коммуникации в условиях билингвизма: *Я ей показываю вот пальцем, я тут это самое, говорю, шадр, она тоже берёт палец и говорит по-русски: «Половик». Я повторяю: «Половик» –, она повторяет: «Шадр»* (В.С., с-с., 3).

Третья коммуникативная ситуация, в которой реализуются заимствования, – ситуация коммуникативного сбоя; в этом случае в общей языковой ситуации абсолютного функционального доминирования русского языка в первую очередь актуализируется лексема родного языка, и на ходу, в актуальном времени ищется эквивалент в русском языке: *Мелко нарезанная она вот такими вот маленькими [показывает руками], как сказать это тегерик, круглешочками, и засоленная* (Н.С., в., 2).

Широко представлены в материалах корпуса речи шорско-русских билингвов заимствования из шорского языка, не имеющие лексического эквивалента и идентичного концепта в русской языковой картине мира. При использовании в речи таких лексем, также понимая, что собеседник не знаком с использованной лексемой, наши собеседники, как правило, давали определения, характеризуя, чем отличается названное явление, предмет, событие: *Кюрмек... с это... кюрмек с рыбой, кюрмек с колбой может, кюрмек с мясом. Это закрытый пирог. Когда на лист кладется тесто, а сверху рыба или мясо* (У.Н., в., 2); *Почему, у нас ставили арту, то есть напиток, вместо кваса, жажду утоляло, очень вкусный напиток, а сейчас же почти никто не ставит, только в тоисках ставили, больше нигде* (С.Р., в., 3).

Абсолютно доминируют ситуации рассуждений респондентов о своеобразии национальной культуры: *У них это называется сабантуй, наверное, сабантуй. А у нас байрам да, ага* (Г.Н., с., 2); *Ну да, конкурсы, эээ, национальная кухня, стан, национальные костюмы, и те же игры – ку-реж, спортивные мероприятия* (Г.Н., с., 2).

При этом также может возникать ситуация коммуникативного сбоя, связанная с поиском эквивалентов в русском языке, заканчивающимся описательным обозначением соответствующего референта: *...мы всегда скотину держали старики мы всегда говяжье мясо, у нас всегда было своё, потом койлеп, койлеп... щас на русский вспомню, как это будет. Иногда просто бывает, не могу переключиться, койлеп, так... баранина, вот, вспомнила, думаю, ну как же* (Н.С., в., 2).

В составе заимствований в речи наших информантов выделяются две обширные группы: имена собственные и нарицательные. Варианты имён

нарицательных и типовые контексты их употребления были охарактеризованы нами ранее. Обратимся к именам собственным. При анализе этой группы заимствований мы опираемся на классификацию А.В. Суперанской, используя её терминологию¹.

Из 13 классов, охарактеризованных в работах А.В. Суперанской, в проанализированном материале выделяются:

– антропонимы – имена собственные, идентифицирующие человека: *Шорская, э шорское его имя Наног, Наног, шорское имя его Наног, а порусски его зовут Иван Захарыч; А женские какие имена, например, национальные? ...Ну, Начука, допустим, это в переводе Надежда, вот, я – Мария, у меня Марий... Марий... можно было назвать. Ещё много* (С.Г., в., 2);

– гидронимы – названия водных объектов: *Ну, эта по-русски это как э: извиваясь, текла река Пызас, я полюбила парня, когда был он в отлучке, сколько обо мне он подумал, сколько же раз он па-подумал обо мне (сметется); Страшное наводнение. Мрассу, река, огромная* (Е.Н., в., 2);

– оронимы – имена гор, холмов, низин и т.п.: *Да. Но наверху там, карликовые деревья, потому что там постоянно ветра и морозы, а Мустаг, Мустаг он и был Мустаг; Мустаг это шифр названия, мусс, это лёд, так, это гора, ледяная гора* (Г.Н., с., 2);

– ойконимы – имена населенных мест: *Нет, я в начальную школу... начальную школу три класса закончил в поселке Чилису-анзас; Ну, национальный парк, вот если с Усть-Кабырзы вы когда-нибудь соберётесь сплавиться, вот эту красоту вы увидите* (С.Г., в., 2); *Э... Да, работа. Потому что, вот Мундыбаши закрыли, и... ну, сам Тулеев – он вообще родом из Мундыбаши; А щас же там прям делают эти трассы через, вот, Шерегеи, и сразу Чугунаш* (Е.Н., в., 2); *Он из Кизиса. – Кизис... а это что, посёлок? ...Да, посёлок. Раньше там он большой был, там, как говорится, и магазины, и клуб, я помню, и школа – всё было* (Т.З., с-с., 2);

– теонимы и мифонимы – имена богов и мифологических персонажей: *Ну дух огня... забыла как он называется. Таэзи? Не помню, как называется, просто волнуясь немножечко (смеется)* (Э.Н., в., 1); *Вот, а... шаманы, они являются а-эм... посредниками между людьми и между... наивысшим богом Ульгеном. У нас же Ульген там. ...Ну, почитаем духов, вот Ульгена и духов природы. И Тенгри тоже щас последнее время, как тенгрианство. Течение такое... есть же* (М.А., в., 2); *Ну Альгудек, в первую очередь, Альгудек, он всегда открывает праздник. Альгудек – это богатырь, да, шорский что вот,*

---

¹ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : Либроком, 2012. 370 с.

ааа, всегда вначале приходит Альгудек, тоже на коне приезжает, дают разрешение на проведение всего праздника (Г.Н., с., 2);

– этнонимы – названия наций, народов, племён и т.п.: *А в Караголе, где я училась, там семей 5 тоже было кумандинцев... Ну, видите, они делятся по сеокам* (В.С., с-с., 3)! *Кызай, Саддогич, допустим, да... Шорке же вот, это все вот, почему, эээ, каргэз говорят. Усть-Янзасс, там в основном вот сеок, этот каргэлер, здесь таиштер, есть светлые, есть русые, есть вообще тёмные* (Г.Н., с., 2);

– хрематонимы – названия предметов и продуктов духовной и материальной культуры (названия периодических изданий, названия книг и т.п.): *...Он в восемьдесят восьмом уже было узаконено и в восемьдесят восьмом году у нас вот здесь в Тештеготском районе начала выпускаться газета, которая называлась «Кызыл шор» в переводе на русский означает «Красная Шория»* (И.А., с., 2);

– эргонимы – названия предприятий, учреждений, союзов, обществ: *Да. На таком уровне хорошем. Но друзья у неё только ансамбль «Ак Чаяк». С «Чалтысом» она не дружит* (Е.Н., в., 2);

– космонимы и астронимы – имена зон вселенной и отдельных небесных тел, представлены в нашем материале единичными примерами, как правило, это единицы, ставшие основанием метафорического переноса при названии шорских общественных организаций, как, например, в реплике респондента, рассказывающей об ансамбле народного танца: *«Челтыс» – это звезда. Светить – это... «Челтыс», то есть «свети» и «звезда» – одно слово. В обсем-то это звезда* (З.И., с-с., 2).

Как видим, имена собственные, заимствованные из шорского/тюркских языков, представляют собой достаточно разнородную группу, количественно представленную в нашем материале неравномерно. Различаются и типовые коммуникативные ситуации, в которых было зафиксировано их употребление. Наибольшей широтой, наибольшим разбросом коммуникативных ситуаций актуализации в материалах корпуса характеризуются разные виды географических наименований, их актуализация может возникать самым естественным образом при характеристике жизни респондентов, членов их семей, событий, социальной и природной среды существования.

При анализе заимствований одним из важнейших аспектов является характеристика по степени освоенности принимающим языком. В литературе традиционно выделяют в качестве основных способов адаптации за-

имствований к языку-реципиенту: фонетический, графический, грамматический, семантический, см., например работы Л.П. Крысина¹. Полагаем, что также важным показателем освоенности является функциональная экспансия слова в принимающем языке, выход за пределы конкретных речевых ситуаций, собственно, билингвального общения, а также жанровых и дискурсивных ограничений. Как показывает наш материал записей спонтанной речи билингов, степень системно-языковой освоенности может не находиться в непосредственной корреляции с коммуникативной экспансией.

Так, например, слово шорского языка в речи наших респондентов может демонстрировать базовые признаки освоенности – фонетическую и грамматическую адаптацию к системе русского языка. Респонденты, в совершенствовании владеющими русским языком, ситуативно легко в механизмах фонетической субституции и встраивания в морфологическую структуру адаптируют слово родного языка к системным закономерностям русского языка, как, например, в контексте: *И копали ведь не лопатами, а тямками, вот были, ну основания были как у лопаты, так же да, абыл, вот этим как бы абылем* (Г.Н., с., 2). И другие наименования феноменов материальной и духовной культуры шорцев, мифологические имена, названия произведений культуры и учреждений национальной культуры, актуализированные в нашем материале при обращении к соответствующей тематике в диалогах, в ответах на прямые вопросы, также имеют ограниченную сферу распространения за пределами билингвальных речевых практик, как правило, будучи представлены в письменных и устных дискурсах о шорской культуре.

Среди имен собственных выделяется группа географических наименований, имеющая более широкую сферу распространения. Являясь официальными наименованиями географических, административных объектов, эти имена вошли в систему русского литературного языка, воспроизводясь в тематически неограниченных коммуникативных ситуациях.

При том что подавляющее большинство зафиксированных в нашем материале шорских заимствований относится к числу освоенных, в материале отмечены и вкрапления в русскую речь лексем шорского языка, актуализирующих в контекстах свою иноситемность. Отметим небольшое количество таких контекстов, так как подавляющее большинство материалов корпуса представляют ситуации общения, когда билингв общался с интер-

---

¹ Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Наука, 1968. 208 с.; Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

вьером, не владеющим шорским языком. Ведущим показателем иносистемности является произношение лексем в соответствии с нормами шорской фонетики, реже – морфолого-синтаксическая обособленность единиц. Дополнительным маркером переключения кода могут быть указание на цитацию чужой или своей речи: *А вот внук, он у меня русский, он меня понимает. Я говорю: «Костя, кель пее!»*, – *«Иди сюда»* (Р.С., в., 3); И вот она не могла по-русски сказать: *«Вот, пойдём домой, поменяемся, там это, игрушкой какой-нибудь»*. *А, а она по-шорски говорила: «Пульге парамас»*. *Это, пурнас, то есть, домой пойдём, поменяем* (Г.Н., в., 2). Такие контексты интерпретируются нами как ситуации переключения кодов – переход говорящего с русского языка на шорский и снова на русский в линейном ряду развертывания речи. Абсолютное доминирование коммуникативных ситуаций, актуализирующих переключение кодов, – это ситуации рассуждения респондентов об особенностях шорской культуры и переход к обсуждению языкового маркирования культурного своеобразия, как, например, в следующем фрагменте: *Ну, различные украшения чынча э... на костные украшения – чынча... ..ызырга – эта... как эта... серьги... Эта... чўстўк – эта... ..потом чўстўк* (С.Г., в., 2).

Таким образом, лексическая интерференция как речевое явление стимулируется особыми коммуникативными ситуациями, к числу которых относятся и ситуация билингвального общения, тематическая направленность коммуникации, особенности языкового опыта коммуникантов.

К более общим, но весьма значимым факторам, влияющим на процессы интерференции, следует отнести тип языковой ситуации, характер функционального распределения языков: применительно к анализируемому материалу важным считаем несбалансированность языковой ситуации, функциональное доминирование русского языка.

Отмеченное нами ранее ограничение функций современного шорского языка, выполнение им функции средства домашнего, дружеского общения и маркера этнокультурной идентичности находит отражение в характере лексических интерферентных процессов. Значительная часть заимствований остаётся в статусе речевого явления, при вхождении в язык-систему такие заимствования характеризуются как функционально ограниченные, актуализируясь в дискурсах шорской этнокультурной идентичности.

Лёгкость системно-языковой фонетической и морфологической адаптации к системным закономерностям русского языка определяется высоким уровнем его освоения в исследуемом типе билингвизма при котором

второй (русский) язык является освоенным на высоком уровне и функционально доминирующим.

Выделенные в соответствии с традицией группы безэквивалентных заимствований и заимствований, имеющих русскоязычные лексические соответствия, актуализируются в типовых коммуникативных ситуациях. Их иноязычность осознаётся говорящим и комментируется. Комментарии являются либо частью значительных по объёму фрагментов бесед, посвящённых метаязыковым рефлексиям информантов, стимулированных собеседниками, либо, появляясь спонтанно, актуализируют метаязыковые рефлексии «по случаю».

2.4. Отклонения от речевого стандарта: распределение типов, соотношение с социальными группами носителей тюркско-русского билингвизма

Как было показано ранее, отклонения от речевого стандарта в речи билингов являются результатом действия многих факторов, взаимодействующих разнонаправленно или солидарно: влияние родного языка, опыт говорения на русском языке в одном из его территориальных вариантов (русские народные сибирские говоры вторичного образования), условия устной спонтанной речи.

Далее на основе применения методов статистического анализа ответим на вопросы: какие типы ОРС преобладают? есть ли зависимость ОРС от базовых социолингвистических характеристик носителей языка – возраста и образования? Особый предмет анализа – соотношение индивидуальных и социально-групповых особенностей респондентов.

Был проведен статистический анализ распределения типа ОРС в речевых практиках разных групп представителей тюркско-русского билингвизма.

Шорско-русский билингвизм¹. Первый вариант анализа был проведён на материале шорско-русского подкорпуса. Для проведения анализа были выделены только тексты респондентов, фрагменты текстов интервьюеров исключались. Общий объём проанализированных текстов составил 125 451 словоупотребление. Далее было определено количество словоупотреблений в записях группы респондентов и каждого респондента. Стати-

---

¹ Статистический анализ был проведен А.А. Степаненко.

стический анализ проводился с учётом соотношений типов ОРС ко всему количеству словоупотреблений: анализировался параметр IPM (installs per mille), в нашем случае – количество ОРС на 10 тыс. слов в тексте. В табл. 18 представлены нормализованные частоты ОРС в репликах шорско-русских билингов. Названия столбцов в таблице содержат обозначения типов отклонений от речевого стандарта тегами, принятыми авторами корпуса. Эти обозначения используются далее при представлении результатов всех применённых вариантов статистического анализа. Далее мы даём их краткую характеристику для удобства интерпретации приводимых в данном разделе результатов.

Нарушения норм:

- SyntPrep – предложного управления;
- SyntGov – падежного управления;
- SyntAgrGen – согласования по роду;
- SyntAgrAsp – согласования по виду;
- SyntAgrNum – согласования по числу;
- SyntAgrCase – согласования по падежу;
- LexSemAgr – лексико-семантического согласования;
- SyntCon – согласования в пределах словосочетания и сложного предложения;
- SyntSemFunc – семантико-синтаксического функционирования лексем;
- MorphFff – использования деривационных аффиксов;
- MorphStem – форм корня на морфемном шве;
- MorphNum – категоризации по числу;
- Phon – звучания;
- PhonAcc – ударения;
- LexSemAgr – лексико-семантического согласования;
- LexSem – использования значений многозначного слов;
- CodeSw – переключение кодов;
- SyntLess – неполнота предложения;
- Lex – использование заимствований, диалектизмов, жаргонизмов и под.;
- LexId – особые случаи использования идиом.

В названиях строк мы обозначаем номер текста в соответствии с принятыми в корпусе обозначениями файлов и его отнесённость к автору. При этом мы совместили два варианта обозначений – шифры респондентов в корпусе и обозначения респондентов так, как это было принято в публикациях и продолжено в монографии в тех её разделах, где приводятся не только типы ОРС, но и иллюстрирующие их контексты. Например,

Sh003_001 – шифр исходного файла респондента, где Sh – маркирует этническую принадлежность респондента по его самооценке, материнский язык респондента, шорский (по аналогии литера Н – хакас/хакаска, хакасский, литера Т – татарин/татарка, татарский), цифра – порядковый номер текста в корпусе; далее: Е.Н., – инициалы респондента/респондентки; в., – уровень образования; 2 – возрастная группа.

Таблица 18

Нормализованные частоты ОРС в текстах шорско-русских билингвов (IPM) (часть 1)

Текст	Morph Aff	Morph Stem	Morph Num	Der Aff	Phon	Phon Acc
Sh0003_001; Е.Н., в., 2	1,31	1,31	0,00	0,00	2,62	0,00
Sh0007_014; М.Н., н., 3	31,11	0,00	1,20	0,00	13,16	0,00
Sh0017_002; М.А., в., 2	11,58	0,00	1,052	0,00	1,05	0,00
Sh0018_001; И.А., н-в., 2	5,28	0,00	0,00	5,28	0,00	0,00
Sh0020_001; Р.С., в., 3	2,60	0,00	0,87	13,88	0,00	0,00
Sh0021_001; О.Е., н., 3	25,32	0,00	0,00	2,53	45,58	7,60
Sh0022_001; З.И., с., 2	3,50	0,00	0,00	4,09	154,13	0,00
Sh0023_001; П.Н., с-с., 3	1,39	0,00	0,00	47,27	107,06	4,17
Sh0024_001; Э.Н., в., 1	0,00	0,00	0,00	3,03	3,03	0,00
Sh0024_002; Э.Н., в., 1	3,99	0,00	0,00	11,98	23,96	0,00
Sh0024_003; Э.Н., в., 1	3,12	0,00	0,00	4,67	38,95	0,00
Sh0025_002; С.Г., в., 2	3,46	1,73	0,00	6,91	103,65	0,00
Sh0032_001; Г.Н., в., 2	3,84	0,00	0,00	3,84	39,64	0,00
Sh0039_001; Н.Н., с., 2	11,53	2,10	3,67	6,29	129,48	7,34

Таблица 19

Нормализованные частоты ОРС в текстах шорско-русских билингвов (IPM) (часть 2)

Текст	Lex	LexId	LexSem	Lex SemAgr	CodeSw
Sh0003_001; Е.Н., в., 2	19,65	0,00	0,00	0,00	11,79
Sh0007_014; М.Н., н., 3	11,96	0,00	1,20	1,20	15,55
Sh0017_002; М.А., в., 2	52,64	4,21	8,42	20,00	17,90
Sh0018_001; И.А., н-в., 2	31,67	1,06	2,11	3,17	29,56
Sh0020_001; Р.С., в., 3	10,41	0,00	1,74	0,00	19,95
Sh0021_001; О.Е., н., 3	10,13	0,00	5,06	5,06	2,53
Sh0022_001; З.И., с., 2	21,60	1,75	6,42	5,84	1,17
Sh0023_001; П.Н., с-с., 3	20,86	1,39	9,73	2,78	4,17
Sh0024_001; Э.Н., в., 1	57,66	0,00	0,00	6,07	0,00
Sh0024_002; Э.Н., в., 1	19,97	0,00	0,00	3,99	15,97
Sh0024_003; Э.Н., в., 1	40,51	0,00	0,00	3,12	7,79
Sh0025_002; С.Г., в., 2	36,28	0,00	0,86	6,05	41,46
Sh0032_001; Г.Н., в., 2	28,13	0,00	0,00	1,28	0,00
Sh0039_001; Н.Н., с., 2	42,46	3,15	7,34	10,48	7,34

Таблица 20

Нормализованные частоты ОРС в текстах шорско-русских билингов (IPM) (часть 3)

Текст	Synt AgrAsp	Synt Less	Synt Con	Synt SemFunc
Sh0003 001; Е.Н., в., 2	0,00	94,30	0,00	0,00
Sh0007 014; М.Н., н., 3	1,20	57,43	0,00	0,00
Sh0017 002; М.А., в., 2	0,00	86,33	6,32	0,00
Sh0018 001; И.А., н-в., 2	0,00	76,01	6,33	3,17
Sh0020 001; П.С., в., 3	0,00	163,98	27,76	0,87
Sh0021 001; О.Е., н., 3	0,00	111,42	2,53	0,00
Sh0022 001; З.И., с., 2	0,58	110,93	2,92	0,00
Sh0023 001; П.Н., с-с., 3	0,00	41,71	2,78	0,00
Sh0024 001; Э.Н., в., 1	0,00	78,91	9,10	0,00
Sh0024 002; Э.Н., в., 1	0,00	239,62	15,97	0,00
Sh0024 003; Э.Н., в., 1	3,12	67,00	4,67	0,00
Sh0025 002; С.Г., в., 2	0,86	56,15	19,00	0,00
Sh0032 001; Г.Н., в., 2	0,00	46,03	1,28	0,00
Sh0039 001; Н.Н., с., 2	1,05	120,56	6,81	0,00

Таблица 21

Нормализованные частоты ОРС в текстах шорско-русских билингов (IPM) (часть 4)

Текст	Synt Prep	Synt Gov	Synt AgrCase	Synt AgrGen	Synt AgrNum
Sh0003 001; Е.Н., в., 2	10,48	17,03	0,00	0,00	0,00
Sh0007 014; М.Н., н., 3	21,54	16,75	0,00	1,20	1,20
Sh0017 002; М.А., в., 2	23,16	8,42	0,00	2,11	3,16
Sh0018 001; И.А., н-в., 2	14,78	11,61	1,06	4,22	2,11
Sh0020 001; П.С., в., 3	19,09	7,81	0,00	5,21	0,00
Sh0021 001; О.Е., н., 3	22,79	25,32	0,00	2,53	10,13
Sh0022 001; З.И., с., 2	12,84	5,84	0,58	0,58	8,17
Sh0023 001; П.Н., с-с., 3	8,34	8,34	0,00	5,56	1,39
Sh0024 001; Э.Н., в., 1	54,63	24,28	3,03	0,00	3,03
Sh0024 002; Э.Н., в., 1	27,96	31,95	0,00	3,99	0,00
Sh0024 003; Э.Н., в., 1	3,12	7,79	0,00	0,00	3,12
Sh0025 002; С.Г., в., 2	32,82	34,55	0,00	15,55	9,50
Sh0032 001; Г.Н., в., 2	5,11	5,11	1,28	0,00	1,28
Sh0039 001; Н.Н., с., 2	25,16	17,82	3,67	8,39	5,24

На рис. 14 представлена визуализация встречаемости ОРС в текстах билингов на основании среднего значения.

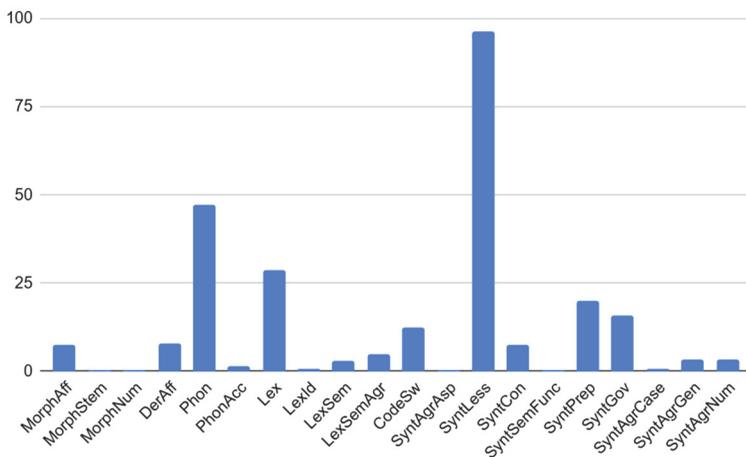

Рис. 14. Среднее значение реализаций OPC в текстах устной речи шорско-русских билингвов

Как можно видеть, стабильно преобладающими типами OPC в исследуемой группе билингвов являются OPC, обусловленные особенностями устной спонтанной неподготовленной речи. К этому типу относятся прежде всего отклонения в нормах произношения (Phon), как правило, имеющие лексико-семантический характер, и нарушения норм грамматической полноты речи, смысловой законченности высказывания (SyntLess).

Преобладающим типом OPC, обусловленным интерферентным воздействием тюркских языков, поддерживаемых, как было показано ранее, активными тенденциями развития русского языка, прежде всего в русской разговорной речи, являются отклонения, связанные с реализацией норм падежного и предложно-падежного управления (SyntGov и SyntPrep). Значительное сближение в частотности данных типов отклонений от речевого стандарта характерно как для всей группы респондентов, так и в распределении по персонам.

Меньшее выражение получили OPC, в сфере грамматического согласования (SyntAgrCen, SyntAgrCase, SyntAgrNum), также в основе своей предположительно обусловленные тюркско-русским интерферентным влиянием (на диаграмме рис. 14 отмечены лавандовым цветом).

Можно также наблюдать весьма высокий уровень встречаемости OPC в области использования локально или функционально ограниченной лексики

(Lex) и в сфере переключения кодов (CodeSw), что мотивируется естественным образом: в беседах отражается жизнь, культура носителей шорского языка, и это не могло не отразиться в использовании лексических заимствований из родного языка. В данную группу ОРС включены также другие регионализмы, вкрапления общерусской просторечной лексики.

Из таблицы нормализованных частот ОРС (см. табл. 18–21) можно видеть высокий уровень встречаемости ОРС в сфере фонетики и синтаксической полноты у респондентов Sh0022_001, Sh0025_002, Sh0039_001. Как было отмечено ранее, это ОРС, появляющиеся преимущественно под влиянием условий спонтанной речевой коммуникации. При этом данные респонденты относятся к разным гендерным, возрастным группам, имеют разный уровень образования. В то же время можно отметить и достаточно высокий уровень близости дисперсий ОРС типа SyntGov, SyntPrep в исследуемой группе.

Для выявления соотношений отдельных типов ОРС с социальными группами носителей шорско-русского билингвизма был предпринят дополнительный анализ с использованием ранговых критериев проверки значимости гипотез, исходя из распределения данных. В зависимости от количества классов применялись тесты Краскела – Уоллиса (три и более класса) и Вилкоксона (два класса). Среди анализируемых групповых факторов: возраст, пол, уровень образования.

В результате проведенного анализа были выявлены следующие статистически значимые различия в группах. Частота встречаемости ОРС ошибок акцентуации (PhonAcc) и ОРС в области использования локально или функционально ограниченной лексики (Lex) статистически значимо варьируется в зависимости от возраста ($\chi^2 = 4,6468$, $df = 1$, $p\text{-value} = 0,031$ и $\chi^2 = 6,6$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0,037$ соответственно). Наибольшая плотность нарушения нормативного ударения наблюдается при возрастании возраста респондентов, наибольшая плотность отклонения от лексических норм характерна для средней возрастной группы.

То есть на данном этапе найдены только две статистически достоверные зависимости появления ОРС в зависимости от возраста респондентов: отклонения от лексических норм словоупотребления и постановки нормативного ударения. Однако вопрос о степени влияния интерферентных межъязыковых или внутриязыковых влияний остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Таким образом, можно говорить о преобладании индивидуальных различий над социально-групповыми. Для дальнейшего исследования этого

вопроса мы предприняли анализ, включающий все три варианта билингвизма с целью увеличения количества анализируемого материала.

Три варианта билингвизма по различиям материнских языков

На следующем этапе выборка была расширена, к материалу шорско-русского подкорпуса были добавлены размеченные хакасско-русские, татарско-русские подкорпусы (32 текста). Объем проанализированных текстов составил 523 166 слов, т.е. общий объем текстов был увеличен более, чем в 2 раза. Схема анализа была эквивалентна анализу, проведенному на первом этапе.

Полученные на данном этапе данные оказались соотносимы с полученными ранее: стабильно преобладающими типами ОРС в исследуемых текстах являются ОРС, обусловленные особенностями устной спонтанной неподготовленной речи – отклонения в нормах произношения (Phon), а также нарушения норм грамматической полноты речи (SyntLess).

Преобладающим типом являются ОРС, вызванные интерферентным воздействием тюркских языков, поддерживаемые активными тенденциями русского языка, типом коммуникации, жанровыми особенностями, а также ОРС, связанные с реализацией норм падежного и предложно-падежного управления (теги SyntGov и SyntPrep).

Уступают по частотности предыдущей группе нормы грамматического согласования (теги SyntAgrCen, SyntAgrCase, SyntAgrNum), частота встречаемости которых существенно сокращается по сравнению с представленными выше во всем составе текстов.

Обнаруживается и высокое преобладание ОРС в области использования локально или функционально ограниченной лексики (Lex) и в сфере передвижения кодов (CodeSw). В данную группу ОРС наряду с элементами интерферентных явлений включены также другие регионализмы, вкрапления общерусской просторечной лексики.

Различия обнаруживаются и на уровне типов билингвизма. Так, высокая частота ОРС в использовании падежных форм, в том числе предложно-падежных форм, а также использовании ненормативных вариантов морфологических аффиксов (теги MorphAff, SyntGov и SyntPrep) характерна в большей мере для шорско-русских и татарско-русских билингвов, чем для хакасско-русских.

Следующим этапом стало проведение дополнительного статистического анализа, позволяющего выявить влияние социально-групповых факторов (возраст, пол, уровень образования, и тип билингвизма) на частоту встречаемости ОРС.

Исходя из того, что данные не подчиняются распределению Гаусса, мы использовали ранговые критерии проверки значимости гипотез. Для выявления статистически значимых различий в ОРС, в зависимости от возраста и уровня образования, был применен статистический анализ ANOVA Краскела – Уоллиса. В результате проведенного анализа были выявлены статистически значимые различия в группах. Были обнаружены статистически значимые отличия:

1) употребление аффиксов, образующих морфологические формы слова (MorphAff) в зависимости от уровня образования ($H(6, N = 32) = 13,12547, p = 0,041$);

2) отклонение от норм словоупотребления (Lex) в зависимости от возраста ($H(3, N = 32) = 7,536120, p = 0,054$);

3) отклонение от норм синтаксической согласованности (SyntCon) от уровня образования ($H(3, N = 32) = 8,498302, p = 0,0368$).

Кроме этого, были выявлены следующие статистически значимые различия:

1) в ОРС в использовании форм предложно-падежного управления (SyntPrep) между текстами татарско-русских и шорско-русских билингвов, между текстами хакасско-русских и шорско-русских билингвов, но отсутствие различий между появлений данного типа ОРС в текстах татарско-русских и хакасско-русских билингвов ($H(2, N = 32) = 6,690566, p = 0,035$);

2) в ОРС в сфере согласования по падежу (SyntAgrCase) обнаружены статистически значимые различия в текстах шорско-русских и татарско-русских билингвов ($H(2, N = 32) = 7,196429, p = 0,027$);

3) в ОРС в сфере использования морфологических аффиксов (MorphAff) обнаружены статистически значимые различия в текстах шорско-русских и хакасско-русских билингвов ($H(2, N = 32) = 11,35465, p = 0,003$).

Отметим также, что увеличение выборки проявилось в нивелировании статистической значимости различий между текстами анализируемых групп респондентов по ОРС, связанных с отклонением от норм постановки ударения (PhonAcc), при этом отклонения в сфере лексики сохраняет «пограничную» статистическую значимость.

Анализ поуровневой типологии ошибок

Последний этап анализа был связан с поуровневой генерализацией ошибок, призванный осветить вопросы о том, какие типы ОРС преобладают, существует ли зависимость ОРС от базовых социолингвистических характеристик носителей языка – возраста и образования. Укрупненные группы ОРС получили дополнительное маркирование в соответствии с уровневой соотнесенностью: фонетический (Phon), морфо-морфологический (Morph), лексико-семантический (Lex), синтаксический (Synt) и дискурсивный (Disc).

Предобработка данных включала следующие основные шаги. Файлы с разметкой ошибок в форматах .doc/.docx были переименованы по одному типу с включением информации о гендерной принадлежности, возрастной группе, образовании и родном языке респондента, также в названиях файлов указывается шифр респондента и тип разметки (например, Sh0030_ж_2_высшее_егг_шор). При наличии нескольких записей одного респондента файлы были объединены, теги обозначения речи респондента унифицированы (transcript_resp), файлы загружены в среду языка программирования R. Из общей структуры диалогов и полилогов выделены реплики респондентов, в них удалены служебные теги и пунктуация, далее были выделены и посчитаны теги, маркирующие типы отклонений от речевого стандарта, после чего теги были удалены из реплик респондентов и в них был произведен подсчет количества слов; теги были объединены по уровням языка: Phon, Morph, Synt, Lex, Disc. Далее выявили относительные величины ОРС (количество ошибок было разделено на количество слов респондента). В анализ была введена информация о возрастных группах, родном языке, образовании и гендерной принадлежности респондентов.

На первом этапе были получены данные о соотношениях типов ОРС во всех текстах без деления по социально релевантным параметрам респондентов. Как и при проведении анализа относительно конкретных типов ОРС, результаты анализа на укрупненных выборках показали значительное преобладание ОРС, обусловленных особенностями устной спонтанной коммуникации: дискурсивные – разные варианты хезитации и формально-смысловая и функциональная неполнота высказываний; на втором месте – синтаксические: разного типа нарушения синтаксической связности и конструктивной правильности высказываний.

Значительно уступают им ОРС на лексическом и морфологическом уровнях языка, что отражено в табл. 22. В таблице в столбцах отмечены

минимальные и максимальные количества OPC (Min, Max), медиана и среднее (Median; Mean); первое и третье стандартное отклонение (1st Qu.; 3rd Qu.).

Таблица 22

Описательная статистика OPC в текстах всех групп респондентов

Тип OPC	Min	1st Qu.	Median	Mean	3rd Qu.	Max
Synt	0,0013	0,0048	0,0068	0,0092	0,0090	0,0420
Phon	0,0005	0,0053	0,0131	0,0151	0,0236	0,0384
Disc	0,0288	0,0556	0,0665	0,0686	0,0830	0,1289
Lex	0,0002	0,0032	0,0043	0,0052	0,0067	0,0107
Morph	0,0000	0,0005	0,0016	0,0024	0,0030	0,0122

Тип статистического распределения всех типов ошибок (Disc, Phon, Synt, Lex, Morph) в текстах всех групп респондентов, а также в соотношении с текстами представителей разных возрастных групп и типа образования (Synt&1, Synt&2, Synt&3, Synt&высшее и т.д.) показал различные типы распределений, поэтому анализ проводился с использованием как параметрических, так и непараметрических методов статистического анализа. Далее по тексту указывается только тип выбранного анализа, информация о распределении дополнительно не приводится.

Корреляционный анализ (Спирмена) продемонстрировал наличие положительной корреляции OPC между морфологическими и синтаксическими ($p = 0,67$); морфологическими и лексическими ($p = 0,602$) отклонениями от речевого стандарта. Положительная направленность корреляций может быть проинтерпретирована следующим образом: в текстах, где преобладает один тип ошибок с высокой долей вероятности, будет преобладать и второй тип ошибок. Не достигли значимого уровня отрицательные корреляции OPC между дискурсивными и фонетическими ($p = -0,1$), дискурсивными и лексическими ($p = -0,1$) отклонениями от речевого стандарта, что отражено на рис. 15.

Для анализа зависимости частоты появления ошибок от социально-групповых характеристик участников использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

Как отмечалось, респонденты были объединены в три возрастные группы (первая – до 35 лет; вторая – от 35 до 65 лет; третья – от 65 лет) и в три группы по уровню образования (первая – начальное и неполное среднее; вторая – среднее и среднее специальное, третья – незаконченное высшее и высшее).

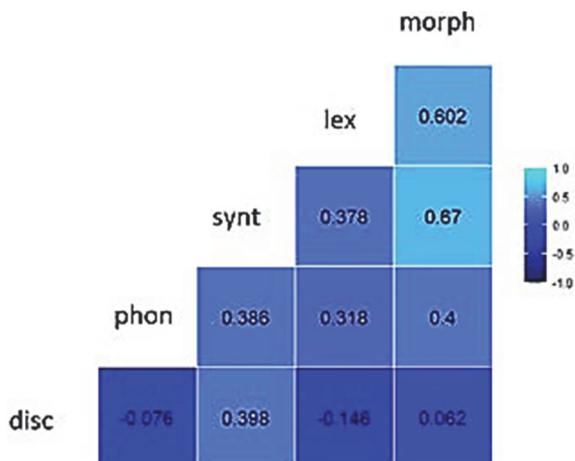

Рис. 15. Корреляционный анализ Спирмена в текстах трех групп респондентов

Статистически значимые различия в распределении ОРС в речи выделенных групп носителей тюркско-русского билингвизма были выявлены для синтаксических и морфологических ОРС. Охарактеризуем их.

Морфологические ошибки и тип образования ($\chi^2 = 12,2229$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0,000$): статистически значимые результаты были обнаружены при сравнении распределения ОРС в речи респондентов с высшим и начальным ($p = 0,002$) с высшим и средним ($p = 0,007$) образованием, что отражено на рис. 16.

Из графика видно, что наименьшее среднее количество ошибок, отраженное в виде широкой линии, характерно для групп респондентов с высшим образованием, наибольшее – для групп с начальным образованием (см. рис. 16).

Морфологические ошибки и возрастные группы ($\chi^2 = 7,5129$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0,02$): статистически значимые различия были установлены в распределении морфологических ОРС в речи представителей второй и третьей ($p = 0,007$), первой и третьей ($p = 0,011$) возрастных групп, что представлено на рис. 17. Наибольшее число ошибок этого типа характерно для третьей возрастной группы.

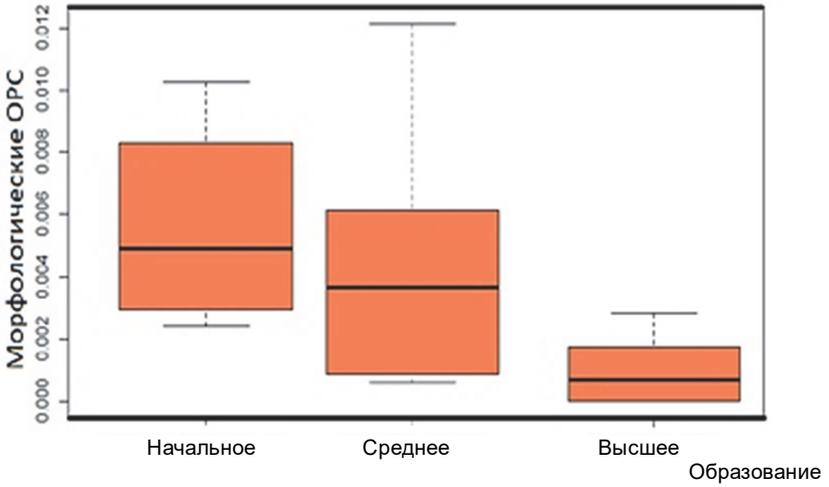

Рис. 16. Диаграммы размаха морфологических ОРС в текстах респондентов с разным уровнем образования

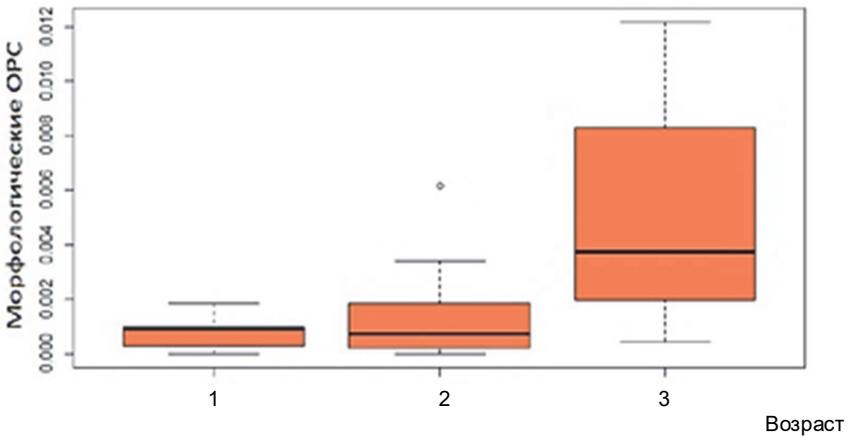

Рис. 17. Диаграммы размаха морфологических ОРС в текстах респондентов

Синтаксические ошибки и возрастные группы ($\chi^2 = 6,3634$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0,040$): статистически значимые результаты были обнаружены при сравнении типов распределения синтаксических ОРС в речи представителей второй и третьей ($p = 0,012$), первой и третьей ($p = 0,018$) возрастных групп, что представлено на рис. 18. Наибольшее число ошибок данного типа характерно для участников с начальным уровнем образования.

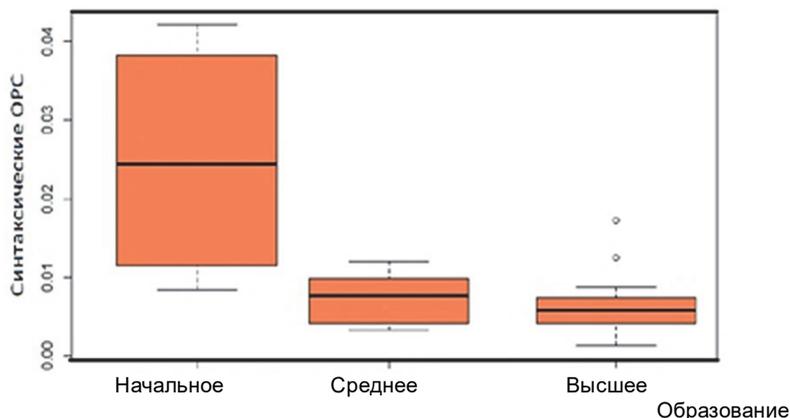

Рис. 18. Диаграммы размаха синтаксических ОРС в текстах респондентов с разным уровнем образования

Синтаксические ошибки и тип образования ($\chi^2 = 7,8222$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0,02$): статистически значимые результаты были обнаружены только при сравнении синтаксических ОРС в речи респондентов с высшим и начальным образованием ($p = 0,003$), что визуализировано в диаграмме размаха на рис. 19. Наблюдается превалирование ошибок данного типа в старшей возрастной группе.

Таким образом, статистическая обработка данных о зафиксированных ОРС в региональном варианте русской устной речи билингвов, родным языком которых является один из тюркских языков (шорский, татарский, сибирский, хакасский), показала, что доминирующим типом являются отклонения от стандарта, обусловленные спонтанным характером речи. Вместе с тем количественное преобладание нарушения норм синтаксической связности в значительном количестве случаев обнаруживает интерферентную обусловленность влиянием родных языков, что было показано нами ранее. Этим же может быть отчасти объяснена положительная корреляция синтаксических и морфологических ОРС.

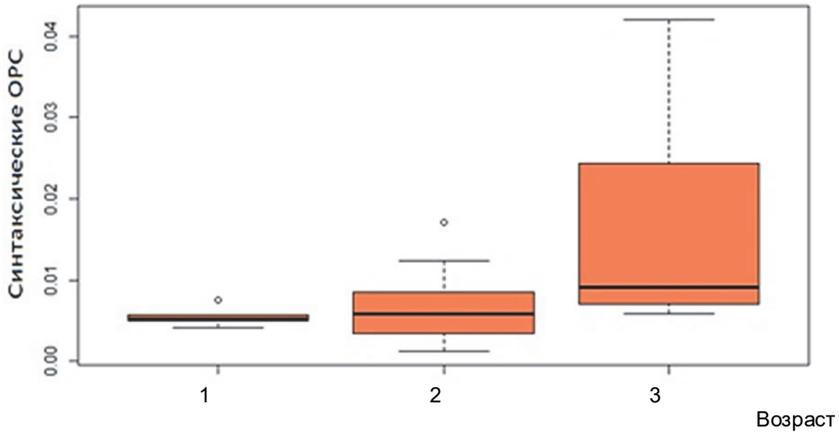

Рис. 19. Диаграммы размаха синтаксических ОПС в текстах респондентов трех возрастных групп

Зависимость распределения ОПС в русской устной спонтанной речи билингов от базовых социолингвистических характеристик носителей языка – возраста и образования – была обнаружена только для групп морфологических и синтаксических ошибок, что также отчасти коррелирует с результатами проведенного нами анализа ОПС в аспекте выявления факторов, их обуславливающих. Проведенный статистический анализ может рассматриваться как довод в пользу того, что дифференциация по уровню образования и возрасту в распределении ОПС выявляется, прежде всего, в зонах наиболее явного проявления интерферентных влияний материнских языков. Однако данный вывод нуждается в дополнительном анализе с привлечением большего объема материала, с проведением дополнительной ручной разметки ОПС по наличию интерференции.

Литература

Abrams D.M., Strogatz S.H. Modeling the dynamics of language death // *Nature*. 2003. № 424. P. 900.

Baggs I., Freedman H. A mathematical model for the dynamical interactions between a unilingual and bilingual population: Persistence versus extinction // *J. Math. Sociol.* 1990. № 16. P. 51. doi: 10.1080/0022250X.1990.9990078

Baggs I., Freedman H. Can the speakers of a dominated language survive as unilinguals – a mathematical-model of bilingualism // *Math. Comput. Model.* 1993. № 18. P. 9. doi: 10.1016/0895-7177(93)90122-F

Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics // *Theoretical Linguistics*. 2013. № 39. P. 129–181. doi: 10.1515/tl-2013-0009

Dörnyei Z. Questionnaires in second language research: Construction, administration, and processing. 2nd ed. New York : Routledge, 2010. 165 p.

Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge : Polity Press, 1992. P. 64.

Ferguson Ch.A. *Language structure and language use*. Stanford, 1971.

Fairclough N. *Discourse and social change*. Cambridge : Polity, 1992. P. vii + 259.

Grenoble L.A., Whaley L.J. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 2006. 230 p.

Hiensalu E., Patriarca M., Leonard J.L. The role of the bilinguals in language competition // *Advances in Complex Systems*. 2014. Vol. 17, № 01. P. 1450003. doi: 10.1142/S0219525914500039

Khomchenkova I.A., Pleshak P.S., Stoyanova N.M. The corpus of contact-influenced Russian of Northern Siberia and the Russian far East // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”*. Moscow, 2019.

Lipski J.M. Spanish-English code-switching among low-fluency bilinguals: Towards an expanded typology // *Sociolinguistic Studies*. 2014. Vol. 8, № 1. P. 23–55. doi: 10.1558/sols.v8i1.23

Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech Language and Hearing Research*. 2007. Vol. 50, № 4. P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/>

Minett J.S., Wang W. Modelling endangered languages: The effects of bilingualism and social structure // *Lingua*. 2008. № 118. P. 19–45. doi: 10.1016/j.lingua.2007.04.001

Montrul S.A. Is the heritage language like a second language? // *Eurosla Yearbook*. 2012. Vol. 12, № 1. P. 1–29.

Muysken P. Bilingual speech: a typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Vol. XVI. 306 p.

Myers-Scotton C. Social Motivations for Code-Switching: Evidence from Africa. New York : Oxford University Press, 1993. Vol. XII. 177 p.

Ortega L. The Study of Heritage Language Development From a Bilingualism and Social Justice Perspective // *Language Learning*. 2020. № 70 (S1). P. 15–53. doi: 10.1111/lang.12347

Otero-Espinar M.V., Seoane L., Nieto J., Mira J. Analytic solution of a model of language competition with bilingualism and interlinguistic similarity // *Physica D Nonlinear Phenomena*. 2013. № 264. P. 17–26. doi: 10.1016/j.physd.2013.08.011

Patriarca M., Heinsalu E. Influence of geography on language competition // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2009. № 388. P. 174–186. doi: 10.1016/j.physa.2008.09.034

Patriarca M., Leonard J.L. The role of the bilinguals in language competition // *Advances in Complex Systems*. 2014. Vol. 17, № 01. P. 1450003. doi: 10.1142/S0219525914500039

Pinasco J., Romanelli L. Coexistence of languages is possible // *Physica A*. 2006. № 361. P. 355. doi: 10.1016/j.physa.2005.06.068

Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the ‘wild’ and in the classroom // *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1, № 5. P. 368–395.

Poplack S. Sometimes I’ll start a sentence in Spanish y termino en español // *Linguistics*. 1980. № 18. P. 581–618.

Temnikova I.G., Rezanova Z.I., Stepanenko A.A., Dybo A.V., Dacyuk V.V., Nekrasova E.D. The Bimodal Corpus of Russian-Turkic Bilinguals Speech (RuTuBiC) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2019), Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.* Вып. 18. М., 2019. С. 200–210.

Wyburn J., Hayward J. The future of bilingualism: An application of the Baggs and Freedman model // *J. Math. Soc.* 2008. № 32 (4). P. 267–284. doi: 10.1080/00222500802352634

Абдрахманов М.А. К вопросу о закономерностях диалектноязыкового смешения (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1960.

Абдрахманов М.А., Гордеева О.И. О взаимодействии русских говоров и языка томских татар // Учёные записки Томского государственного университета. 1962. № 43. С. 181–188.

Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. Л. : Наука, 1975. 274 с.

Александров О.А. Народно-разговорная речь российских немцев Томской области на уровне социолекта и идиолекта: аспекты описательной и перцептуальной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2022. С. 13.

Артёменко Е.Д. Русский язык в неславянском окружении: модель языковой конкуренции в регионах тесного языкового контактирования // Русин. 2023. № 71. С. 239–250.

Артёменко Е.Д., Буб А.С. Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири // Русин. 2019. Т. 56. С. 294–311.

Ассоциация шорского народа Шория. URL: <https://xn--h1alg4a1b.xn--p1acf/>
Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / под ред. М.В. Лазова. М. : Советская энциклопедия, 1966. 598 с.

Банкова Т.Б. Лексика томского городского просторечия (типология описания) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.

Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона / Артёменко Е.Д., Буб А.С., Васильева А.В., Душейко А.С., Машанло Т.Е., Нагель О.В., Резанова З.И., Сафиуллина Е.Ш., Степаненко А.А., Темникова И.Г. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019620803, 22.05.2019. Заявка № 2019620689 от 07.05.2019.

Блинова О.И. Просторечная лексика в системе местного диалекта // Лексикологический сборник. Барнаул, 1977. С. 68–83.

Блохинская А.В., Гордеева С.В., Касимова Е.В., Оглезнева Е.А., Цзян Ин. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай). Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2014. 164 с.

Багана Ж., Хапилина Е.В. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм. М. : Флинта : Наука, 2010.

Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.

Боргоякова Т.Г. Правовой и функциональный статус языков Республики Хакасия // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2011. № 3. С. 15–20.

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Шорский язык в с. Матур Тыштыпского района Республики Хакасия (по итогам социолингвистического опроса) // Казанская наука. 2020. № 11. С. 132–135.

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова К.А. Языки миноритарных этносов Южной Сибири: статусно-дискурсивная репрезентация в социокультурном контексте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19, № 3. С. 439–452.

Быкова А.И. Просторечная лексика в идиолексиконе сибирского старожила // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Вып. 5, ч. 2: Лингвистика. Томск, 2004. С. 21–23.

Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев : Вища школа, 1979. С. 22.

Васильев В.П., Васильева Э.В. Лексика русских говоров Кузбасса: Материалы для словаря // Вопросы филологии. Кемерово, 1994. С. 97–101.

Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология: Западная Африка. М. : Наука, 1984. 126 с.

Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты. Иваново, 1997. 99 с.

Всемирный конгресс татар | Межрегиональная общественная организация. URL: <https://tatar-congress.org/ru/>

Вьюкова Е.В. Местные диалекты как источник пополнения словарного состава современного русского литературного языка (40–80-е гг. XX в.) // Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985.

Гончарова Т.А., Сайфулина Ф.С. Татары Томской области: факторы формирования и маркеры этнической идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 158–164.

Гордеева О.И. Некоторые наблюдения над усвоением русского языка татарами в условиях русского старожильского окружения // Учёные записки Томского государственного университета. 1962а. № 40. С. 75–80.

Гордеева О.И. Об освоении татарами грамматической категории рода существительных в условиях русского старожильского окружения // Лингвистический сборник. Томск, 1962б. С. 29–34.

Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965а. 239 л.

Гордеева О.И. Некоторые особенности употребления имён прилагательных в русской речи томских татар // Вопросы литературы и языка. Томск, 1965б. С. 120–126.

Диброва В.С. К вопросу о влиянии возраста на субъективное оценивание уровня татарского, хакасского и шорского языков херитажными билингвами (на материале тюркско-русского взаимодействия языков Южной Сибири) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов

IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых учёных (14–16 апреля 2022 г.). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. Вып. 23. С. 201–204.

Диброва В.С. Мотивация выбора языка билингвами в системе современных социокультурных практик (русско-тюркское языковое взаимодействие в Южной Сибири) // Русин. 2023. № 73. С. 244–259.

Диброва В.С. Оценка уровня владения языком херитажными билингвами (на материале тюркско-русского взаимодействия языков Южной Сибири) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022». М. : МАКС Пресс, 2022.

Диброва В.С. Соотношение частотности использования и уровня владения языками у билингвов (по данным анкетирования) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых учёных (13–15 апреля 2023 г.). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. Вып. 24. С. 133–139.

Диброва В.С., Мальцева В.О. Влияние места рождения и места проживания на субъективное оценивание уровня языка херитажными билингвами // Современная лингвистика: от теории к практике : III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.). Казань : Издательство Казанского университета, 2023. Т. 2. С. 423–426.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М. ; Л., 1948. 169 с.

Добродомов И.Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 158.

Дроздов А.И., Карачакова О.М. Межнациональные отношения в Республике Хакасия в начале XXI в.: историко-статистический анализ // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. doi: 10.25136/2409-868X.2019.12.31252

Дыбо А.В., Мальцева В.С. Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в. // Вестник КИГИ РАН. 2021. № 6. С. 1353–1367.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 307 с.

Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. Коммуникативно-языковые механизмы формирования этнокультурной идентичности в дискурсивном пространстве Интернета // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 5–15.

Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы. Хрестоматия. Екатеринбург, 2011.

Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 30–34.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М. : Русский язык, 1977. С. 879.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981.

Иванова Н.И. Интерферентные явления в устной речи билингов-саха: На материале телевизионной речи представителей гуманитарной интеллигенции : дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2002. 188 с.

Иргашева Т.Г., Кузнецова Г.Н., Первакова Е.Н. и др. Культура межнационального общения малочисленного шорского народа Кемеровской области и Хакасии как ценность человеческой цивилизации // Наука и школа. 2023. № 1. С. 109–117.

Ирисов Н.И. Категория падежа в татарском языке в сравнении с индоевропейскими языками // Вестник ЧелГУ. 1997. № 1.

Казак Е.А. Языковая ситуация и языковая политика в республиках Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 26, № 1. С. 7–28.

Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

Казанцева Я.Н. Субъективные факторы выбора языка татарами, компактно проживающими на территории Красноярского края // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52), т. 3. С. 214–217.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

Карпов В.Г. Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков. Абакан, 2011. Ч. I. 220 с.

Касьмова С.Дж. Грамматическая интерференция в русской речи таджиков (на материале глагола) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 183 с.

Катунин Д.А. Статус языков в региональном законодательстве Сибирского федерального округа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 3. С. 137–151.

Комарова И.Г. Уровни и типы этнической идентичности татар Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 161–172.

Конституция Республики Татарстан : принят Законом Республики Татарстан от 30 нояб. 1992 г. № 1665-ХП. URL: https://minjust.tatarstan.ru/konstitutiya.htm?pub_id=1084014.htm

Конституция Республики Хакасия : принята на XVII сессии Верховного Совета Республики Хакасия (первого созыва) 25 мая 1995 г. URL: <https://r-19.ru/documents/4063/32426.html>

Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием от 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ; от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ; от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс». М., 2024.

Коптев М. Введение в корпусную лингвистику. Прага : Animedia Company, 2014. С. 103–107.

Косточаков Г.В. Художественная литература шорского народа // Тюркология. 2016. № 1. С. 76–86.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Наука, 1968. 208 с.

Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Куруленко Э.А., Нефёдова Д.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующейся реальности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 1. С. 231.

Кызласов А.С., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е. и др. О языковой ситуации у хакасов (в местах проживания сельского хакасского населения) // МНКО. 2019. № 2 (75).

Кызласов А.С., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е. и др. Особенности функционирования хакасского языка в городской среде // МНКО. 2018. № 2 (69).

Лазаренко Л.А. Лексическая интерференция в устной румынской речи на Украине (лингвистический и социолингвистический аспекты) // Монографство. 1996. № 2-3. С. 32–38.

Леонова Е.В. История формирования понятия «языковая ситуация» в отечественной лингвистике XX века // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 1. С. 24–25.

Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

Макеева А.Э. Интерферентные явления в русской речи кыргызов-билингвов (морфолого-синтаксический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 1995. 18 с.

Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 2001. С. 78.

Мамедов А.К. Социологические и этнокультурные аспекты развития сибирскотатарского народа // Общество и государство. 2024. № 2 (46). С. 18–22.

Нагель О.В., Темникова И.Г. Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // Русин. 2019. Т. 56. С. 213–226. doi: 10.17223/18572685/56/13

Нагель О.В., Темникова И.Г. Проявление специфики грамматической родовой категоризации контактирующих языков в интерферентных явлениях в русской речи татарско-русских билингвов // Язык и культура. 2019. № 48. doi: 10.17223/19996195/48/12

Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 103–123. doi: 10.17223/19986645/57/6

Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы. М. : Наука, 1976. 166 с.

Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М. : Мысль, 2001. URL: <https://clck.ru/3F545R>

Новожилов А.Г. Сохранение языков коренных малочисленных народов в условиях глобализации (опыт Северо-Запада России) // Русин. 2022. № 67. С. 361–374. doi: 10.17223/18572685/67/20

Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры». URL: <https://depkult.tomsk.gov.ru/people/front/view/id/1094>

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / отв. ред. В.Г. Орлова ; авт. колл.: К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, А.И. Сологуб, Т.Ю. Строганова. М. : Наука, 1970. 455 с.

О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». М., 2024. URL: <https://clck.ru/3FQ9bh>

О государственном языке Российской Федерации : Закон от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 28 февр. 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». М., 2024.

О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан : Закон РТ от 8 июля 1992 г. № 1560-ХII. URL: <https://edu.tatar.ru/kirov/kazan/dou56/page1724941.htm>

О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757631> (дата обращения: 01.10.2023).

О коренных малочисленных народах Кемеровской области – Кузбасса : Закон Кемеровской области от 9 марта 2005 г. № 42-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/990304962> (дата обращения: 01.10.2023).

О правовом статусе коренных малочисленных народов в Кемеровской области : Закон Кемеровской области от 2 февраля 1999 г. № 14-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/990101857> (дата обращения: 01.10.2023).

О языках народов Республики Хакасия : Закон Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11. URL: <https://base.garant.ru/20501722/> (дата обращения: 01.10.2023).

О языках народов Российской Федерации // Закон РФ от 25 окт. 1991 г. № 1807-1 (ред. от 13 июня 2023 г.) // СПС КонсультантПлюс. М., 2024.

Об утверждении Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан : Указ Президента РТ от 03.07.2008 № УП-312. URL: <https://clck.ru/3FRcLm> (дата обращения: 01.10.2023).

Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры». URL: <https://depkult.tomsk.gov.ru/people/front/view/id/1094> (дата обращения: 01.10.2023).

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / отв. ред. д-р филол. наук В.Г. Орлова ; авт. колл. К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, А.И. Сологуб, Т.Ю. Строганова. М. : Наука, 1970. С. 247–455.

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. 471 с.

Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. Историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе. Благовещенск : АмГУ, 2011. С. 7–25.

Пантелеева Е.М. К вопросу о синонимике предложных конструкций по материалам говоров Кемеровской области // Учёные записки Томского университета. 1963. № 47. С. 75–85.

Плуняня В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003. 384 с.

Психолингвистическая база данных TurkWordPerception: оценки слов татарского и хакасского языков по модальностям восприятия / Бурнакова А.В., Владимирова В.Е. и др. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622589, 21.10.2022.

Психолингвистическая база данных оценок слов русского языка RuWord-Perception / Артёменко Е.Д., Буб А.С. и др. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2021622890, 10.12.2021.

Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25.

Резанова З.И. Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 33–41.

Резанова З.И. Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев // Interface. 2020. Is. 13. С. 97–120.

Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118. doi: 10.17223/22274200/11/7

Резанова З.И. Фрагмент разметки в лингвистическом корпусе RuTuViC. Переключение кода или лексическое заимствование? // Вопросы лексикографии. 2021. № 20. С. 91–104.

Резанова З.И., Дыбо А.В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195–211.

Резанова З.И., Дыбо А.В. Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // Русин. 2020. № 62. С. 144–158.

Резанова З.И., Еришова Е.Ю. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104–124.

Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.

Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Влияние грамматической категории рода на бимодальное восприятие имен существительных болгарского языка // Русин. 2015. № 3. С. 241–255.

Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Категория абстрактности имен существительных в русском и болгарском языках: когнитивные рефлексии формализации // Русин. 2016. № 3 (45). doi: 10.17223/18572685/45/3

Резанова З.И., Рыжова О.В. Лексическая интерференция как речевое явление: обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. № 24 (2). С. 177–185. doi: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-177-185

Резанова З.И., Рыжова О.В., Ширинова Р.Х. Языки в «светлом поле» сознания билинга (на материале метатекстов шорско-русских билингов корпуса устной речи RuTuViC) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 130–145.

Резанова З.И., Рябова Ю.А. Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингов: интерферентное влияние или внутриязыковые тенденции? // Русин. 2021. № 66. С. 116–182.

Резанова З.И., Темникова И.Г., Артёменко Е.Д. и др. Бимодальный корпус речи русско-тюркских билингов (RuTuViC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2019. № 18. С. 200–210.

Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. doi: 10.17223/15617793/436/7

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати. 5-е изд., испр. М. : Книга, 1989. 320 с.

Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л. : Наука, 1972. 80 с.

Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского унта, 2008. С. 49–57.

Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ (серия «Дискурсология»). Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. С. 11–30.

Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Наука, 1973.

Русская разговорная речь: тексты / отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М., 1978.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Наука, 1983.

Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 1 / под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1984. С. 107.

Русские говоры Среднего Приобья. Ч. 2 / под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1989.

Русский учебный корпус, RLC. URL: <http://web-corpora.net/RLC>.

Рыжова О.В. Метаязыковая рефлексия в речи русско-тюркских билингвов // Сборник материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» / под ред. Е.О. Третьякова. Томск, 2020. С. 90–92.

Сагалакова Т.Н. Языковое законодательство в субъектах Российской Федерации с разными правовыми статусами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-1 (64).

Сайдимова Э.Р. Компоненты этнического и культурного самосознания в молодежной среде сибирских татар // Образование и право. 2021. № 10. С. 388–391.

Сергодеев В.А. Коммуникативная культура интернет-сообществ: специфика и возможности операционализации // European Social Science Journal. 2014. Т. 1, № 6. С. 382–388.

Сергодеева Е.А., Бурчикова Е.О. Коммуникативные практики в повседневности информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 317–319.

Серова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Язык и культура. 2010. № 4 (12). С. 44–56.

Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010.

Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: морфология. Казань, 2017. 180 с.

Социолингвистическая база данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов / Артеменко Е.Д., Буб А.С. и др. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023622697, 07.08.2023. Заявка № 2023622343 от 25.07.2023.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. : Наука, 1997. 799 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. : Наука, 1988. 557 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. : Наука, 1984. 484 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М. : Наука, 2002. 767 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : Либроком, 2012. 370 с.

Темникова И.Г., Диброва В.С. Влияние институциональных дискурсов на языковое самоопределение в условиях полиэтнического социума // Русин. 2022. № 70. С. 232–243.

Толковый словарь по социологии. 2013. URL: <https://clck.ru/3F55AH>

Томская диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2006.

Труды Томской диалектологической школы: библиографический указатель / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2003.

Устав (Основной Закон) Томской области : принят решением Томской областной Думы от 26 июля 2009 г. № 136. URL: <https://www.duma.tomsk.ru/document/view/35>

Устав Кемеровской области – Кузбасса : принят Законодательным Собранием Кемеровской обл. 9 апреля 1997 г. (в ред. № 49 от 06 апреля 2023 г.). URL: <http://surl.li/agumrn>

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.

Царегородцева О.В., Резанова З.И. Влияние различий грамматической категоризации на концептуализацию объектов: русско-татарское языковое взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 54–61. doi: 10.17223/15617793/438/7

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М. : Прогресс, 1972. С. 61–80.

Чистяков Э.Ф. К вопросу о формировании диалектной системы шорского языка // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 55–62.

Чистяков Э.Ф., Абдрахманов М.А. Территориальные различия в фонетике и лексике шорского языка // Материалы к предстоящей VIII научной конференции Новокузнецкого пединститута. Новокузнецк, 1967. С. 28–30.

Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 4. С. 19.

Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 176 с.

Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М. : Высшая школа, 1978. 216 с.

Хакасский язык | Малые языки России. URL: <https://minlang.ilingran.ru/lang/khakasskiy-yazyk>

Ячин С.Е. Язык как основание и универсальная модель культуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 14.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Несбалансированные языковые ситуации в восприятии билингвов (тюркско-русский билингвизм в Южной Сибири)	10
1.1. К характеристике языковых ситуаций в регионах компактного проживания носителей исследуемых вариантов билингвизма (В.Н. Диброва)	10
1.1.1. Хакасский и русский языки в языковой ситуации Республики Хакасия	14
1.1.2. Татарский и русский языки в языковой ситуации Томской области	21
1.1.3. Шорский и русский языки в языковой ситуации Томской области	26
1.2. Языковые ситуации в Южной Сибири в восприятии билингвов (по материалам социолингвистической базы данных RuTurkSocLing)	31
1.2.1. Формирование базы данных RuTurkSocLing и ее структура (В.Н. Диброва)	32
1.2.2. Использование первого и второго языков в условиях несбалансированных языковых ситуаций в оценках херитажных билингвов	40
1.2.2.1. Мотивация выбора языка билингвами в социальных практиках несбалансированных языковых ситуаций (В.Н. Диброва)	41
1.2.2.2. Факторы, определяющие функциональное соотношение родного и второго языка, в оценках татарско-русских билингвов (И.Г. Темникова, В.Н. Диброва)	51
1.2.2.3. Оценки уровня владения родным языком херитажными билингвами (В.Н. Диброва)	56
1.2.2.4. Модель языковой конкуренции в Южной Сибири (Е.Д. Артеменко)	60
1.2.2.5. Оценки уровня владения языком билингвами с разным образованием (В.Н. Диброва)	68
1.2.2.6. Оценки уровня владения языком в соотношении с местом рождения/проживания билингвов (В.Н. Диброва)	71
1.2.3. Модель языковой конкуренции в Южной Сибири	73
1.3. Языковые ситуации в Южной Сибири в восприятии шорско-русских билингвов (по материалам Корпуса русской устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC)	80

1.3.1. Образ шорского языка в дискурсах этнокультурного и этноязыкового самоопределения шорцев (З.И. Резанова)	82
1.3.2. Структурные элементы шорского языка в метаязыковых рефлексиях современных шорцев (З.И. Резанова, О.В. Рыжова)	97
1.3.3. Образ шорской культуры в дискурсах этнокультурного самоопределения шорцев (О.В. Рыжова)	105
Глава 2. Корпусное исследование русской речи тюркско-русских билингвов Южной Сибири	111
2.1. Аннотирование по отклонениям от речевого стандарта подкорпуса Бимодального корпуса устной речи тюркско-русских билингвов (RuTuViC) (З.И. Резанова)	112
2.2. Метаразметка в подкорпусе (З.И. Резанова)	119
2.3. Отклонения от речевого стандарта в русской речи тюркско-русских билингвов	142
2.3.1. Теоретические основы и методика анализа (А.В. Дыбо, З.И. Резанова)	142
2.3.2. Внутрязыковая и межъязыковая интерференция (шорско-русское языковое взаимодействие) (А.В. Дыбо, З.И. Резанова)	145
2.3.2.1. Внутрисистемное влияние норм устной коммуникации	145
2.3.2.2. Влияние диалектной и просторечной форм русского языка	146
2.3.2.3. Влияние норм родного языка – межъязыковая интерференция	151
2.3.3. Взаимодействие внутрязыковых и межъязыковых влияний на смещение именных грамматических норм в речи тюркско-русских билингвов (А.В. Дыбо, З.И. Резанова)	153
2.3.4. Межъязыковая интерференция в сфере именных грамматических форм: татарско-русское языковое взаимодействие (О.В. Нагель, И.Г. Темникова)	170
2.3.5. Лексическая интерференция в русской речи шорско-русских билингвов (О.В. Рыжова)	177
2.4. Отклонения от речевого стандарта: распределение типов, соотношение с социальными группами носителей тюркско-русского билингвизма (И.С. Коришнова, З.И. Резанова, А.А. Степаненко)	186
Литература	200

Научное издание

Зоя Ивановна РЕЗАНОВА, Елена Дмитриевна АРТЕМЕНКО,
Вероника Сергеевна ДИБРОВА, Анна Владимировна ДЫБЮ,
Ирина Сергеевна КОРШУНОВА, Ольга Васильевна НАГЕЛЬ,
Ольга Владимировна РЫЖОВА, Андрей Александрович СТЕПАНЕНКО,
Ирина Геннадьевна ТЕМНИКОВА

**РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ
КОНТАКТИРОВАНИЯ:
тюркско-русское языковое взаимодействие**

Часть 1

Социолингвистическое и корпусное исследование

Редактор Ю.П. Готфрид
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 27.12.2024 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 6153.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907890-61-9

9 785907 890619 >